Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕН322
Л968

М. Н. ЛЯДОВ

25 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)

РКП(б.)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ И БОРЬБЫ

ИЗД. „КРАСНОЙ НОВИ"
И НИЖЕГОРОДСКОГО ГУБКОМА Р.К.П.
1923

1 7к1

Б.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009

ПОСВЯЩАЕТСЯ

всем положившим жизнь свою в борьбе рабочего класса, всем активно работавшим и работающим в рядах партии.

М. Лядов.

ЕН322
Л 968 Р

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. До образования партии 3
II. Как развивалась партия и революция 15
III. Партия в годы реакции 52
IV. Война и партия 73
V. Партия и революция 86

№ 2087
БИБЛИОТЕКА
СФ 34426
212919

„НИЖПОЛИГРАФ“
Гублит № 243 1923 Тираж—20000

I. ДО ОБРАЗОВАНИЯ ПАРТИИ.

25 лет тому назад, 1/14 марта 1898 года в Минске началось оффициальное существование партии. В этот день 9 представителей работающих в России социал-демократических организаций с'ехались на с'езд, который назвал себя первым С'ездом Российской Социал-Демократической Рабочей партии.

На этом с'езде участвовали от „Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса"—Степан Иванович Радченко, от „Московского"—Александр Ванновский, от „Екатеринославского"—Казимир Адамович Петрусевич. от „Киевского"—Павел Лукич Тучапский, от редакции „Рабочей Газеты"—Николай Абрамович Вигдорчик и Борис Александрович Эйдельман и от „Обще-еврейского рабочего союза в России и Польше" (Бунда)—Александр Кремер, Абрам Мутник и Коссовский. Вот эти-то лица и образовали нашу партию.

Партия назвала себя „Российской", чтобы ясно подчеркнуть, что она стремится об'единить рабочее движение всех населяющих Российское государство национальностей. Она назвала себя „Социал-Демократической", чтобы подчеркнуть, что она является отрядом международного социал-демократического движения. Она назвалась „Рабочей", чтобы ярко отметить, что она хочет быть классовой партией пролетариата. Партия наша сохранила это название в течение ровно 20-ти лет. Но после того, как заграничные и русские меньшевики социал-демократы, открыто перекочевали в лагерь буржуазии и там выступили единым фронтом против пролетарской революции, наша партия решила отказаться от старого названия. Она решила резко отмежеваться от этих предателей и сняла с себя оплеванное и опозоренное социал-демократическое имя. На VII своем с'езде, в марте 1918 г., партия решила впредь называться „Российской Коммунистической Партией" (большевиков).

Российская социал-демократическая рабочая партия начала свое оффициальное существование в 50-ти летнюю годовщину революции 48-го года в Западной Европе. В 1848 году, впервые в Европе резко столкнулись классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом. Тогда впервые резко и определенно был расшифрован перед широкими массами буржуазный революционный лозунг „Свобода. равенство и братство". В пояснение этих великих слов, буржуазия выдвинула „пехоту, кавалерию

и артиллерию" и при их помощи дала в июльские дни кровавый урок парижскому пролетариату. Впредь он должен „свободно" умирать с голода, быть „равным" в бесправии и нищете и „братски" безропотно переносить эксплоатацию капитала. После этого кровавого урока, западно-европейский пролетариат начал понимать, что в борьбе за свое освобождение у него нет и не может быть союзников, он начал понимать, что ему нужно организоваться и вести борьбу за свой риск и страх. Именно с этого года пролетариат начал искать и находить правильный путь организации своей классовой партии. Но, конечно, нашел он этот путь не сразу; стихийные забастовки, которые он был вынужден вести, благодаря все усиливающемуся гнету капитала, научили его создавать боевые стачечные кассы. Дальше он научился превращать эти кассы в широко разветвленные профессиональные союзы. Во время экономических забастовок, буржуазия пользовалась для борьбы с рабочими всем государственным аппаратом. Чиновники, суды, полиция, тюрьмы и постоянная армия оказались на службе у буржуазии. Тогда рабочий класс стал понимать, что ему надлежит начать борьбу за овладение этим государственным аппаратом, вырвать из рук буржуазии государственную власть. Вот первый этап, который должен проделать рабочий класс, чтобы окончательно освободить мир трудящихся от всякой эксплоатации. А для этой цели рабочему классу нужно создать свою самостоятельную, независимую от буржуазии классовую политическую партию.

Встав на путь самостоятельной борьбы, рабочий класс очень скоро начал понимать, что главной его силой, главным орудием его борьбы является о сознание широкими массами их классовых интересов. В поисках этого сознания стихийное рабочее движение должно было столкнуться и действительно столкнулось с научной социалистической мыслью. Маркс и Энгельс впитали в себя весь опыт классовой борьбы пролетариата, впитали в себя и все достижения старой буржуазной науки. И они создали из этих элементов научный социализм. Они нарисовали перед рабочим классом яркую картину того строя, к которому неизбежно идет дальнейшее развитие буржуазного общества. Они наглядно изобразили, как в ходе этого развития буржуазия все более и более выращивает и об'единяет своих собственных могильщиков. Они доказали, как неизбежно рушатся все созданные историей искусственные перегородки, отделяющие человека от человека. Как постепенно стираются границы между государствами, нациями, сословиями, вероисповеданиями и полами и как на их место все более и более выявляются два резко противостоящих друг против друга класса. Пропасть между этими классами растет все глубже и глубже. В руках меньшинства сосредотачиваются все производительные силы, богатства всего мира и управление всем миром, в то время как большинство человечества превращается в наемников, у которых ничего нет, кроме своей рабочей силы, и эту силу они вынуждены выносить на рынок,

на продажу. Благодаря научному социализму перед рабочим классом всех передовых стран ясно наметилась конечная цель их борьбы. И достижение конечной этой цели стало лозунгом и путеводной нитью пролетарского движения всех стран, Под этим лозунгом начала строиться международная социал-демократия.

Наша основанная в 1898 году партия развивалась совершенно таким же путем. Стихийная экономическая борьба рабочих началась с тех пор, как зародился русский капитализм. И еще в старые времена, когда за недостатком свободных рабочих к фабрикам приписывались насильственно сгоняемые с разных губерний крестьяне, уже тогда рабочие начали бунтовать против невыносимого гнета на этих фабриках. Вот, например, суконная фабрика Осокина в Казани. К ней было приписано 1414 душ мужского пола. Они начали бунтовать в половине 18-го века. Рабочие то посылали ходоков к губернаторам, к министрам, к царю, то оказывали сопротивление воинским экзекуциям, прогоняли чиновников, которых присылали к ним для усмирения. Их ходоков арестовывали, подстрекателей сдавали в солдаты, их самих ссылали в Сибирь, пороли плетьми до смерти. На место погибших появлялись новые вожаки, выбирались новые ходоки. Но рабочие не сдавались, их пытались силком, при помощи солдат, сгонять к станкам. Они продолжали упорствовать. Плетьми забивали стариков, на их место становились сыновья. Правительство отметило крупные столкновения и волнения на этой фабрике в 1796, 1798, 1800, 1806, 1817, 1818, 1819, 1820, 1823, 1829, 1832, 1834 и 1836 г.г., пока, наконец, в 1849 году рабочие добились своего. Фабрика была закрыта, а рабочие были освобождены от крепостной зависимости. В числе главных героев руководителей этой почти вековой борьбы следует отметить рабочих Соколова, Ефремова, Мясниковых (отца и сына), Бабина, Попова, Чудина и Сметанова. Все они в разное время были засечены плетьми или погибли в Сибирской каторге. История казанских ткачей была далеко не единичной. На шелковой фабрике Лазаревых, в с. Фрянове, Богородского уезда, рабочие периодически бунтовали по тем же причинам с 1771 года до 40-х годов 19 столетия. Большая ярославская мануфактура Яковлевых бунтовала с 1798 по 1821 год. Долго бунтовали, начиная с 1797 года, рабочие большого суконного двора, принадлежавшего князю Долгорукову. Вот случайный, далеко не полный, список рабочих бунтов в первой четверти девятнадцатого столетия: на суконной фабрике Гарденина, Тамбовской губернии в 1811 г., на писчебумажной фабрике Гончарова, Калужской г., в 1814 году, на фабрике Красильникова в Ярославле—в 1815 г., на Красносельской писчебумажной фабрике—в 1816 г., на Мало-Ярославской мануфактуре—в 1817 г., на суконной фабрике Титова, Воронежской губ., и на полотняной Церевитинова в Калужской губ.—в 1821 г., на фабрике Носова, Шуйского уезда,—в 1823 г. и так далее и т. д. И всюду наблюдается одно и то же. Рабочие пред'являют требования, выбирают ходоков, отправляют

их либо к губернатору, либо к министрам. Губерния высылает чиновников с военной командой, хватают „зачинщиков", порят их плетьми, упорных ссылают в Сибирь или сдают в рекрута, иногда секут всех поголовно. И тем не менее, рабочим, иногда благодаря невероятному упорству, даже тогда удавалось добиваться своего.

Много безымянных героев принес в жертву в этой борьбе русский рабочий класс. Чем шире развивается капитализм в России, тем чаще и чаще появляются забастовки рабочих. Читая описания этих забастовок, невольно поражаешься, какую силу, какую выдержку и какую дисциплинированность проявляли уже тогда русские рабочие. Со второй четверти 19-го столетия в центральной России начался быстрый рост хлопчато-бумажной промышленности. Вместе с этим началась и убийственная эксплоатация на хлопчато-бумажных фабриках детского труда. Дети до 12 лет работают круглые сутки. На этой почве в 1844 г. вспыхивает настоящее восстание на огромной Вознесенской бумагопрядильне в Дмитровском уезде под Москвой. Это восстание кровавым образом усмиряется воинской силой, но правительство из боязни, что эти волнения легко могут перекинуться на 23 московских бумаго-прядильни, вынуждено издать в 1845 г. первый закон по ограждению детского труда на фабриках. По этому закону запрещалась ночная работа на фабриках малолетним до 12-ти-летнего возраста.

Но, идя на эту вынужденную уступку рабочим, правительство Николая I-го в том же 1845 году проводит статью нового Уложения о наказаниях, по которой в случае „явного неповиновения фабричных и заводских людей владельцу и управляющему заводом, оказанного целой артелью или толпой, виновные подвергаются наказаниям, определенным за восстания против властей, правительством установленных". т. е. до каторжных работ включительно.

Уже с 30 годов царское правительство с тревогой следит за развитием рабочих и в них видит людей опасных с политической точки зрения. Николай I-й с тревогой читает в 1848 году докладную записку московского генерал-губернатора графа Закревского, в которой тот пишет, что на московских фабриках работает 36000 фабричных, „они легко пристают к каждому движению, нарушающему общественное и частное спокойствие". В столице „нельзя допускать такого скопления бездомных и безнравственных людей". „надо запретить устройство в Москве новых фабрик и заводов, а уже существующим заведениям не дозволять расширения производств, увеличения числа станов, печей и рабочих". Царь вполне с этим согласен. И лишь решительное противодействие всех встревоженных этим проэктом фабрикантов, поддержанное министром финансов, спасает московские фабрики от разгромов.

Царское правительство уже тогда предчувствовало, что в лице рабочих растет та единственная реальная сила, которая

сможет покончить с самодержавием. Но как не начинает бояться самодержавие увеличения числа рабочих и сосредоточения их в крупных городах, оно оказалось бессильным затормозить рост крупной промышленности, а вместе с тем и количественный рост рабочих. Россия быстро превращается в крупно-капиталистическую страну. Особенно быстро это превращение происходит после освобождения крестьян от земли. Число рабочих на фабриках и заводах (не обложенных акцизом) в 50-ти европейских губерниях (т.-е. без Польши, Прибалтийского края и Финляндии) выросло с 358 тыс. в 1862 году до 1124 тыс в 1898 году.

Если во всех забастовках и волнениях рабочих в первой половине 19 столетия рабочие к чисто рабочим требованиям (сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы, уменьшения эксплоатации детского труда и т. п.) часто примешивали чисто крестьянский протест против крепостного права, то в забастовочной волне, широко разлившейся по всей России в 70 и 80 г г., мы видим уже зарождение чисто пролетарского движения. Правда, способы борьбы вначале носят тот же крестьянский характер. Рабочие выбирают ходоков, отправляют их в полицию, к министрам, к царю и до ответа прекращают работу. Иногда начинают громить саму фабрику, контору или квартиру ненавистного директора. Дело кончается военной экзекуцией, ловлей и наказанием зачинщиков, часто общим расчетом всех бастующих и набором новых рабочих. Но вот и у нас в России, наконец, рабочие начинают понимать, что в их борьбе им расчитывать на помощь со стороны царя или министра не приходится, что всегда эту помощь и царь и все правительство окажет лишь буржуазии—хозяевам Рабочие начинают понимать, что для борьбы нужна организация, нужны знания того, как бороться. Передовые рабочие идут в разные воскресные, вечерние и технические школы. Идут туда, чтобы там найти настоящих знаний, разыскать настоящую книгу, сойтись с настоящими людьми, которые могли бы об'яснить, рассказать, как борятся рабочие заграницей, научить, как нужно бороться у нас в России.

В то время лучшая часть русской интеллигенции разочаровалась окончательно в попытках поднять крестьянство. Интеллигентная молодежь целой массой хлынула в деревню с глубокой верой в то, что русские крестьяне являются истинными носителями социализма. Стоит лишь организовать их и они расправятся со своими помещиками, не дадут развиться в России буржуазному порядку. Именно они положат основание настоящему социалистическому строю. Но деревня встретила народников с полным недоверием. Крестьяне видели в них баричей, которые плетут что-то несуразное и непонятное, может быть, хотят вернуть обратно крепостное право. Революционная молодежь в поисках настоящего народа столкнулась в воскресных и вечерних школах с передовыми рабочими. Народники видели в рабочем настоящего представителя народа Убедить рабочего, распропагандировать его в народнических идеалах и тогда он

наверное бросит свою фабрику и пойдет в деревню пропагандистом. Там его наверное послушают крестьяне, для них он не будет барином, а своим человеком. Народники-интеллигенты создают кружки рабочих. В этих кружках они знакомят их с западно-европейским рабочим движением, знакомят и с историей европейских революций. Рабочие жадно впитывают в себя все знания, требуют все новых и новых. Но лишь немногие из них принимают те выводы из этих знаний, которые хотят навязать им народники. Они-то, рабочие, лучше знают крестьян и хорошо понимают, что не там в деревне можно ждать начала социальной революции. Полученные знания рабочие перерабатывают и переваривают по-своему. И вот уже в 1875 году в Одессе образуется „Южно-Русский Рабочий Союз", который, в противоположность интеллигентским народническим организациям, самым решительным образом заявляет, что ближайшей задачей союза является завоевание политической свободы. Интеллигенты-народники полагали, что бороться за конституцию, за политическую свободу является делом либералов и буржуазии, а не народа и не революционных партий.

Еще решительней эту точку зрения высказал организованный в Петербурге в 1879 году „Северный Союз Русских Рабочих". Во главе этого союза стоял талантливый организатор, столяр Степан Халтурин. Ему удалось организовать целую сеть кружков, в которые входило свыше 200 рабочих, он создал также строго-законспирированный центр руководивший деятельностью всей организации. Во всю эту организацию входили исключительно рабочие. И вот, в то время, как интеллигенция беспомощно барахтается в попытках найти пути к осуществлению созданной ею мечты о социализме, Северный Союз вырабатывает свою программу, которая в общем и целом мало чем отличается от социал-демократической программы германских рабочих. В этой программе выставлены определенные политические требования, указывается тот минимум политических свобод, который является необходимым для дальнейшего развития рабочего движения, а на ряду с этим выставляется ряд требований экономического характера, за который уже борется русский рабочий.

Южно-Русский Рабочий Союз не успел в чем-либо проявить себя, он черезчур быстро был раскрыт и почти все члены его арестованы, но Северный Союз Русских рабочих может безусловно считаться первой русской пролетарской политической организацией, которая ясно и определенно выдвинула задачу руководить уже фактически начавшимся рабочим движением. Пусть в его программе мы находим еще много следов влияния народнических утопий, но он уже звал на борьбу рабочий класс и организовывал рабочих к ведению классовой борьбы. Политически воспитывая широкую массу, Союз приготовил и отпечатал в нелегальной типографии первую действительно рабочую газету „Заря Рабочего". В ней все корреспонденции и статьи, кроме

передовой, были написаны самими рабочими. Но Союзу не удалось распространить в массах эту газету. Она была арестована вместе с типографией, как только кончился набор.

В это время мирные пропагандисты-народники начали убеждаться, что при самодержавии никакая мирная работа для них невозможна. Уже не один из их среды был выхвачен. Кого отправили в Сибирь или на каторгу, а кто попал на виселицу. Партия „Земля и Воля"—так назывались революционеры-народники на с'езде своем в Воронеже разбились на 2 лагеря. Одни остались при старых народнических взглядах,—они приняли название партии „Черный Передел", другие признали, что какая либо социалистическая работа сейчас ни к чему не приведет, надо временно свернуть свое социалистическое знамя и прежде всего завоевать политическую свободу. Завоевать же свободу может лишь боевая организация революционеров. Народ к восстанию не подготовлен, по этому революционеры должны вступить в единоборство с самодержавием. Они будут уничтожать жандармов, прокуроров, министров, будут мстить за всякого погибшего революционера, убьют, наконец, самого царя. Тогда народ поймет, что они жертвуют собой для него, и поддержит их. Опираясь на сочувствие народа, они вырвут власть из рук гибнущего терроризированного самодержавия и, пользуясь этой властью сделают все, что необходимо народу, т. е. приступят тогда к созданию социалистического строя. Эта часть народников назвалась партией „Народной Воли" и очень скоро действительно проявила колоссальную энергию и самопожертвование. Подобралась сильная кампания испытанных борцов героев, которые действительно успели терроризировать правительство целым рядом хорошо-организованных убийств и покушений и своей неуловимостью. После убийства Александра II его перепуганный сын Александр III готов был уже итти на уступки и начал через посредников вести переговоры с Исполнительным Комитетом. Но очень скоро обнаружилось, что за спиной революционеров нет сочувствующей массы, народ не понял революционеров, не выступил на их поддержку. Для народа убийство царя было лишь сведением счетов между господами. Поняв это, правительство жестоко расправилось с народовольцами и организовало неслыханную реакцию. Народ молчал, он ничего не понимал.

Лучшие рабочие из Северного Союза вместе с вожаком Союза Степаном Халтуриным целиком ушли в эту героическую борьбу террором. Лучшие, наиболее революционно настроенные рабочие на время отошли от будничной работы по пропаганде и организации рабочих масс, законспирировались в боевой организации и большинство из них погибло вместе с ней на передовых постах. Лишенный руководства Союз распался вскоре после 1881 года.

Но дело не погибло. Уже в 1884 году в том же Петербурге студент болгарин Благоев начинает пропаганду среди интел-

лигенции и рабочих. По своим взглядам он резко расходится с народниками и народовольцами. Он не верит в успех интеллигентских заговорщеских организаций, он не верит в народнический дворянско-мужицкий социализм. Лозунгу народовольцев „Все для народа, но без народа“ он противопоставляет другой лозунг „Все для народа, но через самодеятельность и классовое самосознание масс“. Он убежден, что единственным революционным классом в России может быть только рабочий класс. Одним словом, он стоит уже целиком на точке зрения научного социализма. Созданный им кружок марксистов может без сомнения считаться первой в России революционно-марксистской организацией. Правда, марксизм этой группы далеко еще не освободился от некоторого налета лассальянства, но в главных своих основах эта группа уже стояла на социал-демократической точке зрения Она признавала необходимость организации самостоятельной классовой политической партии пролетариата. Самое важное было то, что группа Благоева сразу начала завязывать широкие связи с рабочими, всюду организовывала пропагандистские кружки рабочих и выпустила два номера популярной газеты „Рабочий“

Новая волна забастовок, охватившая почти всю промышленную Россию после жестокого кризиса 1883 года, под влиянием находившихся уже под воздействием революционных организаций рабочих протекала уже гораздо организованее и сознательнее, чем стачки 70 годов. Особенно эта организованность и сознательность проявилась в знаменитой Морозовской стачке в Орехове-Зуеве в 1885 году В руководстве этой стачки особенно выделились ткачи Волков и Моисеенко. Оба они судились за эту стачку, оба выступали на суде с горячими чисто революционными речами. Волков погиб в Сибири, а Моисеенко и поныне здравствует. Орехово-Зуевские рабочие недавно в 38 годовщину этой стачки чествовали ее руководителя 70-летнего товарища Моисеенко. Морозовская стачка прогремела уже по всей Европе. Западно-европейский революционный пролетариат приветствовал эту стачку, как вступление российского рабочего класса в семью борящегося мирового пролетариата

Одновременно с зарождением в Петербурге рабочей марксистской организации группы Благоева, за-границей среди многочисленной русской эмиграции начался перелом в сторону освобождения от народнических утопий. Знамя борьбы против народничества подняла группа черно-передельцев в лице Плеханова, Игнатьева, Аксельрода, Веры Засулич и Дейча. Там, за-границей-они имели возможность близко ознакомиться с научным социализмом, с теорией и практикой мирового рабочего движения. Вооружившись этим знанием, они организовали группу „Освобождение труда“. Плеханов, недавно еще стоявший в рядах „Земли и Воли“, ярый народник, резко нападавший на политический уклон „Северного Союза Русских Рабочих“, после этого один из основателей чисто-народнического „Черного Передела“, мало-по-

малу за-границей все более и более начал проникаться марксизмом. Начиная с 1883 года, он выпускает ряд брошюр: „Социализм и политическая борьба“, „Наши разногласия“ и начинает бешеную кампанию против народничества, против их мечтаний о самобытности русского крестьянства, об особом пути, по которому, якобы, должна пойти Россия, минуя капитализм и буржуазный строй.

Громадная заслуга группы „Освобождение труда“, в особенности ее лидера Георгия Валентиновича Плеханова в том, что она первая применила марксистский анализ к русской действительности. Плеханов сумел широко использовать богатый статистический материал, освещающий действительное положение хозяйства и в особенности положение русской деревни. Если Благоев может почитаться у нас, как родоначальник марксистов-практиков, то за Плехановым останется навсегда заслуга быть отцом русской марксистской теории. Практически руководить широко-развертывающимся в России рабочим движением группа „Освобождение труда“, конечно, не могла. У нее были лишь случайные и кратковременные связи с Россией. Выработанный ею в 1884 году и напечатанный в 1885 году „Проэкт программы русских социал-демократов“ так и остался проэктом. Группа не стала центром зарождающейся партии. Первое время,—и сравнительно долгое время,—и за-границей, и в России у группы было очень мало последователей. Интеллигенция, к которой главным образом обращался Плеханов, в то время, и по своему происхождению, и по своей общественной деятельности была очень далека от рабочего класса и, конечно, поэтому понять марксизм не могла. В России, правда, многие в это время читали труды самого Маркса. Его капитальные произведения, как „К критике некоторых положений политической экономии“ и I том „Капитала“ появились в русском переводе уже в конце 60-х и в начале 70-х годов. Но громадное большинство, изучавших Маркса, его совершенно не понимало, а главное было совершенно не в состоянии применить его теорию, к русской действительности. России нужно было пережить коренную ломку, явившуюся результатом страшного голода 1891—92 годов, нужно было, чтобы под влиянием этого голода масса крестьян была выброшена из деревень в города. Нужно было, чтобы эти массы, в поисках за работой, готовы были работать по самым дешевым ценам и чтобы дешевизна рабочих рук привлекла в Россию целый поток заграничных капиталов. Нужно было пережить все это, чтобы наша интеллигенция начала серьезно задумываться о том, что старые крестьянские устои уже действительно перестали существовать и начала понимать, что прав был Плеханов и его ученики, которые уже за несколько лет до этого ясно наметили тот новый путь, на который уже вступило развитие России.

Вот по разным городам России, начиная с 1891—92 годов, появляются совершенно самостоятельно друг от друга кружки марксистов. Все они тщательно изучают марксистскую литера-

туру, тщательно знакомятся с русской дйствительностью и завязывают связь с передовыми рабочими. Передовые рабочие в большинстве случаев сразу и без колебаний принимают научный социализм, как свою классовую теорию, и очень быстро становятся марксистами. Уже в 1894 году такие кружки насчитывались в Москве, Цетербурге, Вильне, Лодзи, Варшаве, Одессе, Ростове, Киеве, Казани, Харькове, Нижнем, Иваново-Вознесенске, Коврове, Екатеринославе, Николаеве, Орле, Туле и т. д. Эти марксистские кружки развивались далеко не одинаково. Там, где не было крупной промышленности, где не было стихийного рабочего движения, там марксисты долго варятся в собственном соку, и, наоборот, в крупных промышленных центрах марксистские кружки быстро начинают фактически руководить массовым движением. В последнем случае они очень быстро из чисто-интеллигентских кружков превращаются в рабочне организации с широкими связями в кружках разных фабрик и заводов.

Между тем, все скорее и скорее растет в России крупная промышленность, с чисто-американской быстротой вырастает на юге, в Донбасе, в Екатеринославской губ., в Николаеве, в Баку крупная угольная, металлургическая и нефтяная промышленность. Появляется новый европейский тип капиталистов с новыми европейскими формами эксплоатации. Вновь начинаются рабочие волнения. Вслед за Лодзью, массовые забастовки происходят в Харькове, Ростове, Юзовке, Москве, Егорьевске и Ярославле. Но теперь всюду стачки эти протекают организованно, всюду во главе забастовок выдвигаются передовые, уже прошедшие марксистскую выучку рабочие. Везде во время забастовок сознательно вырабатываются требования об улучшении рабочего быта, о человеческом отношении к рабочим, и, в противоположность прежним забастовкам, теперь уже очень часто забастовки кончаются удовлетворением требований рабочих.

В крупных центрах, уже начиная с 1893 года, марксистские кружки фактически превратились в массовые социал-демократические организации. Партия уже родилась, хотя у партии нет еще единого центра, нет еще единой программы и даже нет еще единого имени. У старых интеллигентских революционных партий всегда сначала создавался партийный центр, появлялась группа лиц, намечавшая партийную программу, а затем уже привлекала эта группа себе сторонников, начинала создавать периферийные организации. В противоположность этому, наша партия развивалась совершенно иным путем, она возникала одновременно в разных местах. В каждом промышленном центре создавалась организация, иногда в крупных городах—несколько организаций, независимых друг от друга, не знающих друг о друге. Все они были об'единены одной общей программой, созданной не той или другой российской группой, а опытом всего передового пролетариата передовых капиталистических стран. Каждая такая организация самостоятельно, в зависимости от местных условий, вырабатывает свою тактику, и только тогда,

когда движение на местах приняло уже массовую форму, только тогда появляется стремление направить отдельные местные ручейки движения в один общий партийный поток. Только тогда начинается тяга к созданию единого центра.

Московские забастовки 1894—95 годов, знаменитая ярославская забастовка, расстрелянная „молодцами-фанагорийцами“ в 1895 году, и, наконец, грандиозная забастовка всех текстильщиков Петербурга в 1896 году заставили говорить о себе буквально все образованное общество; массовые аресты, произведенные по всем промышленным центрам в 1895—96 гг., с одной стороны, разгромили все первые социал-демократические организации, с другой же стороны, благодаря высылкам из столиц и фабричных городов рабочих, в самые захолустные городки России разнесли весть о рабочем движении, всюду заставили говорить о марксизме, о социал-демократии. Уже в 1894 году появляется первая легальная марксистская книга П. Струве: „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России“. В 1895 г. Плеханову под именем Бельтова удается издать легально в России книгу: „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“. В Самаре группа марксистов одно время издает в 1895 году легальную газету чисто-марксистского содержания, тоже удается сделать и латышским социал-демократам, издающим в Либаве газету „Денас-Ляпа“, наконец, в 1897 году в Петербурге группа марксистов в течение 8-ми месяцев издает журнал „Новое Слово“, в котором напечатан ряд статей Ленина, Плеханова, Засулич, Мартова, Струве, Булгакова и др. Благодаря всему этому, марксизм становится модным движением. Каждый гимназист старается щегольнуть марксистскими словечками и с презрением открещивается от народничества. Широкая популярность, которую все более и более завоевывает себе марксизм, имела и отрицательную сторону: марксизм сильно распространяется среди буржуазной интеллигенции, но она переваривает этот марксизм и понимает его по-своему. Поскольку марксизм боролся с народничеством, со всеми феодальными пережитками самодержавно-помещичьего строя, поскольку он доказывал неизбежность появления и укрепления в России буржуазного порядка, постольку марксизм приветствовался и принимался всей буржуазной интеллигенцией. Дело доходило до того, что даже всеподданнейшие доклады министра финансов Витте писались с марксистской точки зрения. Но поскольку марксизм, на-ряду с этим, пробуждал классовое самосознание масс, поскольку он призывал рабочих к самостоятельной классовой политической борьбе, такой марксизм был, конечно, неприемлем для буржуазной интеллигенции. В 1896 г. уже резко наметилась группа марксистов-литераторов, которая пыталась из марксизма окончательно вытравить всю его революционную сущность. От марксистов-революционеров—Плеханова и Ленина—все более отделяется группа буржуазных марксистов: Струве, Туган-Барановский, Изгоев, Бердяев, Прокопович, Кускова и др. Между ними начинается борьба, и, понятно, револю-

ченные марксисты, благодаря цензурным условиям, должны были очень скоро исчезнуть из легальной печати. Это как-раз совпало с успехом заграницей правого крыла социал-демократии. В Германии Бернштейн выступил в поход против правоверного марксизма и начал учить, что конечная „цель—социализм—это ничто, что нет надобности готовиться к захвату власти пролетариатом, подготовлять конечную революцию. Можно мирным путем, постепенно улучшать положение рабочего класса в рамках буржуазного общества, для этого достаточно усилить парламентскую деятельность, добиваться увеличения числа депутатов, усилить профессионально-экономическую борьбу. При помощи профессиональных союзов и кооперативных организаций рабочее движение будет мирно, без революции врастать в социализм. За это учение ухватилась наша буржуазная интеллигенция, в таком виде пробуждение рабочего движения было ей не страшно. Развиваясь таким образом, рабочий класс не вступит в самостоятельную классовую борьбу, в политических вопросах будет послушно плестись во хвосте буржуазных политиков.

И вот, зараженная легальным марксизмом, начитавшаяся Бернштейна, буржуазная интеллигенция начинает массами примазываться к нелегальным рабочим организациям. Первые социал-демократические организации, руководимые революционерами-марксистами, воспитывали рабочих в духе выдержанной классовой борьбы, звали одновременно и на экономическую борьбу с классом капиталистов и на самостоятельную политическую борьбу, ставя целью этой борьбы захват власти пролетариатом. После ареста первых социал-демократов, их ряды все более и более заполняются вновь народившейся марксистской интеллигенцией, которая начала пытаться повести за собой рабочее движение на путь отказа от революционной борьбы. Она выдвинула лозунг борьбы только за прибавку заработной платы, за сокращение рабочего времени, предлагая политическую борьбу предоставить вести буржуазии. Все равно ведь она окажется у власти, иначе быть не может. Наиболее ярким выразителем этого направления была основанная в 1897 году в Петербурге нелегальная газета „Рабочая Мысль“.

Но на ряду с этими, так называемыми экономистами, еще сохранились социал-демократы старого революционного типа. На-ряду с анти-революционной „Рабочей Мыслью“ в Киеве выходила строго выдержанная в революционном духе „Рабочая Газета“. Продолжая традиции первых социал-демократов, группа, издающая эту газету, приступила к организации с'езда тех социал-демократических союзов, которые стояли на старой революционной точке зрения. Первый с'езд партии выпустил „Манифест партии“ и решительно заявил в нем, что „политическая свобода нужна русскому пролетарпату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания“, „что нужную ему политическую свободу русский пролетариат сможет завоевать себе только сам“, „что, сбросив с себя ярмо самодержавия, пролетариат с большей

энергией будет продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма, „что освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом“. Кроме манифеста, I с'езд выработал также устав партии и выбрал центральный комитет, в состав которого вошли: Радченко, Кремер и Эйдельман. Центральным органом партии была признана „Рабочая Газета“.

II. КАК РАЗВИВАЛАСЬ ПАРТИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ.

4/17 марта с'езд закончил свои работы, участники его раз'ехались по своим организациям. В ночь с 11 на 12 марта все участники с'езда, за исключением одного Радченка, были арестованы. Вместе с ними в эту же ночь по всей России было арестовано до 500 членов, участвовавших на с'езде организаций. Была взята и нелегальная типография, в которой печаталась „Рабочая Газета“. Департамент полиции был уверен, что ему удалось окончательно этими арестами прекратить деятельность социал-демократии. Но его надежды не оправдались. Правда, только что созданный центр партии был разрушен и у партии не было теперь и центрального органа. После с'езда осталось только знамя партии „Российская Социал Демократическая Рабочая партия“ и выпущенный с'ездом манифест. И тем не менее, всюду, по всем промышленным городам быстро восстанавливаются социал-демократические организации и все они объявляют себя комитетами созданной на с'езде партии. В заголовках всех изданий этих комитетов красуется „Российская Социал-демократическая Рабочая партия“. Движение растет очень быстро и это не могло быть иначе. Быстрый подъем промышленности в 1899 году начинает сменяться длительным промышленным кризисом. Многие дутые предприятия лопаются как мыльные пузыри. Крупные заводы сокращают свое производство, появляется масса безработных. Капитал переходит в наступление, пытается отобрать у рабочих все то, что им удалось отвоевать мирными забастовками 1895—98 годов. Рабочие не отступают без боя, начинается полоса оборонительных забастовок, из которых почти каждая кончается настоящими боями с полицейскими, а иногда и с войсками, которые спешат на помощь капиталистам. Стачки на петербургских фабриках Паля и Максвеля, на Николь-Мариупольском заводе, на Екатеринославских заводах, в Николаеве, на Урале, всюду из чисто-экономических, какими они начинаются, превращаются в политические выступления рабочих. Начав с предъявления ряда экономических требований, благодаря вмешательству администрации, благодаря арестам руководителей рабочие обычно кончают лозунгом „Долой правительство“, „Долой самодержавие“. Много жертв несет рабочий класс. Много убитых и раненых, еще больше избитых и арестованных, а затем

ссылаемых в Сибирь жертвовал он в каждой из таких стачек. И рабочие массами идут в социал-демократические организации. Они требуют от своих руководителей указания определенной тактики, как бороться, как вести планомерную борьбу с самодержавием, как добиться условий, при которых возможна была бы последовательная борьба с капиталом. Рабочих уже не удовлетворяет пропагандистская работа в кружках, они рвутся в бой, требуя от организации публичных демонстраций. После знаменитой стачки на Обуховском заводе в Петербурге в 1901 г., после стачки, которая кончилась первыми построенными в России баррикадами, один рабочий, только что выдержавший кровавый бой с казаками, пишет за границу: „Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой идти, как в бою воевать". Такое настроение господствовало у всех передовых рабочих, таким же настроением все более и более заражается и широкая рабочая масса.

Социал-демократическая интеллигенция, молодая неопытная, воспитанная на легальном буржуазном марксизме, не поняла нового боевого настроения рабочих. Она продолжает удерживать их от революционных выступлений, рекомендует мирную стачечную борьбу, совершенно не понимая, что мирная борьба при новых изменившихся условиях стала уже совершенно невозможна. За границей, среди русских эмигрантов, скопилось не мало таких интеллигентов. Им удается вытеснить из редакции заграничного журнала „Рабочее Дело" членов группы „Освобождение труда", В лице Прокоповича, Кусковой, Мартынова, Кричевского они ведут ту же экономическую Бернштейновскую линию, которую в Петербурге ведет „Рабочая Мысль".

В России, правда, немало истинных социал-демократов, в особенности среди рабочих и действительно пролетарской интеллигенции, но они не успевают наладить организацию, не успевают выработать определенную тактику, как уже оказываются арестованными. В то время считалось, что больше 3-х месяцев никому не удастся проработать. За 3 мес. работы платили годами тюрьмы и ссылки. И вот группа ссыльных соц.-демократов, во главе с тов. Ульяновым (Лениным), который был сослан в Сибирь в 1897 году за организацию „Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса" (1895 г.), выступает с решительным протестом против Бернштейна и русских экономистов, как прислужников буржуазии. В письме, за подписью 17 ссыльных, они призывали группу „Освобождение труда" не отступать от революционных традиций.

Как только Ленин освобождается от ссылки—он уезжает за границу и там организует революционную социал-демократическую газету „Искра" и научно-марксистский журнал „Зарю". В редакцию, кроме Ленина, вошли Мартов и Потресов (т.т. Ленина по работе в Питере) и члены группы „Освобождение труда" Плеханов, Аксельрод и Засулич. В об'явлении об издании „Искры" редакция отмечает раздробленность, кустарный харак-

тер работы местных организаций, указывает на опасность, которую создают революционному движению сторонники „Рабочей Мысли“ и „Рабочего Дела“. „Искра“ ставит своей задачей стать обще-русской социал-демократической газетой, которая, освещая политическую жизнь России, об'единяла бы работников на местах, способствовала бы в борьбе с идейным шатанием и, таким образом, подготовила бы направленную против абсолютизма революционную партию, неразрывно связанную с рабочим движением. 1-й номер „Искры“ вышел в декабре 1900 года. В этом номере Ленин в статье „Насущные задачи нашего движения“, говоря о тактике партии, пишет: „Социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы. Она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали насущным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях. При крепко организованной партии отдельная стачка может превратиться в политическую победу над правительством. При крепкой, организованной партии восстание в отдельной местности может разрости в победоносную революцию“. Ленин в статье „С чего начать“ 5-го мая 1901 года и, в особенности в отдельной, вышедшей в 1902 году брошюре „Что делать“ развивает подробный план, как вокруг газеты должна постепенно сложиться революционная боевая партия.

СФ 34426

В России в это время все выше и выше поднимается революционная волна. Вслед за рабочими на борьбу с абсолютизмом выступает и студенческая молодежь. В феврале и марте 1901 г. чисто-академическое движение студентов превращается в революционную демонстрацию. Масса рабочих поддерживает студентов, демонстрирует с красными знаменами на улицах Москвы, Петербурга, Харькова, Киева, освобождает арестованных студентов, протестует против отдачи 183 студентов в солдаты. В 1902 г. 1-го мая празднуют открытыми демонстрациями в Саратове, Нижнем. Начинаются террористические покушения. Начинают шевелиться и либералы. Даже у представителей крупной буржуазии все чаще проявляется недовольство все более разлагающимся самодержавным аппаратом. После февральских и мартовских дней вопрос о неминуемости российской революции поставлен в порядок дня. Этим самым в порядок дня поставлен и вопрос о том, кто будет руководить этой революцией, в чьих интересах она совершится. Сторонники „Рабочей Мысли“ и легальные марксисты считали вопрос бесспорным. Если у нас будет революция, то, конечно, эта революция будет буржуазная. В 1848 г. буржуазия после революции стала у власти, следовательно, это неизбежно и у нас. Следовательно, для чего нам сейчас вовлекать рабочих в политическую борьбу. В этом заинтересована лишь одна интеллигенция, которая хочет воспользоваться рабочими как пушечным мясом. Отсюда—вывод „Долой интеллигенцию“, „долой революционеров из рабочих организаций“. Рабочие орга-

низации должны фактически обратиться в профессиональные союзы, у которых может быть лишь одна задача — руководить стачечной борьбой рабочих. Во главе этого движения против революционной интеллигенции, конечно, стояли почти исключительно чисто-буржуазные интеллигенты, вроде Кусковых, Прокоповичей, Тахтаревых и проч. господ, которые все к началу настоящей революции, открыто перекочевали в лагерь буржуазии. В Якутской ссылке тоже интеллигент Махайский довел эту идею до конца и призывал к настоящему гонению на революционеров. Заграничный журнал русских соц.-демократов „Рабочее Дело“ в статьях Мартынова, Кричевского и Акимова „научно“ углублял эту же идею, вырабатывал теорию, по которой роль соц.-демократии сводилась к тому, чтобы плестись за стихийным процессом бессознательного рабочего движения.

„Искра“ поставила своей задачей бороться с этой путаницей, бороться с опасностью вовлечения стихийного процесса рабочего движения в русло буржуазной идеологии. „Искра“, правильно оценив момент, поняла, что вся судьба грядущей революции зависит от того—успеет ли наша партия организационно слить передовой, наиболее сознательный слой пролетариата в одну крепко-спаянную, умеющую хорошо маневрировать боевую политическую партию, которая сумеет повести за собой рабочую массу. Как создать такую партию? Оппортунисты из „Рабочего Дела“ и из „Бунда“ настаивали на немедленном созыве с'езда. „Искра“ решительно высказалась против этого. „Прежде, чем об'единиться и для того, чтобы об'единиться, надо решительно и бесповоротно размежеваться“. Под флагом марксизма и соц.-демократии выступал тогда всякий, кто того хотел. В сумерках все кошки казались серыми. Всякая чисто интеллигентская организация, все господа Струве, Булгаков, Бердяев, Франк, все те, кто сейчас докатился до самой крайней белогвардейщины—превратились в попов старых и новых религий, все тогда называли себя истинными марксистами. На местах представители земского либерализма Львовы, Родичевы и им подобные очень сочувственно относились к „научным“ статьям Мартыновых и „Рабочей Мысли“ и готовы были поддерживать их материально. Возрождающееся чисто-интеллигентское народничество доказывало, что между ним и соц.-демократией фактически нет никакой разницы. Кое-где, как в Саратове и Уфе, существовали об'единенные партии социал-демократов и соц.-революционеров. Кроме того, надвигалась грозная опасность. Начальник московского Охранного отделения Зубатов, с благословения Плеве, воспринял целиком учение Махайского, „Рабочей Мысли“ и Бернштейна и задумал ввести своего рода полицейский социализм. С этой целью он начал арестовывать выдающихся рабочих, уже зараженных экономизмом, свозить их со всей России в Московскую тюрьму. Здесь он их обрабатывал, давал читать Бернштейна и убеждал в том, что против чисто рабочего движения правительство ничего не имеет, что оно, наоборот, готово поддержать экономиче-

скую борьбу рабочих против капиталистов, лишь бы рабочие изгоняли из своей среды революционеров и порвали связь с социал-демократической партией. Революционеры и социал-демократы, по словам Зубатова,—враги рабочего класса. Они хотят использовать его недовольство экономической эксплоатацией, чтобы повести на завоевание конституции, в которой заинтересованы только интеллигенты. Зубатову и его ученикам Вильбушевич и Шаевичу удалось совратить целый ряд энергичных рабочих. После этого он их выпускает на волю и, при их помощи, организует в Минске „Независимую еврейскую рабочую партию", в Москве—„Общество взаимопомощи рабочих механических мастерских". Такое же общество создается среди текстильщиков Москвы. В Харькове и Одессе появляются тоже Зубатовские союзы. При помощи „ученых"—профессоров—марксистов Булгакова, Вормса и т. п. Зубатов устраивает широкие собрания рабочих, на которых профессора научно обосновывают Зубатовскую теорию и ссылками на западно-европейское движение рабочих, в особенности в Англии, доказывают вред для рабочих участвовать в политическом движении. Некоторое время Зубатовщина пользовалась довольно большим успехом среди серых слоев рабочих. Всякая попытка выступать против Зубатовских профессоров кончалась арестами выступающих. В феврале 1902 г. Зубатову удалось организовать в Москве большую патриотическую демонстрацию рабочих у памятника Александра II.

„Искра" начинает решительно отмежевываться от всех этих „друзей" рабочих, начинает энергично разоблачать их действительную подоплеку. Самой яркой критикой „Искра" заставляет всех инако мыслящих договариваться до конца, обнаруживать свою настоящую сущность. Буржуазные либералы, которые до сих пор предпочитали укрываться под флагом легального марксизма, теперь самоопределяются в „Союз Освобождения"—родоначальника кадетской партии. Все легальные марксисты, во главе со Струве, перекочевывают в эту чисто-буржуазную организацию. Начала самоопределяться и партия социалистов-революционеров, которая, под руководством провокатора Азефа кропотливой черновой работе революционных социал-демократов в массах противопоставляет эффектный террор, вовлекает в него наиболее горячую молодежь и начинает проповедывать в рабочих массах пассивное ожидание результатов террористической борьбы. От революционной социал-демократии отходят теперь все неустойчивые, все беспринципные, все чуждые элементы. Все они ругательски ругают непримиримую позицию „Искры", которая, вместо того, чтобы объединять все недовольные правительством элементы для общей борьбы, сеет раздоры, углубляет разногласия и хочет превратиться в диктатора. „Искру" эти жалобы не пугали. Она определенно заявляла, что признает единственным революционным классом в России рабочий класс. Все остальные, недовольные самодержавием элементы, на решительную революционную борьбу не способны и всегда готовы вступить в соглашение

с реакцией. Поэтому основным лозунгом революционной соц.-демократии должно быть „врозь итти, а вместе бить“. Задача рабочего класса—захватить гегемонию над революционным движением в свои руки и всегда подталкивать все нерешительные элементы.

И, действительно, в местных социал-демократических организациях „Искра“ очень быстро начала завоевывать все большую и большую симпатию. Всюду на местах налаживается широкая сеть принципиально выдержанных революционно-социал-демократических организаций, которые охотно принимают идейное руководство „Искры“, проникаются ея ходом мысли и организационно все теснее спаиваются с ней. Вокруг „Искры“ создалась сеть агентов, связанных между собой строго законспирированной русской организацией „Искры“. Эти агенты связывали редакцию „Искры“ с местными комитетами, снабжали их заграничной литературой и собирали материал для корреспонденций и статей. „Искра“ фактически стала центром партии. Жестокие преследования, которым подвергались местные работники, частые провалы местных организаций заставили быстро развить кадры профессионалов-революционеров, которые целиком отдались делу революции, жили нелегально под чужими именами, отказывались от какой-бы то ни было личной жизни, порывали всякую связь с семьей и часто меняли свое место работы. Организованная таким образом партия уже в 1902 г. начинает фактически руководить всем революционным движением. „Искра“ стала фактически той обще-русской политической газетой, которая разоблачала и выясняла все стороны русской и международной общественной жизни. Выясняла на фактах классовое отношение и классовые интересы каждой группы населения, разоблачала всю гниль и распад самодержавного строя и господствующей буржуазии, всю неспособность к борьбе и политическую незрелость русской буржуазии, беспочвенность и шатания русской интеллигенции. Разоблачая все это, „Искра“ звала к самосознанию широкие рабочие массы, звала к борьбе и крестьянство. Перед крестьянством „Искра“ и, в особенности Ленин, в его статьях и брошюре „К крестьянской бедноте“, развернули действительную картину нищенского положения крестьянской массы, те кабальные отношения, созданные реформой 1861 г., которые превратили крестьян, в вынужденных арендаторов помещичьей земли. „Искра“ призывала крестьянство к борьбе с помещичьем строем, к классовому расчленению самого крестьянства и к тесной смычке крестьянской бедноты с рабочим движением.

Наряду с руководством, практической работой „Искра“ и „Заря“ выработали и популяризировали программу партии и тем дали возможность всем членам партии на местах тщательно продумать и обсудить каждый пункт этой программы. И вот, только тогда, когда вся эта громадная предварительная работа по спайке, по очистке и по размежеванию была уже проделана—„Искра“ приступила к организации созыва партийного с'езда.

Теперь линия ясно наметилась. Теперь каждая местная организация, каждый партийный работник могли точно определить свое отношение ко всем, поставленным жизнью, вопросам. Теперь можно было ожидать, что с'езд, по вопросам тактики и программы, вынесет не случайное решение того или иного случайного большинства, а зрело обдуманные решения всей партии. Образованная Искровской организацией Организационная Комиссия по созыву II-го с'езда, сконструировавшаяся окончательно в ноябре 1903 года в Пскове (предварительная попытка созыва Организационной Комиссии в Белостоке кончилась арестами), проделала колоссальную работу. Ее членам пришлось об'ехать предварительно все партийные комитеты, проверить на месте их работу, выяснить их жизнедеятельность. В Организационную Комиссию входили: Кржижановский, Александрова, Ленгниг, Лепешинский, Красиков, Краснуха и Радченко—от организации „Искры", Левин и Розанов—от Харьковской газеты „Южный рабочий" и Портной—от „Бунда". Организационная Комиссия установила, что на с'езде могут присутствовать по 2 делегата от каждого комитета, просуществовавшего и активно проявлявшегося более года.

С'езд был собран в апреле 1903 года в Брюсселе. На нем были представлены следующие организации: 1) „Группа Освобождение труда" (Плеханов и Дейч), 2) Организация „Искры" (Мартов—2 голоса), 3) заграничный Комитет „Бунда" (Кассовский и Медем), 4) Цека „Бунда" (Либер, Айзенштат и Портной), 5) Лига революционных социал-демократов заграницей (Ленин—2 голоса), 6) Заграничный Союз русских соц.-демократов (Мартынов и Акимов), 7) Газета „Южный рабочий" (Розанов и Левин), 8) Петербургский Комитет (Шотман), 9) Петербургская организация Рабочедельцев. (Лидия Махновец), 10) Московский Комитет (Бауман и Цейтлин), 11) Харьковский Комитет (Левина и Николаев), 12) Киевский Комитет (Красиков и Степанов), 13) Одесский Комитет (Землячка и Зборовский), 14) Николаевский Комитет (Калафати—2 голоса), 15) Крымский Союз (Гальберштадт—2 гол.), 16) Донской Комитет (Гусев и Локерман), 17) Союз горнозаводских рабочих (Машицкий—2 голоса), 18) Екатеринославский Комитет (Леонов и Махнин), 19) Саратовский Комитет (Лядов и Галкин), 20) Тифлисский Комитет (Топуридзе—2 гол.), 21) Бакинский Комитет (Кнуньянц—2 гол.), 22) Батумский Комитет (Зурабов—2 гол.), 23, Уфимский Комитет (Крохмаль и Муравьев), 24) „Северный Союз"—он представлял Иваново-Вознесенскую, Костромскую, Владимирскую и Ярославскую губернии (Стопани и Лидия Книпович), 25) „Сибирский Союз" (Троцкий и Мандельберг), 26) Тульский Комитет (Дмитрий Ульянов и Степанов). Делегаты, выбранные Нижегородским и Самарским комитетами на с'езд не попали—они были по дороге арестованы. С совещательными голосами присутствовали: члены редакции „Искра" (Аксельрод, Засулич и Потресов), от Организационной Комиссии (Александрова и Гальберштадт), от соц.-демократии царства Польского и Лит-

вы (Варский и Ганецкий), от „Бунда“ (Кремер) и лично приглашенные (Крупская, Жордания, Носков, Страхов, Южин и Кольцов).

С'езд работал в Брюсселе, а после того, как обнаружилось, что бельгийская полиция начала усиленно следить за делегатами и предполагает их выслать из Бельгии,—с'езд перекочевал в Лондон и там, после 3-х-недельных работ, закончил свои заседания. Прежде всего с'езд громадным большинством отверг предложения „бундовцев“ построить партию на федеративных началах. После этого, после очень длительного обсуждения, после безконечного количества поправок, вносимых „рабочедельцами“ и „бундовцами“, большею частью отвергнутых, с'езд всеми голосами против Акимова и при воздержавшемся Мартынове принял программу партии. В основу этой программы был положен проэкт, предложенный „Искрой“. Особо острые прения вызвал вопрос о национальном самоопределении. В этом вопросе, чисто националистическую постановку отстаивали „бундовцы“ и кавказцы. Другой вопрос, возбудивший большие прения—был вопрос о роли партии при победе над самодержавием. Здесь уже резко обозначилось, что, кроме последовательных оппортунистов, „рабочедельцев“ и „бундовцев“, в среде сочувствующих „Искре“, имеется часть товарищей, далеко невыдержанных с революционной точки зрения. Вопрос сводился к тому—включать ли в программу „диктатуру пролетариата“, как ближайшую цель грядущей революции. При голосовании этого вопроса, вместе с бундовцами и рабочедельцами голосовали и представители „Южного рабочего“ и Николаевского комитета. Но, в общем, прения по программе выявили полное единодушие громадного большинства партии. Это единодушие очень быстро распалось. как только с'езд перешел от программных вопросов к обсуждению вопросов организационных. Здесь резко выступили крупные разногласия. Сначала обнаружилось, что часть делегатов еще ни как не может изжить чистой кружковщины, признать подчинение кружков единой воли партии. „Бунд“, „Рабочее дело“, „Южный рабочий“, большинство редакции „Искры“ последовательно, друг за другом обижались на с'езд, когда большинство его решило вместо случайно сложившихся кружков—создать избранные на с'езде партийные аппараты. Бундовцы и рабочедельцы сложили свои мандаты когда с'езд отверг бундовский план организации и распустил рабочедельческий заграничный союз. Большинство редакции „Искры“ (Мартов, Аксельрод, Засулич и Потресов) пошли на фактический раскол только что возродившейся партии, когда с'езд, вместо того, чтобы утвердить старый кружок редакции „Искры“, решил выбрать в редакцию только тех, кто фактически работал и направлял газету, т. е. Плеханова, Ленина и Мартова. Еще до выбора редакции с'езд фактически поделился на 2 части по первому пункту устава. В этом пункте революционное крыло с'езда, под руководством Ленина и Плеханова, решительно высказалось за то, что членом партии может быть только тот, кто участвует в партийной организации, кто без-

условно подчиняется ея дисциплине. Против такого толкования членства остальная часть с'езда проводит предложение Мартова и Аксельрода о признании членом всякого работающего под контролем организации. По толкованию революционного крыла, партия должна стать революционным сознательным авангардом рабочего класса, руководящим стихийным рабочим движением. По мысли Мартова и Аксельрода, партия должна раствориться в массе и не только в массе рабочих, но и сочувствующей интеллигенции. Выступавший в защиту этого толкования Аксельрод говорил об организации гимназистов и об отдельных профессорах, которые хотят считаться членами партии, но не захотят входить в рабочие организации.

По вопросу о выборах редакции с'езд раскололся окончательно. Большинством 24 голосов против 22-х в редакцию были избраны Плеханов, Ленин и Мартов. Мартов отказался, а вместе с ним и все меньшинство отказалось принять участие в выборах Центрального Комитета. Голосами только членов большинства в Цека были избраны: Красин, Кржижановский и Носков. Им было предоставлено право кооптацией пополнить свой состав. Для согласования работ Центрального Комитета с редакцией Центрального органа („Искры") был создан Совет партии, в которой председателем был выбран с'ездом Плеханов, а по два члена должны были делегировать ЦО и ЦК.

Фактически с'езд закончился расколом. „Бунд" оффициально вышел из партии. Меньшинство с'езда фактически слилось с рабочедельцами и прочими оппортунистами, которые были окончательно разбиты предварительной работой „Искры" и взгляды которых были единодушно отвергнуты с'ездом. Постепенно это меньшинство образовало самостоятельную фракцию (их стали называть меньшевиками) и в принципиальных вопросах оно все более и более становилось на оппортунистическую точку зрения, отходило от революционной деятельности старой „Искры". Меньшевики, опираясь главным образом на заграничных, оторванных от российской практической работы, эмигрантов, начинают бешеный поход против решений с'езда, против только что избранных на с'езде партийных центров. Наоборот, большинство с'езда (большевики), состоявшие, главным образом, из делегатов, приехавших и снова вернувшихся в Россию, начали там, на местах, фактически проводить в жизнь постановление с'езда. Плеханов на с'езде выступавший решительно на стороне большинства, испугался общественного мнения заграничных эмигрантов и потребовал от Ленина, вопреки решению с'езда, принять в редакцию забалатированных редакторов. Ленин вынужден был уйти из редакции и тогда Плеханов единогласно кооптировал в редакцию Мартова, Аксельрода, Засулич и Потресова. Таким образом, меньшевики получили большинство и в Совете партии. При помощи Совета, они начали давить на Цека и, в конце-концов, заставили его пополнить свой состав лицами, оставшимися в меньшинстве на с'езде. Так, вопреки воли с'езда меньшевики

завоевали партийные центры, захватили весь технический партийный аппарат.

Между тем, в России кипело все больше и больше. В Харьковской и Полтавской губерниях широко развились аграрные волнения. Крестьяне жгли и громили помещичьи усадьбы, делили помещичью землю. Харьковский генерал-губернатор князь Оболенский беспощадно усмирил крестьян карательными отрядами. Рабочий Кочура неудачно стрелял в Оболенского. Крупные забастовки и политические демонстрации рабочих последовательно проходили на Тихорецких жел. дорожных мастерских, в Ростове, Одессе, Екатеринославе, Киеве, Харькове. Всюду бастовали не отдельные фабрики и заводы, а почти поголовно, все рабочие. Всюду выставлялись рабочими политические требования. Первомайские демонстрации, после открытых выступлений в 1902 г. в Саратове и Сормове, стали обычным явлением во всех промышленных центрах. „Долой самодержавие“, по выражению одного городового, свидетеля на суде в Саратове, стало обычной рабочей поговоркой. Волновалась учащаяся молодежь. Неудачно начатая война с Японией, постепенно создавала все более оппозиционное настроение среди всех слоев буржуазии. На целом ряде с'ездов разных организаций крупных промышленников (сахарозаводчиков, нефтепромышленников, углепромышленников, металлургистов) принимались резолюции о необходимости для спасения родины и промышленности предоставить политические права земским и городским цензовым элементам. Такие же резолюции принимались на собраниях земских и городских гласных. Чем резче обнаруживалась неспособность бюрократического правительства вывести Россию из того тупика, в который загнала ее манчжурская авантюра, тем решительней и радикальней становилась буржуазная оппозиция. Оппозиционное настроение общества резко проявилось после убийства Сазоновым министра Плеве. Правительство испугалось и для успокоения общества назначило заместителем Плеве на пост министра внутренних дел князя Святополка-Мирского, который в буржуазных кругах считался либералом. Новый министр немедленно, по занятии поста, на торжественной аудиенции Петербургским газетчикам выразил „доверие“ правительства к обществу, обещал смягчить полицейский режим и, вообще, надавал целую уйму самых туманных, никого не обязывающих обещаний. Буржуазный либерализм сразу возликовал. Началась так называемая „либеральная весна“.

Как предсказывала старая дос'ездовская „Искра“—вся, так называемая, буржуазная демократия, во главе с „Союзом Освобождения“ с радостью приняла обещанную подачку правительства и фактическя вступила на путь переговоров с правительством, как общими усилиями избегнуть рабоче-крестьянской революции. Началась целая эпидемия банкетов, с'ездов, собраний, на которые поочереди с'езжались все интеллигентные профессии: земские деятели, журналисты, адвокаты, профессора, врачи, ин-

женеры, агрономы, учителя и т. д. На этих банкетах выпивалось бесчисленное количество вина, поедалось очень много лакомых блюд, еще больше произносилось высокопарных речей и, в заключение, принимался обыкновенно „всеподданнейший адрес“ с мольбой к царю спасти свой народ и даровать конституцию. Конечно ни в одном из этих адресов не говорилось о том, какая эта должна быть конституция. Ясно было, что чем более куцой будет дарованная конституция, тем приятнее это будет этим господам.

Перешедшая в руки меньшевиков „Искра“ целиком поддалась обаянию этой буржуазной шумихи. Один из вождей меньшевиков Аксельрод, а вслед за ним и Мартынов и Мартов выступили с рядом статей, в которых призывали рабочих поддержать буржуазную демократию в ее „борьбе“ с правительством. Аксельрод предложил социал-демократическим организациям, предварительно договорившись с устроителями банкетов (чтобы не напугать их неожиданностью) посылать на них представителей рабочих и, одновременно с этим, организовать вблизи банкетов мирную рабочую демонстрацию. Таким образом, рабочие покажут, что они поддерживают требования буржуазии. Правительство скорее тогда пойдет на уступки. Большевики в уступки правительства не верили, они хорошо понимали, что то, что нужно рабочему классу, не может быть достигнуто сговором, соглашением с правительством или соглашением с либеральной буржуазией. В ряде брошюр большевики, в противовес плану меньшевиков, начали агитировать подготовку к вооруженному восстанию, которое должно свергнуть правительство Николая кровавого и которое должно на его развалинах созвать учредительное собрание. В статье Ленина „Земский план кампании новой „Искры“, пролетариат призывается к тому, чтобы в противовес либеральной болтовне, начать сейчас же „укреплять и расширять партийную организацию, удесятерять агитацию в массах, пользуясь всяким шатанием правительства, пропагандировать идею восстания, разъяснять его необходимость на примере всех половинчатых и обреченных на неуспех шагов либералов“.

Между большевиками и меньшевиками вырастала все большая пропасть. По каждому тактическому шагу между ними обнаруживалось все больше разногласий. Меньшевики уже не говорили подобно прежним экономистам о вредности для рабочих участвовать в политической борьбе. Нет, на политическую борьбу они усиленно звали рабочих. Но их задача сводилась к тому, чтобы политическую борьбу рабочих приспособить и подчинить буржуазным либералам. Подобно экономистам, они не сомневались, что самодержавие может смениться лишь буржуазной конституцией. Поддержать торговлю, которую, с разрешения Святополка-Мирского, буржуазия начала вести с правительством. Вот к чему должны свестись политические выступления рабочих. Большевики звали готовиться к самостоятельному революционному выступлению. В конце 1904 года меньшевики звали социал-демократические организации на подчинение буржуазии; вместо

того, чтобы готовиться к революции, участвовать вместе с ней в бесплодной болтовне на ее банкетах.

Российские организации партии вначале плохо разбирались в происшедшем расколе. Многие видели в нем лишь результат склоки 2-х групп генералов. Но когда местным партийным работникам пришлось выбирать между двумя тактиками, в связи с текущими событиями и при этом принимать ту или другую тактику, не в теории, а для немедленного проведения в жизнь, то ярко наметилась вполне определенная картина. Организации, работающие в крупных промышленных центрах близко соприкасающиеся с массами фабрично-заводского пролетариата, все приняли большевистскую тактику. В ряде городов рабочие социал-демократы являлись на буржуазные банкеты, произносили революционные речи с призывом к восстанию, высмеивали либеральную болтовню и фактически срывали эти банкеты. За меньшевиками пошли организации, работающие среди ремесленников, среди учащихся, среди интеллигенции. Решительно стали на сторону большевиков такие промышленные центры, как Питер, Москва, Рига, Урал, Баку, Николаев, Харьков, Екатеринослав. За меньшевиками поплелся „бунд“, работающий в Северо-западном крае, пошла Грузия, в которой нет почти рабочих, пошли городские районы отдельных крупных городов, в то время, как в этих же городах заводские и железно-дорожные районы шли за большевиками.

После ухода Плеханова от большевиков, партийные центры оказались фактически в руках меньшевиков. Большевистские литераторы заграницей могли только в отдельных брошюрах излагать свою точку зрения. Им трудно было направлять, в противовес оппортунистической новой „Искре“ все возрастающую революционную волну. На состоявшемся в ноябре 1904 г. совещании большевиков в Женеве, было решено приступить к изданию большевистской газеты „Вперед“. В редакцию этой газеты были избраны: Ленин, Луначарский, Ольминский и Воровский. Совещание это, за подписью 22-х большевиков, обратилось с воззванием ко всем партийным организациям, ввиду надвигающейся революции и полного расхождения верхов партии, отсутствия в такой ответственный момент руководящего направления, который бы пользовался авторитетом всей партии, высказаться за созыв III-го партийного с'езда. Только на с'езде можно будет выработать единую, обязательную для всей партии, тактику. Вслед за возванием 22-х большевиков в России состоялись 3 конференции (Северная, Южная и Кавказская), на которых участвовало в общем 13 наиболее мощных организаций. На этих конференциях был выбран центр большевистской фракции, получивший название „Бюро Комитетов большинства“. В этот центр вошли: Ленин, Богданов, Луначарский, Воровский, Гусев, Красиков, Лядов и Землячка. Большинство членов этого Бюро (БКБ) немедленно отправилось в Россию, чтобы на месте руководить движением и поднять агитацию за с'езд, который должен был

быть созван Советом партии, если за него выскажется больше половины полномочных комитетов.

22-го декабря 1904 года вышел первый номер газеты „Вперед“ и эта газета начала играть в партии ту же роль, которую до II-го с'езда играла „Искра“. С большим трудом большевистской фракции удалось, при полном отсутствии вначале средств денежных и технических, наладить правильный выход и отправку в Россию литературы. Конечно со стороны помощи ждать не приходилось. Можно смело сказать, что только благодаря широкому сочувствию партийных кругов, революционному крылу партии удалось очень скоро не только регулярно издавать, но и доставлять в Россию и развозить по городам заграничную литературу. Колоссальную энергию в этом последнем отношении проявили фактический секретарь Б. К. Б. Крупская и заведывающие транспортом Пятницкий и Литвинов.

В это время в Питере началась широкая агитация среди рабочих ученика Зубатова, попа Гаппона. Продолжая начатую Зубатовым работу, по отвлечению рабочих от политической деятельности, Гаппон из вождя, проповедующего по указке департамента полиции идею сближения рабочих масс с царским правительством, постепенно превращался в рупор этих масс. Массы уже находились под идейным влиянием революционно-социал-демократической агитации. Они уже понимали, что без широкой политической свободы для них немыслима экономическая борьба с капиталистами. Но, развив громадную агитационную работу, партия, раздираемая разногласиями, не имея авторитетного партийного центра, оказалась черезчур слабой, чтобы организационно закрепить свое идейное влияние на массы. И вот, благодаря этому, в массах не была еще изжита вера в то, что царь может добровольно дать им нужную свободу.

Стихийно среди питерского пролетариата росла мысль итти к царю просить скопом, всеми наличными в Питере рабочими созыва учредительного собрания и проведения в жизнь всей политической программы соц.-демократической партии. И поп Гаппон, совершенно неожиданно для себя, был выдвинут массами знаменем этого мирного похода. Петербургский комитет предпринял все, что мог, чтобы удержать рабочих от этой безумной затеи. Масса загипнотизировала себя верой в удачу этого похода. Большевистским ораторам на собраниях в отделах Гапоповского общества не давали говорить,—их не хотели слушать. И неизбежное совершилось. Сотни тысяч безоружных, праздично одетых рабочих с женами и детьми, с иконами, хоругвями и царскими портретами двинулись со всех районов к Зимнему дворцу просить царя. Царь и его клика дали единственный для них, возможный ответ—пулями и картечью, убийством и искалечением до тысячи человек они раз навсегда излечили рабочих от веры в царя, „У нас нет больше царя!“. Этот крик родился под пулями на Дворцовой площади и как лавина покатился по всем рабочим кварталам Питера, по всем фабрикам и заводам всего российского

государства и докатился до самых глухих деревень. Царя нет, значит есть революция. И действительно российская революция, приближение которой большевики уже ясно предвидели в ноябре 1904 г. на совещании 22-х большевиков, российская революция родилась 9 января 1905 г. на Дворцовой площади Петербурга, родилась в крови тысячи расстрелянных рабочих.

Грандиозная политическая забастовка протеста широкой волной прокатилась по всей России. Она ясно показала всему миру, что в России родилась не просто революция, по типу революций 1848 года, а рабочая революция, к которой должны будут приспособиться все остальные классы русского общества. И действительно бесследно исчез жалкий лепет либеральных банкетов. Либералы ступевались перед грозной картиной начавшейся революции. Правительство, напуганное результатом своей победы, пытается пойти на переговоры с рабочим классом. Составляется комиссия сенатора Шидловского. Ему высочайше повелено обследовать нужды рабочего класса. Рабочие на петербургских фабриках и заводах должны „свободно" выбрать своих делегатов, чтобы те изложили нужды рабочих. Меньшевики, вслед за либеральными журналистами забили в литавры по поводу этой победы рабочего класса и звали рабочих выбирать в комиссию, договариваться в ней с правительством,— начать торговаться с ним. Большевики предложили рабочим в комиссию для торговли не итти, а использовать широко выборы делегатов, чтобы там всесторонне развить агитацию за вооруженную борьбу с правительством, за революционный созыв учредительного собрания. Рабочие принялн тактику большевиков. Комиссия Шидловского была сорвана. Правительство идет дальше на уступки—оно торжественным манифестом извещает, что Булыгину поручено разработать проект думы, в которую царь призовет избранников народа, чтобы от них выслушать нужды всего народа, чтобы совещаться с этими избранниками о государственных делах. Снова либералы и меньшевики готовы приветствовать победу, снова большевики зовут в бой и Булыгинская дума сорвана, не успевши родиться.

Буржуазия лихорадочно организуется. Каждая интеллигентная профессия организует свой союз, который называется профессиональным союзом адвокатов, инженеров, писателей, учителей, профессоров, железнодорожников и т. д. В эти беспартийные, как они называли себя, союзы должны были входить и инженеры—хозяева заводов и мелкие инженеры и техники, служащие у них, и адвокаты с стотысячной практикой и мелкие юристики, переписывающие у них бумаги и хозяева-издатели газет и мелкие репортеры. Союзы поставили своей задачей объединить всю интеллигенцию без различия партий и общественного положения на одной общей, объединяющей всех, платформе—борьбы с самодержавием. Фактически, все эти союзы в своей тактике оказались филиальными отделениями кадетского „Освобождения". Фактически это была попытка организовать всю буржуазную интелли-

генцию, чтобы влияние этой умеренной соглашательской организации противопоставить все растущему влиянию соц.-демократической партии. Меньшевики и эс-эры, конечно, приветствуют это движение. Они все еще надеются на мирный сговор организованной буржуазии с правительством. Они все еще надеются, что революцию можно избежать. Они резко нападают на „Вперед“ и на большевистские организации, которые выдвигают на первый план вопрос о вооружении, об организации боевых дружин, о выработке тактики уличных боев, о работе среди солдат, о разложении царских войск. Меньшевики ругают большевиков, за обсуждение и выдвигание этих вопросов, бланкистами, анархистами и заговорщиками. Бюро Комитетов Большинства, чтобы покончить с разногласиями в партии, в такой ответственный момент, требует от Цека и Совета партии созыва III с'езда. Б. К. Б. в этом требовании опирается на резолюции громадного большинства российских комитетов. Цека, в котором преобладают примиренческие элементы, боится, что с'езд приведет к формальному расколу партии, он долго колеблется. Б. К. Б. ставит перед Цека ультиматум и грозит созвать с'езд помимо него и фактически уже начинает проводить в жизнь свое решение, проделывает громадную работу по подготовке с'езда. Только тогда Цека, наконец, решается. 4 марта он сливается с Б. К. Б. в Организационную комиссию по созыву с'езда. Все комитеты оповещены, все выбрали своих делегатов, всех делегатов Организационная комиссия отправила заграницу. Но с границы делегаты меньшевики, вместо того, чтобы ехать на с'езд в Лондон, отправляются в Женеву. Меньшевики-эмигранты, убедившись, что они останутся снова в меньшинстве на с'езде, решили с'езд сорвать и организовали параллельно ему обще-партийную конференцию в Женеве. На эту-то конференцию попали меньшевики, выбранные делегатами на с'езд.

Но с'езд сорвать не удалось. В Лондоне оказалось 46 голосов из общего числа 71 голоса, полномочного участвовать на с'езде. Остальные, усилиями Организационной комиссии, были выбраны и доставлены заграницу. Они все могли участвовать на с'езде, если-бы выполнили данные их организациями мандаты. С'езд был правомочен решать и выносить постановления от имени партии, хотя на нем присутствовали только большевики. Большевистские организации составляли в то время в партии громадное большинство всех организаций. Параллельные работы меньшевистской конференции и большевистского с'езда окончательно оформили раскол. В порядок дня с'езда были поставлены вопросы о вооруженном восстании, об отношении к политике правительства накануне и в момент переворота, о временном революционном правительстве, об отношении к крестьянскому движению, об отношении к разным либеральным партиям и, наконец организационные вопросы. По всем тактическим вопросам среди делегатов обнаружилось полное единодушие. Весь с'езд стоял на последовательно революционной точке зрения. Никаких

компромиссов ни с правительством, ни с либеральной буржуазией. Принят курс на вооруженное свержение самодержавия и замену его временным революционным правительством. Решено втягивать крестьянские массы в революционную борьбу пролетариата под лозунгом революционного захвата помещичьих, государственных, удельных и монастырских земель. Была признана возможность временных боевых соглашений с теми революционными партиями, которые, подобно большевикам, будут держаться курса на революцию. Гегемония рабочего класса в этой революции была признана неизбежной и постановлено практически подготовлять его к этой гегемонии. По организационному вопросу съезд принял Ленинское толкование членства партии. Разногласия возникли только по вопросу о том—должна ли быть редакция центрального органа и Цека равноправными центрами, или же должен существовать один центр. Практики с мест все стояли за создание единого центра и, при том, находящегося в России. В такое бурное время руководить партией из-заграницы признано невозможным. Ленин и др. теоретики, опасаясь, что Цека в России может либо уклониться от принципиально выдержанной точки зрения, либо будет арестован, настаивали на предоставлении заграничной редакции полной самостоятельности от Цека. Съезд принял точку зрения практиков, которую особенно горячо защищал А. И. Рыков. В Цека были избраны Ленин, Богданов, Красин, Рыков и Десницкий.

После съезда и конференции фракционная борьба заграницей вспыхнула еще сильнее. Но раздоры уже мало влияли на российские организации. Тенденция движения на революцию обнаружилась настолько ясно, что меньшевистские организации, вопреки воли своего центра, вынуждены были встать на путь организации боевых дружин, работы среди войска, приобретения оружия, одним словом готовиться к восстанию. Революционная волна настолько начала бурлить, что даже съезд интеллигентных союзов и организованный на этом съезде „Союз союзов“ вынуждены принять тактику бойкота Булыгинской думы и включить в свою программу требование революционного созыва учредительного собрания. Даже кадеты колеблются, не решаются открыто высказаться за участие в законосовещательной думе и просят царя созвать вместо нее учредительное собрание.

10 июня 1905 года вспыхнуло восстание Черноморского флота во главе с броненосцем „Потемкиным“. Восстание это поддерживается всеобщей чисто политической забастовкой в Одессе. Правительство мобилизует все свои силы, чтобы этой забастовке противопоставить еврейский погром, организуемый полицией и хулиганством. Дело кончается разгромом и пожаром Одесского порта. Но прекратить восстание матросов правительство не в состоянии. „Потемкин“ более недели плавает под красным знаменем, требуя и получая нужное ему продовольствие и топливо в Черноморских портах. Царь умоляет турецкого султана и румынского короля помочь ему разоружить „Потемкина“. На свои

суда царь не расчитывает. Турки и румыны отказываются сыграть роль русских жандармов. Но восстание в сухопутных войсках, на которые расчитывали „потемкинцы", не начинается. Потемкинцы вынуждены интернироваться в Румынии.

Удача с организацией черносотенного погрома в Одессе окрыляет надежды правительства. Одновременно с выпуском в августе манифеста о Булыгинской законосовещательной думе и указом о проведении университетской автономии, дается тайный приказ всем губернаторам об организации всюду, где только возможно, черносотенных погромов. В Баку, в ответ на всеобщую забастовку рабочих, градоначальник, при помощи татарской буржуазии, организует резню армян татарами. Резня эта кончилась пожаром всех нефтяных промыслов. Большевистские организации, с своими боевыми дружинами ликвидируют попытку организовать погром в Самаре, Саратове, Уфе, Гомеле и др. городах. В это время партия широко использует университетскую автономию. При помощи революционного студенчества, вопреки профессорам и академистам-белоподкладочникам, все помещения высших учебных заведений превращаются в публичные аудитории, в которых с утра до ночи идут революционные митинги. Вместо студентов университеты переполняются рабочими и городскими обывателями, вместо профессоров на кафедрах выступают революционные агитаторы. Тут массы проходят основательную политическую выучку. На ряду с этим начинает появляться невероятное количество брошюр, листовок социал-демократического содержания. Одним словом развертывается небывалая в мировой истории устная и печатная агитация соц.-демократических идей.

7-го октября в Москве вспыхивают забастовки печатников и пекарей булочной Филиппова. 12 октября бастует уже вся Москва, весь Петербург, Московские и Петербургские железнодорожные узлы. Со скоростью поезда забастовка из Москвы распространяется по всей железнодорожной сети России, захлестывая на своем пути все города, расположенные вдоль этой сети. 16 октября бастует уже вся Россия, все виды физического и интеллигентного труда, включая и судейский и административный аппараты правительства. Мир не видел такой дружной и такой решительной забастовки всего рабочего класса целой страны.

Правительство пошло на уступки. 17 октября издается манифест о созыве законодательной думы, объявляется политическая амнистия, правда, довольно куцая; туманно обещаются всякие свободы. Но одновременно с этим петербургский диктатор Трепов издает приказ „не жалеть патронов", а на совете губернаторов дается директива организовывать „русский народ", т. е. подонки общества для устройства погромов.—избивать по одиночке и массами революционеров, интеллигентов и иногородцев. Только полная забастовка помешала губернаторам привести эту директиву в жизнь одновременно по всем местам.

Кадеты и вслед за ними и меньшевики ликуют по поводу якобы уже одержанной рабочим классом победы. Большевики дают лозунг

организованно прекратить забастовку и энергично готовиться не к выборам в Виттовскую думу, а к дальнейшему бою. Усилить всеми способами боевую дружину, по возможности вооружить всех рабочих. Под давлением революционного настроения рабочих, даже меньшевики и эс-эры вынуждены объявить бойкот выборам. Во многих городах начинаются погромы, вооруженные столкновения с войсками. Там, где имеются сильные организации большевиков, как в Москве, погромщики разгоняются и избиваются боевиками. Отдельные жертвы падают. В Москве убит старый большевик Бауман. Московский пролетариат весь участвует на его похоронах, демонстрирует такую сплоченность и дисциплину, что администрация отказывается от дальнейшей провокации рабочих погромами. Социал-демократическая агитация на бесконечных митингах продолжается. Усиленно запасаются оружием, организуют дружины, проникают с агитацией в казармы. Назревает потребность организационно закрепить связь с массой. Партия не в состоянии принять в свои ряды всю массу. Стихийно создаются новые формы организации. С самого начала забастовки, на каждом заводе и мастерской возникали стачечные комитеты. Они связываются между собой по районам по целому городу. Уже 13 октября эта организация охватывает весь пролетариат и, по примеру Питера, принимает название „Совета рабочих депутатов". В Питере, благодаря влиянию меньшевиков, Совет временно оттесняет на задний план партию. В председатели Совета избирается беспартийное ничтожество, выдвинутый меньшевиками Хрусталев - Носарь. В Москве и в др. крупных центрах рабочего движения, наоборот, Совет превращается в орудие организационного влияния большевистской партии на массы. Но, вопреки воли лидеров меньшевиков, именно под давлением непримиримого настроения сознательных рабочих, Петербургский Совет рабочих депутатов фактически превращается в настоящее революционное правительство. Царские министры ведут переговоры с Советом, именно, как с рабочим правительством. Революция развертывается именно так, как предвидели это большевики. Все слои общества молчаливо, кое-кто со скрежетом зубовным, но все признают и подчиняются гегемонии рабочего класса. Рабочие начали борьбу за власть, они не пойдут ни на какие компромиссы.

21 октября, ровно в 12 час. дня, согласно постановлению Советов и железнодорожного Союза, всероссийская забастовка организованно прекращается. Агитация, массовый выпуск брошюр, широкие митинги продолжаются. Революционным путем отменяется цензура, проводится полная свобода собраний. В ноябре появляется первая легальная революционно соц.-демократическая газета „Новая Жизнь". Заграничная газета „Пролетарий", бывшая после III с'езда центральным органом партии, ликвидируется. Ленин и др. редактора возвращаются в Россию и ведут „Новую Жизнь" в том же непреклонном последовательно-революционном духе, как велся ими и заграничный орган. В

противовес „Новой Жизни“ меньшевики создают свою газету „Начало“.

Агитация в войсках начинает приносить свои плоды. 26 октября восстание в Кронштадте, 28-го восстание в Польше, восстание солдат в Кушке. Востания кровавым образом усмиряются. Матросам и солдатам грозит расстрел и виселица. В Польше вводится военное положение. 2-го ноября Петербургский Совет об'являет новую забастовку. Она дружно подхватывается Петербургскими рабочими, но превратиться в обще-российскую не может. Нет достаточной связи с местами, нет обще-российского центра. И тем не менее, Витте торопится итти на уступки. Казнь матросов и солдат и военное положение в Польше отменяются.

Петербургский Совет декретирует революционное проведение в жизнь 8-ми часового рабочего дня. Представители крупной промышленности вкупе с управлениями казенных заводов отвечают на проведение этого декрета локаутом. „Сочувственное“ отношение буржуазии к октябрьской забастовке, завоевавшей у правительства буржуазную конституцию, быстро исчезает под экономическим натиском рабочих. Крупная буржуазия спешит вступить в блок с правительством. Витте уже чувствует, что правительство перестает быть одиноким, оно начинает уже опираться не на одних только оголтелых зубров, шпионов и жандармов. Под его стяг начинает уже перекочевывать разумная буржуазия, партия „Правового порядка“, „Октябристы“, „Мирное обновление“. Правительство становится смелей. Беспощадно подавляется вспыхнувшее в Севастополе восстание матросов во главе с лейтенантом Шмидтом. 18 ноября подавляется восстание саперов в Киеве. 16 ноября арестуется бюро крестьянского с'езда, 22 ноября—бюро почтово-телеграфного союза, руководившего забастовкой служащих. 26 ноября правительство решается, наконец, на арест председателя Совета рабочих депутатов Хрусталева. В Питере, благодаря локаутам, сильно выросла армия безработных. Наиболее сознательную революционную часть рабочих крупный капитал выбросил на улицу, обрек на голод. Но ряды пролетариата еще не дрогнули. Наряду с Советом рабочих депутатов возникает Совет безработных, во главе которого становится энергичный рабочий большевик С. И. Малышев. 27 ноября, немедленно, после ареста Хрусталева переизбирается новый президиум Совета рабочих депутатов, председателем выбирается Троцкий. Теперь лозунг всего совета—„подготовка к вооруженному восстанию“. 2-го декабря, за совместной подписью большевиков, меньшевиков, эс-эров и Совета, выпускается манифест ко всему населению России с призывом для ослабления правительства, выкачивать золотые вклады из сберегательных касс и банков, во всех учреждениях требовать расплаты только золотом. Манифест этот подхватывается всей Россией. 3 декабря арестовывается новый президиум Совета, закрываются газеты „Новая Жизнь“ и „Начало“. Снова избирается президиум во главе с Парвусом. Под давлением большевистской фракции, Со-

вет назначает новую всеобщую политическую забастовку на 7-е декабря.

Московский пролетариат единогласно, сначала на всех фабриках и заводах Москвы, а затем и на общей конференции, созванной Московским комитетом большевиков, с представителями от всех фабрик и заводов принимают решение 7-го декабря, в 12 час. дня, начать всеобщую забастовку, которая должна перейти в вооруженное восстание. Конференция 26 железных дорог, заседавшая в то время в Москве, под воздействием Московского комитета, присоединяется к постановлению о начале забастовки и обещает распространить ее на все железные дороги. Москва дружно, в назначенный час, начинает забастовку. Пролетариат сразу переходит в наступление, обезоруживает и прогоняет полицию, захватывает участки, деморализирует и делает небоеспособным московский гарнизон. Тысячу человек плохо вооруженных дружинников насчитывали в Москве перед началом забастовки все революционные организации. Но теперь, с разгромом оружейных складов, вагонов с оружием, боевые дружины быстро растут и превращаются в грозные, хорошо вооруженные, партизанские отряды. Московский железнодорожный узел дружно присоединяется к забастовке. Одна лишь Николаевская железная дорога изменила. На ней бастуют только мастерские. В Питере забастовка не удалась. Пролетариат там обессилен локаутами. Слабой оказалась связь и с другими промышленными районами. Почтово-телеграфный союз разгромлен после неудачной забастовки. Железнодорожный союз, руководимый колеблющимися интеллигентами, недостаточно энергично проводит постановление Московской конференции.

Вооруженное восстание не стало сразу всероссийским. Отдельные очаги восстания вспыхивают разновременно в разных местах. Между ними не устанавливается связи. Москва начала 7-го, 8-го началось восстание в Красноярске и Новороссийске, 12-го в Сормове, Харькове и Николаеве, 15-го в Твери, 21-го в Чите и Иркутске. В последних числах декабря и в январе восстание охватывает все Прибалтийские губернии, большую часть Польши, Закавказье и всю Сибирь. Но в это время изолированная Москва уже разгромлена прибывшими по небастующей Николаевской дороге из Твери и Питера войсками. А вслед за Москвою, правительство, сравнительно, уже легко, расправляется с отдельными очагами. Вся Россия об'явлена на военном положении, вся покрыта виселицами и карательными отрядами. И, вот, только тогда начинаются широкие крестьянские аграрные волнения. Деревня за деревней, волость за волостью, выступают против помещиков, жгут и разоряют помещичьи усадьбы. Деревни друг с другом не связаны, не организованы и легко подавляются.

Вооруженное восстание, фактически ставшее всероссийским, не имеет руководящего общепризнанного центра. Петербургский Совет рабочих депутатов не связался с местами, не успел

стать всероссийским центром. Под председательством меньшевика Парвуса, он и не мог стать им. Партия, как раз перед восстанием, пыталась на назначенном в Тамерфорсе с'езде об'единиться вновь. На местах об'единение уже давно начало проводиться в жизнь, под давлением революционного настроения рабочих. Центральные органы партии не были подготовлены к руководству восстанием. Местные комитеты, оторванные от центра, пытаются сами руководить пролетариатом. В Москве накануне восстания Московский комитет выделил Исполнительную Комиссию для руководства восстанием. В нее вошли Шанцер-Марат, Васильев-Южин и Лядов. Для согласования с другими партиями, назначен Федеративный Комитет из большевиков, меньшевиков и эс-эров. От большевиков в Федеративный Комитет входили Шанцер-Марат и Васильев-Южин. Федеративный Комитет был арестован на второй день восстания. Тем самым и распалась Исполнительная Комиссия. Все члены комитета разошлись по районам, чтобы работать на месте с районными организациями. На Пресне особенно выделились Седой, Станислав Вольский (Соколов) и Доссер (Леший). В Миуссах—Смидович, в Замоскворечьи—Землячка. Боевая организация Московского комитета, во главе с другим Смидовичем (Евгением) выпустила воззвание к восставшему народу, с указанием методов партизанской борьбы и руководила вначале районными штабами, но скоро утратила связь с ними. Энергично работала и военная организация М. К. под руководством Васильева (Аркадия).

Московское восстание фактически не было разбито. „Храбрые" гвардейцы семеновцы расстреливали, главным образом, безоружную толпу зевак и любопытных. Дружинники распустились и разбрелись сами, когда М. К., убедившись в изолированности Москвы, понял, что восстание не может перейти в наступление и поэтому обречено на неудачу. Дружинникам удалось спасти все свое оружие и сравнительно очень мало их попало в руки правительства. Согласно постановления Московского комитета 19 декабря, ровно в 12 час. дня, московские рабочие прекратили забастовку. Этим особенно подчеркивалось отступление в полном порядке и полной боевой готовности.

Еще 10 ноября большевистский Центральный Комитет обратился ко всем организациям с призывом немедленно приступить к выборам на IV с'езд партии, открытие которого предполагалось 10 декабря в Тамерфорсе. Перед этим, во всех местных организациях, особенно среди партийных низов, окончательно стерлась всякая грань между большевиками и меньшевиками. Местные вожди меньшевиков должны были, под давлением рабочих, принять большевистскую тактику. Всюду раздавался лозунг „долой фракционную склоку", „об'единение партии с низов". Так было на местах. Но далеко не так было в партийных верхах. Там разногласия далеко не были изжиты. По многим тактическим вопросам, меньшевистские лидеры оказались правее эс-эров и буржуазного „Союза Союзов". Их тянуло на сближение

с кадетами. Цека предложил меньшевистскому Организационному Комитету, так назывался меньшевистский центр, после Женевской конференции, устроить одновременно с большевистским с'ездом свой с'езд и обоим с'ездам договориться о слиянии партии. Благодаря восстанию в Москве и железнодорожной забастовке, с'езд не мог собраться. Собрались всего представители от 26 организаций. Они об'явили себя конференцией и постановили начать параллельно, как об'единение с низов, так и слияние центров для совместной работы по созыву общепартийного с'езда на основе демократических выборов, после тщательной дискуссии выдвинутых обеими фракциями платформ по всем важнейшим вопросам.

Конференция приняла также решение пересмотреть аграрную программу, построить ее на основе национализации всей земли. Меньшевистский Организационный Комитет принимает эти условия. Каждая фракция вырабатывает свою платформу, назначенные совместно Ц. К. и О. К. агенты приступают к об'езду всех организаций для широкой дискуссии и для выборов на с'езд.

Между тем, после московского восстания и ряда других восстаний, в которых ярко проявился пролетарско-крестьянский характер российской революции, один слой буржуазии за другим отрекаются от революции и ищут пути мирного соглашения с самодержавием. Не случайно, как раз в самый разгар московского восстания 11 декабря, правительство издает манифест о выборах в 1-ю думу. Государственная дума должна стать именно местом для торга между буржуазией и правительством. Для большевиков ясно, что при сильном революционном брожении рабочих масс и все более широко разливающемся аграрном движении крестьян, Государственная дума сослужит службу лишь реакции. Именно там договорятся и столкуются между собой все антиреволюционные и напуганные революцией, как буржуазные, так и помещичьи элементы. Поэтому большевики ставят своей задачей сорвать выборы в Государственную думу. Лозунг большевиков: „активный бойкот думы". Эс-эры и даже Союз Союзов присоединяются к этому лозунгу. Но меньшевики, под влиянием Плеханова, который об'явил всю революцию рабочего класса ошибкой, „не надо было браться за оружие", начинают колебаться. Сначала выдумывают какую-то нелегальную систему выборов, которая должна была противопоставляться выборам, установленным по закону. Затем говорят о выборах в первых инстанциях и, наконец, на Кавказе начинают вступать в соглашение с кадетами и, при их помощи, собираются проводить в думу своих депутатов. Вообще интеллигенция, которая до восстания усиленно восхищалась пролетарским движением, теперь, после неудачи восстания, начинает глумиться над рабочим классом, начинает фактически отходить от революции. Это настроение просачивается и в меньшевистские ряды.

На выборах в IV с'езд обнаружилось, что большевистские организации все очень сильно пострадали от наступившей реак-

ции. Масса лучших работников, открыто выступавших во время восстания, теперь были или арестованы, или вынуждены были разбежаться или скрываться. В Сибири, Прибалтийском крае, Польше, на Урале выборы на с'езд пришлось проводить во время разгула карательных экспедиций. Все крупные промышленные центры, шедшие всегда за большевиками, с начала революции проявили наибольшую активность и поэтому теперь от начавшейся реакции больше всего пострадали. Поэтому понятно, что меньшевикам удается в маленьких городишках, незатронутых восстанием, получить больше голосов, чем большевикам в крупных центрах. Собравшийся в апреле 1906 года в Стокгольме IV с'езд, уже при выборах президиума и мандатной комиссии, ясно показал, что на нем перевес будут иметь меньшевики. При помощи своей мандатной комиссии они лишают решающего голоса ряд большевистских организаций и утверждают явно дутые мандаты грузинских меньшевиков. Таким образом, на с'езде оказалось 57 организаций с решающим голосом и 13 с совещательным. По фракциям с'езд распадался на 61 меньшевиков, 46 большевиков и 7 нефракционных. Всего было представлено на с'езде 31.000 членов партии. При этом необходимо иметь в виду, что представители национальных социал-демократических партий—польской, латышской и еврейской—решающим голосом не пользовались,—они оффициально в партию не входили. Поляки и латыши в то время стояли все целиком на большевистской платформе и фактически представляли: поляки 26,000, латыши 14.000 и бундовцы 33.000 членов партии.

На IV, или, как его оффициально называли, „об'единительном" с'езде, главных боевых вопросов было три: аграрная программа, Государственная дума и вооруженное восстание По аграрному вопросу вначале не было фракционного деления,—многие меньшевики были принципиальными противниками муниципализации, выдвинутой Масловым и поддержанной в измененном виде Плехановым. Большая часть большевиков стояла на точке зрения национализации, защищаемой Лениным. Часть большевиков и меньшевиков выставляла раздел всей конфискованной земли. Эту точку зрения защищали большевики Рожков и Борисов. Часть делегатов поддерживала предложение Румянцева о соединении национализации с разделом. И, наконец, группа в 20 делегатов голосовала за предложение, внесенное Струмилиным и Лядовым об отказе от какой бы то ни было аграрной программы и о выработке только революционной тактики по аграрному вопросу, в связи с переживаемым революционным движением крестьян. Но после очень длительных дебатов, при которых ясно выявилась основная точка зрения лидеров меньшевиков: недоверие к революции и поиски возможности провести аграрную реформу путем соглашения с кадетами, окончательное голосование по аграрному вопросу приняло резко фракционный характер. Все большевики голосовали за национализацию, все меньшевики—за муниципализацию. Большинством была принята

Масловская муниципализация, кастрированная поправками Кострова (Жордания) и изнасилованная Плехановым.

Уже после этого голосования стало совершенно ясно, что то об'единение с низов, которое так резко обнаружилось во время революционной работы на местах, здесь, на с'езде, осуществиться не может. Фракционная дисциплина сковала всех делегатов и, благодаря ей, меньшевики будут по всем вопросам пользоваться своим большинством, чтобы механически навязывать свою волю большевикам. Только после большого боя большевикам удалось включить в порядок дня оценку текущего момента. Меньшевики, как настоящие оппортунисты, как черти ладана, боялись точной формулировки своих взглядов. А ведь нужно было ясно и определенно ответить—признают ли они, что революция уже окончена, что надо строить свою тактику, применяясь к окончательному торжеству реакции и безнадежности нового под'ема революционной волны. По этому вопросу с докладом выступил меньшевик Мартынов. Он доказывал ошибочность тактики вооруженного восстания и бойкота Государственной думы, подчеркивая необходимость совместной работы в думе с кадетами. Только таким образом, по его мнению, можно изолировать реакцию. Большевики—Ленин, Сталин, Луначарский, Красин и представители всех национальных партий (в том числе даже бундовцы) обрушились с резкой критикой всей меньшевистской позиции. В особенности досталось Плеханову за его анти-революционную статью в „Дневнике социал-демократа", в которой он нападал на московский пролетариат за вооруженное восстание. Большевики в дебатах подробно выявили всю опасность для пролетариата и революционного крестьянства от внедрения в их умы тех конституционных иллюзий, которыми заражены меньшевики. Дума, дарованная самодержавием, не есть парламент и при сохранении самодержавия парламентом стать не может. После дебатов меньшевики не решились провести свою резолюцию и с'езд по этому вопросу не вынес никакого решения. По вопросу о Государственной думе от меньшевиков с докладом выступил Аксельрод. Он прочел длинную лекцию о значении парламентаризма, о том, что парламентская борьба делает совершенно излишней борьбу революционную. Он доказывал, что большевики—анархисты, бунтари и заговорщики и ведут своей революционной проповедью к гибели рабочий класс. По его мнению, задача социал-демократии состоит в том, чтобы поддерживать кадетскую партию в ее стремлении закрепить завоевания буржуазной революции. Внимание всего народа должно быть направлено на моральную поддержку Государственной думы. В содокладе Ленин, прежде всего, доказал, что наша дарованная царской милостью Государственная дума ничего общего с парламентом не имеет. Власть царя ничем не ограничена. Дума безвластна. Он обратил внимание на уже почти закончившиеся по всей стране выборы в думу, в громадном большинстве проходят туда кадеты. Меньшевики уверены, что эти кадеты будут искать опоры в народе.

Ленин утверждает, что кадеты прежде всего боятся революционной самодеятельности рабочих, а без этой самодеятельности разве возможна какая бы то ни была реальная поддержка думы. Кадеты неизбежно будут шататься между желанием опереться на народ и страхом перед революцией и страхом перед этим же народом. Этот страх загонит их в об'ятия реакции. Они все дальше и дальше будут уходить от революции. Наша задача— искать себе союзников не среди буржуазных верхов, которые не могут не изменять нам, а в среде настоящей демократии, т. е. крестьянства, которое тоже составляет часть буржуазии, но которой реакция ничего дать не может и, поэтому, в силу вещей, оно вынуждено быть революционным. Мы должны пойти заодно с крестьянами, мы должны отрывать их от влияния кадетов и развивать в них революционное самосознание. Особенно рельефно подчеркнул точку зрения меньшевиков второй содокладчик, последовательный „рабочеделец" Акимов. Он поставил точку над „и" и предложил открыто признать верховенство кадетов. После дебатов с'езд отверг бойкот, признал необходимым произвести выборы в думу на Кавказе и в Сибири. В остальных местах, к этому времени, выборы уже закончились.

По вопросу о вооруженном восстании меньшевики, во главе с их докладчиком Череваниным, поставили окончательно крест на революционной борьбе. Для них московское восстание было результатом деятельности большевистских заговорщиков и продуктом отчаяния рабочих масс. Они попытались даже контрабандой заменить в своем собственном проекте резолюции „борьбу за захват власти" „борьбой за права". В то время, как опыт всех восстаний показал, что при общем сочувствии всей демократии восстания не кончились победой только потому, что стоявшие во главе массы революционные партии были технически неподготовлены руководить восставшим народом, в это время меньшевики горько жаловались на увлечение большевиков вопросами техники восстания. В конце-концов с'езд в принятой меньшевиками резолюции не дал рабочим никакого ответа, нужно ли готовиться к восстанию или нет. Открыто меньшевики и тут побоялись высказаться. Большевикам удалось, уже в резолюции о крестьянском движении провести мысль о признании восстания, как единственного средства завоевания свободы.

Интересно отметить, что Каутский вполне одобрил тактику большевиков. Он придал громадное значение Московскому восстанию, признал и необходимость бойкота Государственной думы. Призывал к дальнейшей борьбе, до полной победы, и над самодержавием и над кадетами.

Национальные партии (социал-демократия царства Польского и Литвы, латышская С. Д. Р. П. и Бунд) вошли в РСДРП. Были в ЦК избраны семь меньшевиков и три большевика (Красин, Десницкий и Рыков, которого после заменил Богданов), в Ц.О.— три меньшевика. Большевики на фракционном заседании выработали обращение к партии, в котором указали на необходимость

подчиниться с'езду. В то же время они оставили за собой право подготовлять общественное мнение партии к будущему с'езду беспощадной критикой всех постановлений IV с'езда.

Первая государственная дума собралась. На выборах боролись, почти преимущественно, кадеты и черносотенцы. Вся буржуазия, все либеральные помещики идут за кадетами. Черносотенцы оказались в громадном меньшинстве. Лозунг бойкота широко подхвачен рабочими массами. Крестьяне послали в думу беспартийных с ясным и четким наказом, во что бы то ни стало провести аграрную реформу. В этом вопросе они стоят на самой непримиримой, последовательной точке зрения. Но к политике они равнодушны. Они все глубоко убеждены, что дума может дать им землю. Они создают свою партию „трудовиков". Кавказ и Сибирь послали в думу меньшевиков, к ним присоединяются и беспартийные рабочие, прошедшие в думу, как крестьяне. Образуется рабочая фракция. Правительство третирует думу, проводит помимо думы ряд важнейших законов, а думу пичкает вермишелью. По всей России продолжают работу карательные отряды, всюду проведено военное положение. Каждый уездный начальник, каждый комендант станции превращается в генерал-губернатора, который может самостоятельно вешать и расстреливать. Всюду учреждаются военно-полевые суды, которые за принадлежность к партии присуждают либо к виселице, либо на каторгу. Продолжается мобилизация черносотенных хулиганов, их организуют в союз русского народа „Михаила Архангела" и т. п. В ряде городов организуются погромы, шайки черносотенцев безнаказанно жгут, насилуют и избивают. В это время меньшевистская „Невская Газета" подпевает кадетам и ликует по поводу российского парламентаризма, пытается укрепить в массах веру в русский парламент, возбудить в них конституционные иллюзии. Большевики, в последовательно издававшихся и закрываемых полицией газетах „Волна", „Вперед", „Вестник Жизни" и „Эхо", разоблачают фактическую измену революции кадетов, шатание меньшевиков и эс-эров, толкают вперед и просвещают политических младенцев—„трудовиков", пытаются революционизировать и сделать, принципиально, выдержанной меньшевистскую фракцию в думе. А самое главное, большевики в легальной и нелегальной печати и на широких рабочих митингах и на тайных собраниях продолжают вскрывать перед широкими массами истинный характер совершающихся событий, так, например, на громадном митинге в доме Паниной, перед многотысячной толпой выступал под именем Карпова т. Ленин и развил полностью, при полном одобрении толпы, точку зрения большевиков. Большевики решительно воспитывали пролетариат и крестьянство к борьбе за власть, в то время, как меньшевики плелись за кадетами и за все более правеющей буржуазной демократией, воспитывали массы выклянчивать подачки от самодержавия, звали их на моральное сочувствие и поддержку попыткам кадетов в думе, поделить власть между самодержавием и имущими клас-

сами. Большевики призывали массы поддерживать левую часть думы (фракцию с.-д. и трудовиков), поскольку эта левая часть думы будет своими решительными выступлениями с думской трибуны развивать перед массами идеи дальнейшего расширения и углубления революции, поскольку она будет стараться сплачивать и организовывать вокруг себя рабоче-крестьянские массы для борьбы, для революционного свержения правительства и соглашательской думы, поскольку она будет способствовать организации борьбы за революционный созыв всенародного учредительного собрания. Но вместо этого меньшевистский ЦК призывал народные массы поддерживать требования кадетов, вместо царского министерства Горемыкина, создать кадетское министерство, ответственное перед думой. Против этого лозунга ЦК решительно высказывается ряд конференций: Петербургская, Московская, Московско-Окружная. Все они вполне поддерживают тактику большевиков. Правительство продолжает плевать на думу, совершенно не считается с ея постановлениями. В обращении к народу правительство ругает думу, обвиняет ее в подстрекательстве крестьян к бунтам против помещиков, к самовольному захвату земли, грозит жестоко расправиться с крестьянами и успокаивает помещиков, гарантируя, что их владения навечно останутся их собственностью. Под сильным давлением петербургских рабочих, дума выступает с ответным обращением к народу, в котором обещает провести аграрную реформу. В ответ на это обращение 8-го июля дума царским приказом распускается. Созыв новой думы назначается на 20 февраля 1907 г. Вместо того, чтобы на этот роспуск ответить отказом распуститься, вместо того, чтобы призвать петербургский гарнизон и петербургских рабочих встать на защиту незаконно распущенной думы, вместо этого депутаты государственной думы, беспрекословно подчинившись роспуску, бегут из Питера в Выборг. Там устраивают частное совещание депутатов, на котором, после двухдневной болтовни, вырабатывают воззвания „от народных представителей к гражданам России“. В этом воззвании народные представители призывали народ, до созыва новой думы, не платить налогов и не давать новобранцев, т. к. по закону правительство без думы не вправе их требовать. Но даже это умеренное воззвание считается черезчур опасным для значительной части думцев, они его не решаются подписать.

Под давлением большевистской петербургской организации (работавшей в это время под руководством Ленина и Зиновьева) социал-демократическая фракция думы и фракция трудовиков обратились с решительным манифестом „к армии и флоту“ и ко всему „Российскому крестьянству“. Последний манифест был, кроме думских фракций, подписан ЦК партии, ЦК эс-эров, Всероссийским крестьянским союзом, железнодорожным союзом и учительским союзом. В обоих манифестах войска и народ призываются к восстанию против правительства.

Меньшевистский ЦК, убежденный до разгона думы, что она является властным парламентом, теперь совершенно растерялся. Сейчас же после разгона думы, он дает партийную директиву требовать от правительства возобновления сессии думы, так постыдно бежавшей со своего поста, и требовать от этой трусливой думы, чтобы она, помимо, правительства, созвала учредительное собрание. Петербургский Комитет решительно протестует против этого нелепого лозунга. Тогда ЦК дает другую директиву „борьба против правительства в защиту думы, в целях созыва учредительного собрания". Меньшевики были уверены, что кадеты могут бороться за власть народа, добровольно захотят отказаться от думы, в которой, благодаря избирательному закону, буржуазии гарантировано большинство и что они могут вместе с рабочими и крестьянами бороться за учредительное собрание, в котором они, конечно, большинства голосов не получат. И этот лозунг повис в воздухе. ЦК дает третью директиву—организовать по поводу роспуска демонстративную трехдневную всеобщую забастовку. Передовые рабочие классовым инстинктом понимают, что начинать сейчас забастовку и не говорить при этом о неизбежном переходе всеобщей забастовки в восстание нелепо. При теперешнем положении вещей в России, каждая массовая забастовка, неизбежно, должна кончиться восстанием. А можно ли сейчас технически организовать восстание? Партия не готова к руководству восстанием. Сами меньшевики всей своей деятельностью после московского восстания сделали все, чтоб уничтожить какую бы то ни было возможность подготовки восстания. Они внушали веру во всеспасительную думу, они боролись против организации боевых дружин, против приобретения рабочими оружия. И этот лозунг сорван. Тогда ЦК дает новую директиву „за думу, как орган созыва учредительного собрания". При всех этих разных лозунгах, меньшевики были глубоко убеждены и пытались убедить партию, что внимание всего народа действительно сосредоточено вокруг этой думы. Они не хотели понимать, что из за сохранения этой беспомощной, только болтающей совершенно, безвластной думы, никто восставать не думает. Ленин, в противовес всем меньшевистским шатаниям, в специально выпущенной брошюре „Роспуск думы и задача пролетариата" дает ясный и четкий лозунг. Не распыляя силы на частичные выступления, на демонстративные забастовки, партия должна напречь все свои силы к подготовке и организации широких крестьянских и рабочих масс к единовременному конечному бою с самодержавием. Надо подготовить и организовать действительную возможность всероссийского восстания, надо развить энергичную работу среди войска, среди флота. Перед крестьянами надо поставить и развить непосредственную цель восстания; еще до созыва учредительного собрания, революционным путем, уничтожить помещичье землевладение, фактически изгнать помещиков и захватить их земли.

Об'явленная меньшевиками демонстративная забастовка нигде не прошла. Вне всякой связи, с роспуском думы, вспыхивают восстания 17-го июля в Кронштадте, 19-го июля в Ревеле и 20-го—в Свеаборге. Восставшие солдаты и матросы выступают под лозунгом: „учредительное собрание". Восстания не организованы, отдельные очаги восстания между собой не связаны, пролетариат не подготовлен к революционной поддержке восставших. И, несмотря на геройство солдат и матросов, восстание подавляется самым кровавым образом, целые сотни расстреливаются без суда, сотни приговариваются по суду к расстрелу или на каторгу.

Крестьяне быстро изживают конституционные иллюзии и приступают к ликвидации аграрного вопроса революционным путем. Почти через все черноземные губернии, где особенно остро чувствовались кабальные отношения, прокатывается волна крестьянских беспорядков. Все крестьянство, до кулаков включительно, участвует в разгромах помещичьих усадеб, в захвате и запашке помещичьих земель. Быстро растут повсеместно боевые организации рабочих. По всей России стихийно растет партизанская война с органами власти. Все наиболее сознательные и революционно настроенные рабочие уходят в эту партизанскую войну. Это уже не выдуманный чахлый террор эс-эров 1902—1904 г.г., это массовая борьба, которая ясно свидетельствует о все большем нарастании революционной энергии рабочих и крестьян. Буржуазное общество напугано резким проявлением рабоче-крестьянской революции. От кадетов далеко вправо уходят все представители крупной буржуазии. Сами кадеты быстро правеют, они уже отказываются от Выборгского воззвания, в качестве предводителей дворянства, председателей земских управ ведут отчаянную борьбу с теми крестьянами, которые послушались Выборгского воззвания и отказываются платить подати и итти в солдаты. Кадеты убеждают правительство, что они фактически ничего общего с революцией не имеют, что они хотят быть верноподданной оппозицией его величества. Быстро организуются и крепнут реакционные правые партии. Эс-эры раскалываются на три части. Совсем вправо, вплоть до кадетов, откатилась от них, под названием „Народных социалистов" (эн-сов), значительная часть „более благоразумных". Влево ушли так называемые максималисты, в их ряды попали наиболее решительные, боевые элементы. Центр эс-эров, во главе с Черновым, заплутался между двумя соснами, стремлением к парламентаризму и страхом перед революцией. Такая же неразбериха и путаница царит у меньшевиков. Плеханов, Аксельрод и Череванин хотят, по их выражению, изолировать реакцию, а поэтому проповедуют избирательное соглашение с кадетами. Для лидеров меньшевиков урок полученный при разгоне 1-й думы, пропал совершенно даром. Они все еще верят, что оппозиционные партии, получившие большинство во II-й думе, окажутся в состоянии разрешить политический кризис без революции. Они все еще продолжают

верить в силу парламентаризма, при сохранении всего аппарата власти у самодержавия. Петербургский комитет, областная организация Центрального Промышленного района, в состав которой входили такие крупные комитеты, как Московский, Московско-Окружной, Нижегородский, Ярославский, Костромской, Иваново-Вознесенский, Тульский, Тверской и Орловский, требуют решительно от ЦК созыва экстренного с'езда, который должен в такой решительный момент дать партии указания и покончить с той неразберихой, которую создают шатания меньшевиков. За с'езд высказались также и социал-демократия царства польского и Литвы, в состав которой входило 28000 членов, и социал-демократическая партия латышского края с 14000 членов. Обе эти партии на Стокгольмском с'езде не имели решающего голоса, а, следовательно, не могли участвовать в выборах ЦК и в определении его тактики. Теперь они входят в Российскую партию.

Революционное крыло партии, в состав которого, кроме большевиков, входили и поляки и латыши, участвовало и руководило партизанскими выступлениями, в которые все более и более втягиваются крестьянские массы. Среди рабочих нет и следа того уныния и разочарованности, которая, немедленно после московского восстания, охватила все слои интеллигенции и в том числе меньшевиков. Рабочие массы продолжают, несмотря, на разгул реакции, стихийно итти в организации. С неслыханной быстротой растут чисто боевые профессиональные союзы, признающие политическое руководство и идейное влияние с-д партии. И в этом вопросе сталкиваются между собой большевики и меньшевики. Меньшевики хотят превратить эти профессиональные союзы в организации, чисто экономические, независимые от партии. Реакция заставляет большевиков переходить на нелегальное положение. В Финляндии организуется нелегальная типография, в которой начинают печатать газету „Пролетарий", орган Петербургского, Московского и Московско-Окружного комитетов. В редакцию входят: Ленин, Дубровинский, Каменев, Зиновьев и Богданов. По инициативе же большевиков делается попытка об'единить и организовать военно-боевую работу партии. С этой целью в ноябре 1906 г. собирается в Тамерфорсе военно-боевая конференция, где участвуют Лалаянц, Трилисер, Землячка, Самер, Кадомцевы, Лядов, Антонов, Ярославский, Игнатьев, Грожан и др. Конференция учитывает боевой опыт во время восстаний и партизанских выступлений, учитывает опыт работы среди войска, вырабатывает тактику уличных боев, вырабатывает тип уличных баррикад. На ряду с этим конференция разрабатывает программу широкой агитации и кружковой пропагандистской работы среди солдат, намечает ряд изданий специальных брошюрок по боевым и военным вопросам. Конференция, в оценке текущего момента, в полном согласии со всей большевистской фракцией—считает необходимым строить свою ближайшую тактику на революционной борьбе с реакцией. Реакция может быть временно укрепится, а это неизбежно при все

большем отходе от революции всей буржуазии вплоть до эн-эсов и части Союза союзов, но под'ем революции в ближайшее время неизбежен, т. к. в России крестьянский вопрос не разрешен и, помимо революци, разрешен быть не может. В дальнейшей революционной борьбе у рабочего класса не будет другого союзника, кроме крестьянства.

В этом вопросе вся большевистская фракция резко расходилась с меньшевиками. Для них отход от революции кадетов и остальной буржуазии означал окончательное прекращение революции. Они готовы были отказаться от всех революционных лозунгов партии. Один из меньшевистских литераторов—Череванин—договорился до отказа от лозунга „борьбы за учредительное собрание". В буржуазной газете, вообще, охотно помещающей писание меньшевиков, Череванин писал: „Было бы нелепостью и безумием для пролетариата пытаться вместе с крестьянством вступить в борьбу с правительством и буржуазией, за полновластное и всенародное учредительное собрание". Лучше отказаться вовсе от революционной борьбы, итти послушно в хвосте кадетов на дальнейшее моральное давление на полновластное правительство, при помощи безвластной и бесполезной Государственной думы. Только таким путем можно избавить, по мнению меньшевиков, пролетариат от политической изолированности. Кстати, по почину Аксельрода, меньшевистские литераторы подымают в буржуазной печати вопрос о том, что лучше вообще ликвидировать нашу нелегальную революционную партию, стоящую на строго выдержанной классовой точке зрения, ее можно заменить новой, чисто рабочей партией, свободно избранной, на широком рабочем с'езде, на котором должны участвовать представители всех рабочих, вплоть до черносотенных. Ясно, что такой с'езд, на котором бессознательные, политическо неразвитые рабочие своей массой подавят революционных партийных рабочих, легко можно будет превратить в послушное оружие буржуазных политиканов.

Уже в № 1 „Пролетария" (август 1906 г.) Ленин в статье „О бойкоте"предложил на партийную дискуссию вопрос о том, что при выборах во II-ю думу надо отказаться от бойкота. Против бойкота меньшевики горячо ратовали еще на IV с'езде. Бойкот виттевской думы был принят в то время, когда на улицах Москвы шел уличный баррикадный бой, когда само правительство не было уверено, что ему удастся справиться со все более разгорающимся восстанием, когда рабочих приходилось не агитировать, а организовывать в боевые дружины. Когда Московское восстание стихийно распространялось по всей стране, тогда можно было ожидать, что бойкотом удастся перешагнуть через виттевскую думу, также как пролетариату удалось перешагнуть через булыгинскую думу. Этого сделать не удалось, главным образом, потому, что бойкот, подхваченный рабочими, не проник в деревню. Деревня была полна тогда верой и надеждой в думу, в желании и способности ее разрешить аграрный вопрос в пользу крестьян. Сей-

час в августе 1906 г. положение уже не то, какое было в декабре 1905 г., когда началась избирательная кампания в 1-ю думу. Сейчас надо отказаться от бойкота, широко использовать всю избирательную кампанию для самой широкой агитации и среди рабочих и среди крестьян. В этой кампании необходимо окончательно разбить веру в думу, показать ее непригодность и одновременно с этим надо организовать всех участников выборов, надо связать их через уполномоченных и выборщиков с революционной организацией. Именно в ходе избирательной кампании надо широко популяризировать, в особенности среди крестьян и отсталых рабочих, наш основной лозунг: „Через организованное вооруженное восстание свергнуть правительство, созвать учредительное собрание и, таким образом, завоевать всю землю и волю". Точку зрения Ленина об участии в выборах во вторую думу приняла вся большевистская фракция. Значит, в этом вопросе можно было ожидать, что в партии разногласия не будет. На IV с'езде меньшевики приняли резолюцию о выборах, без избирательных соглашений. Но как раз по этому вопросу начался новый фракционный спор, который ясно показал насколько далеки друг от друга обе социал-демократические фракции. „Черносотенная опасность"—вот то пугало, которым меньшевики решили запугать рабочие массы и повести их на соглашение с кадетами. Большевики, а вместе с ними представители поляков и латышей, настаивали на том, чтобы Ц. К. поторопился с созывом с'езда, чтобы на с'езде установить одну общую, обязательную для всей партии, избирательную платформу.

Меньшевистский Ц. К. боялся с'езда, он был уверен, что меньшевики потерпят на нем решительное поражение. Вместо с'езда, созывает в Финляндии конференцию (в ноябре 1906 г.). На конференцию, приглашая, преимущественно, своих сторонников, он искусственно обеспечивает себе большинство, на ней присутствует 18 меньшевиков против 14 большевиков. Проходит самая оппортунистическая резолюция о выборах, которая разрешает избирательные соглашения со всеми оппозиционными и революционными партиями, без каких-либо оговорок. С'еад решено было созвать 15-го марта. 14 делегатов большевиков остались при особом мнении и выпустили свою особую избирательную платформу, в которой последовательно проведена была большевистская точка зрения. Большевики принимают самое горячее участие в выборах, но вступив в избирательную кампанию, они проводят и громадную организационную и агитационную партийную работу в массах. На избирательных собраниях, в споре с представителями других партий, (которые все обещают избирателям, что дума им все даст, если избиратели пошлют именно их депутатами), большевики заявляли, что дума бессильна дать что бы то ни было, если бы даже того хотела, до тех пор, пока вся армия и весь государственный аппарат находятся в распоряжении царского правительства. Что в думу надо посылать представителями настоящих революционеров, не для того, чтобы,

они там, в думе что-нибудь дали, а для того, чтобы они использовали думскую трибуну для широкого просвещения народных масс, для организации всех революционных сил страны, для подготовки общего натиска против самодержавия, против помещиков и против буржуазии. Несомненно, под влиянием решительной революционной агитации большевиков, избранная дума оказалась гораздо революционнее 1-й. Крестьяне шли в думу с тем же лозунгом „Вся земля", но уже гораздо лучше понимали, что этот лозунг может быть осуществлен лишь после захвата всей воли. В то время, как по рабочей курии проходят почти исключительно большевики, меньшевики набрали свою фракцию из случайных, чаще не партийных элементов. Кой-кто из членов с.-д. фракции II-й думы зачислил себя в социал-демократы уже после избрания. Меньшевики получили во фракции значительное большинство.

Выборы на V-й с'езд дали 105 большевиков, 97 меньшевиков, 55 бундовцев, 45 поляков и 26 латышей. С'езд должен был состояться в Копенгагене. Но не успели все делегаты с'ехаться в Копенгаген, как датское правительство, по настоянию русского, потребовало немедленного выезда их из Дании. Надо было торопиться уехать, потому что датский министр грозил высылкой в Россию. Наскоро снеслись устроители с'езда со шведской с.-д. партией, та предложила перебраться в близлежащий шведский портовый город Мальме. Когда ночью пароход с делегатами причалил к Мальме и делегаты направились к Народному Дому, их встретил усиленный отряд шведской полиции, которая категорически заявила, что по телеграфному распоряжению шведского правительства с'езд никоим образом не будет допущен. Полиция требовала немедленного выезда. Еле удалось уломать шведские власти разрешить переночевать в гостиницах и по телеграфу выяснить, куда можно выехать. Норвегия подобно Швеции отказалась впустить русский с'езд. От имени Англии ответил бывший член рабочей партии Бернс, который был тогда английским министром. Он ответил, что по английским законам в'езд в Англию совершенно свободен для всех политических эмигрантов. Английскому правительству нет дела, для чего приезжают эмигранты в Англию, если только они не нарушают английских законов. Надо было всем делегатам с'езда запастись особым удостоверением, что они являются действительно политическими эмигрантами. Такие удостоверения выдал каждому делегату председатель шведской социал-демократической партии Брантинг, специально приехавший для этого из Стокгольма. Всех делегатов нагрузили в плохенький пароходик и отправили в Лондон. На все эти переезды были затрачены все средства добытые Ц.К. на содержание с'езда. Грозила опасность, что с'езд не сможет довести до конца свою работу, а делегаты вернуться в Россию, за отсутствием средств. Пришлось обратиться к германской социал-демократии за помощью. Бебель, хотя с большим ворчанием, от имени германской партии, помощь оказал. Не-

хватающую сумму удалось достать в Лондоне в долг у одного богатого англичанина, который дал деньги под долговую расписку, написанную Максимом Горьким, скрепленную собственноручными подписями всех делегатов с'езда. Англичанина предупредили, что по конспиративным соображениям никто из делегатов не подпишет своим настоящим именем и что расплатиться с ним партия сможет лишь после победы революции. Англичанина это не смутило, он ответил, что может продать этот документ Британскому музею и за автографы Горького и руководителей русской революции, Британский музей заплатит ему больше, чем он дал партии. Для курьеза можно отметить, что все заседания с'езда в Лондоне происходили в церкви, которую приход сдал под с'езд, конечно за плату, на все дни, кроме воскресенья.

Представители национальных партий, в начале работ с'езда, пытались вместе с Троцким, разыграть роль примиряющего центра и не дать разгореться фракционным страстям. Но по важнейшим принципиальным вопросам этот центр каждый раз распадался почти на равные части и, благодаря этому, весь с'езд оказывался неспособным принять определенную резолюцию. По принципиальным вопросам все поляки и большая часть латышей голосовали с большевиками, все бундовцы, троцкисты и остальные латыши голосовали с меньшевиками и это несмотря на то, что часто в дебатах и Троцкий и лидеры бундовцев выступали с очень резкой критикой меньшевиков. По отчету Ц. К., ему так основательно наклали все фракции, что меньшевики не решились предложить свою резолюцию. Большевики внесли свой проэкт резолюции, который резко критикует оппортунистическую позицию Ц. К., противоречащую постановлениям IV-го с'езда, и иногда и программе партии. Дальше констатируется факт, что Ц. К. никогда, фактически, не выражал воли большинства партии. Резолюция эта не прошла, благодаря воздержанию поляков и голосованию против всех меньшевиков, бундовцев и латышей. Так же никчемно закончились на с'езде дебаты по поводу отчета думской фракции, прочитанного, депутатом II-й думы Церетелли. Большевики в дебатах обвиняли фракцию в том, что, стремясь к согласованию своей деятельности с кадетами, она голосовала за кадета в председатели думы, того самого председателя, который теперь затыкает рот депутатам левой. В своей декларации, думская с.-д. фракция, вместо того, чтобы открыто перед всем народом огласить и мотивировать с думской трибуны точку зрения революционной социал-демократии, спрятала свою социалистическую платформу и развила лишь демократическую. Так же по-кадетски, а не по-социалистически, она мотивировала свой отказ, голосовать за бюджет. Она вслед за кадетами поддержала требование подчинения царских министров думе, как будто, благодаря этому безвластная дума сразу превратится в настоящий парламент. Этим фракция внушала народным массам веру в думу. Большевики подчеркивали стремление боль-

шинства думской фракции не давать открыто высказываться депутатам большевикам и навязывать им свою оппортунистическую точку зрения. Далее, думскую фракцию обвиняли в стремлении сосредоточить всю свою работу только в думе, игнорируя совершенно, внедумскую работу среди пролетариата. Депутаты должны теснее связаться с массами, выслушивать голос масс, отражать их настроение, и не искать соглашения с буржуазной оппозицией. По этим дебатам, было предложено целых 4 резолюции (большевиков, поляков, бундовцев и меньшевиков), ни одна из них не получила большинства, и только лишь под влиянием угрозы думцев, Церетелли и Джепаридзе в случае неодобрения с'ездом их деятельности, сложить свои думские мандаты, только под этим воздействием была принята ничего не говорящая резолюция.

Особое внимание с'езд сосредоточил на вопросе об отношении к непролетарским партиям. По этому вопросу выступило 4 докладчика: Ленин от большевиков, Мартынов—от меньшевиков, Абрамович—от Бунда и Роза Люксембург—от поляков. Ленин дал исчерпывающий анализ всем российским партийным группировкам. Он разбил их на 4 группы: 1) Черносотенные партии (Союз русского народа, монархисты, совет об'единенного дворянства), все это различные проявления классовой организации крепостников помещиков. Они тесно спаяны с царизмом. Их задача свести на нет все вынужденные в 1905—1906 г.г. уступки и закрепить кабальные отношения в деревне. Задача пролетариата—уничтожить этих господ вместе с царизмом. 2) Определенно контрреволюционные партии (17-го октября Торгово-промышленная, Мирного обновления, Правового порядка и т. п.), являются классовой организацией части помещиков и более отсталых слоев буржуазии. Их задача, вместе с царизмом бороться с пролетарской и крестьянской революцией, добиться осуществления цензовой, антидемократической конституции. С ними партия должна беспощадно бороться. 3) Партии либерально-монархические (кадеты и все национальные демократические партии), они были в оппозиции, но под страхом красной революции рабочих и крестьян, уже отвернулись от революции и ищут случая вступить в сделку с правительством и со всей контр-революцией, фактически руководит этими партиями прогрессивная буржуазия, которая ведет за собой всю буржуазную интеллигенцию, а также часть демократической, городской и деревенской мелкой буржуазии. Их задача—обеспечить политическое влияние буржуазии, при помощи конституционной монархии, укрепления полицейского и военного аппарата, двух-палатной системы. Партия должна разоблачать этих господ перед широкими массами, вскрывать лицемерие их либеральной фразеологии, рассеивать распространяемые ими конституционные иллюзии и не допускать их влияния на демократическую мелкую буржуазию. 4) Народнические и трудовые партии: (эн-эсы, трудовая группа и эс-эры), все они пытаются, более или менее точно выразить интересы и

взгляды крестьянских масс и городской мелкой буржуазии. Эти партии все время колеблятся между решительной борьбой против крепостнического государства и помещичьего землевладения и полным подчинением их кадетскому руководству. Они свои мелкобуржуазные взгляды перекрашивают в социалистический цвет. Задача партии—раскрывать их не социалистический характер, бороться с их стремлением отрицать и смазывать классовую противоположность между пролетариатом и ими, но в тоже время партия должна стремиться вырвать их из под влияния либералов и заставить их, в интересах представляемых ими групп населения,—примыкать к последовательной революционной политике пролетариата и его партии революционной социал-демократии. Во всех вопросах социал-демократия должна вести одновременно борьбу и против реакции и против предательской либеральной буржуазии.

Мартынов очень нудно и много говорил про обще-национальную революцию и про необходимость сплочения всех оппозиционных и революционных сил страны. Он отрицал какое бы то ни было расхождение между либеральной буржуазией и пролетариатом на этой стадии развития революции. Абрамович в общем подпевал Мартынову. Роза Люксембург энергично поддержала большевиков целым арсеналом цитат из Маркса и иллюстрациями из западно-европейского рабочего движения. Ее речь вызвала целую бурю аплодисментов со стороны левого крыла и негодующие возгласы среди правых. Троцкий в этом вопросе отмежевался от меньшевиков, как по сотрудничеству с либералами, так и по оценке характера российской революции. Меньшевики не сдавались без боя. Они внесли до 70 поправок в принятую за основу резолюцию большевиков. Они все надеялись спасти возможность соглашения с кадетами. По их мнению кадеты и иже с ними представляют гораздо более „прогрессивный элемент“, чем отсталая деревенская мелкая буржуазия. Они не хотели понять, что в ходе революции „отсталое“ мужицкое требование, „Вся земля“, вошедшее в плоть и кровь крестьян, гораздо революционнее всей либеральной болтовни кадетов и кадетствующих. Большинством $^2/_3$ голосов, с'езд отверг все поправки меньшевиков в этом наиболее принципиальном вопросе и принял почти без изменения Ленинскую резолюцию. Не помог меньшевикам и Плеханов, выступивший со своими старыми анекдотами. Также неудачно для меньшевиков кончилась попытка Аксельрода ликвидировать революционную партию. Он пытался дискредитировать партию доказательством ее мелко-буржуазного интеллигентского характера. Но ему не удалось сказать ничего нового, кроме того, что задолго до него и до революции говорили „экономисты“ из „Рабочей Мысли“, и „Рабочего Дела“, о чем писал Махайский и проводили в жизнь зубатовцы. Заменить конкретно существующую партию, которая сумела добиться доверия широких масс и пользуется у них безусловным авторитетом расплывчатой, туманной мечтой о новой рабочей партии,

с'езд не захотел и 165 голосами против 99, запретил агитацию за этот бред, дезорганизующий партию и фактически ведущий к подчинению массы влиянию буржуазной демократии. Также решительно и тем же большинством голосов, с'езд принял резолюцию об отношении партии к профсоюзам. Меньшевики стояли на точке зрения полной самостоятельности профсоюзов от партии. С'езд решил добиваться „Признания профсоюзами идейного руководства с.-д. партии, а также установления организационной связи о ней".

Меньшевики отыгрались в одном вопросе, а именно, в вопросе о партизанских выступлениях. Кой где, в особенности там, где партийное влияние на массы было слабо, боевая партизанская деятельность начала вырождаться в чистый бандитизм. Боевики отрывались от партий, создавали собственные, непартийные организации, к которым иногда примыкали не революционные, а уголовные типы. На мелких экспроприациях, бесцельных и лишь озлобляющих широкие круги населения, погибло не мало честных, горячо преданных делу, революционных рабочих. Они не могли приспособиться к будничной атмосфере наступившей реакции, не могли в тоже время решительно отгородиться от преступных элементов, действующих рядом с ними и выступавших под именем революционеров. Но наряду с этим, кой-где сохранились чисто партийные, строго дисциплинированные, боевые отряды, работающие по указаниям партийных организаций и исключительно в интересах партии. Тут нельзя не отметить в числе многих других; Кавказскую боевую дружину, с знаменитым боевиком „Камо"—(Тер-Петросовым) во главе и не менее выдержанную Уральскую дружину во главе с братьями Кадомцевыми. Они были и остались настоящими революционерами. Из этих боевиков многие погибли на виселицах или на каторге, все же дожившие до наших дней, в новой революции, доказали, что они, несмотря на все перенесенные ими испытания, остались верны рабочей революции. Но с'езд увидал тогда лишь одни отрицательные стороны боевой деятельности. При ликовании ликвидаторов революции—меньшевиков, при пассивном отношении многих большевиков, с'езд запретил какие бы то ни было партизанские выступления, экспроприации казенного и частного имущества и постановил распустить все партийные боевые дружины. Этим решением меньшевики впоследствие козыряли, видя в нем признание с'ездом фактической ликвидации революции. Также поняли эту резолюцию и рабочие на местах. Партизанские выступления не прекратились, но боевики окончательно оторвались от партийного контроля, очень многие менее выдержанные, в принципиальном отношении, боевики, ушли к анархистам, максималистам или просто превратились в бандитов.

С'езд закончился крупным скандалом при выборах Ц. К., меньшевики пытались сорвать эти выборы, этого им не удалось оделать, в Ц. К. было выбрано 15 человек.

III. ПАРТИЯ В ГОДЫ РЕАКЦИИ.

V-й С'езд, несомненно, ознаменовал поворотный пункт от высшего революционного под'ема партии к приспособлению ее, к существованию при условиях реакции. Сильный экономический кризис, безработица, все усиливающаяся классовая организация буржуазии, резко изменили положение вещей. Буржуазия окончательно начала отказываться от либеральных бредней, все более тесным кольцом сплачивалась вокруг вождя реакции министра Столыпина. На ряду с этим мировая буржуазия поспешила на помощь к самодержавию, для борьбы с пролетариатом и крестьянством. Парижские банкиры предоставили царю новый большой заем, а Вильгельм, император германский, заключил с царем договор, по которому обещал военную помощь германскими войсками против непокорных верноподанных русского царя. За это царь заплатил Вильгельму, разорительным для России торговым договором на 10 лет, и срывом всех польских крепостей, направленных против Германии. Все это дало возможность реакции смело перейти от обороны к нападению. Столыпин распускает II-ю думу, арестовывает всю социал-демократическую думскую фракцию, инсценирует на показаниях провокаторов, процесс против них, обвиняя их в призыве солдат к восстанию, заставляет приговорить их на каторжные работы. Проводит новый избирательный закон 3-го июня. По этому закону избирательные права рабочих и крестьянской бедноты сильно урезываются, избирательная агитация становится совершенно невозможной. При полной поддержке всех без исключения буржуазных слоев, Столыпин без всякой думы высочайшим повелением проводит новый аграрный закон. В основу закона кладется ставка на сильное хозяйственное крестьянство. Столыпин расчитывает, при помощи предоставления широкого права выделения из общины, при помощи крестьянского банка, ускорить процесс образования крестьянской буржуазии с одной стороны, крестьянского пролетариата с другой. И действительно, этим законом был сорван единый фронт всего крестьянства. Трудовая партия разбита, в третью думу проходят от крестьян преимущественно одни кулаки и волостные старшины. Разбита и кадетская партия. Несмотря на все ее старания праветь таким же усиленным темпом, как развивалась реакция, от кадетской партии уходили все более и более все цензовые элементы. Она все более превращается в партию профессоров, адвокатов и прочей болтающей буржуазной интеллигенции. Все цензовые элементы ушли далеко вправо, под крылышко октябристов и черносотенцев. Они открыто признали теперь Столыпина своим спасителем и идейным борцом. Может быть никогда в истории России самодержавие так тесно не связывалось с торгово-промышленной буржуазией, как именно, во время царствования Столыпина. И чем свирепее действовали его карательные экспедиции, чем решительнее расправлялись военно-полевые

суды с рабочими и революционерами, тем решительнее поддерживают Столыпина все имущие классы и III дума.

Перед выборами в III думу, среди большевиков начали назревать разногласия. В массах партийных работников господствовало убеждение, что выборы, при условиях торжества реакции, при полном отсутствии возможности развернуть в ходе избирательной кампании широкую агитацию, при невозможности пройти в думу без соглашения с кадетами, что при таких условиях участие в выборах ничего, кроме вреда для партии, не даст. На партийных конференциях, в отдельных большевистских организациях (в Петербургской, Московской, Московско-Окружной, Уральской и Бакинской) принимался почти единогласно бойкот III думы. В защиту участия в выборах решительно выступил Ленин. Лидером бойкотистов выдвинулся Богданов. При обсуждении этого вопроса на Петербургской конференции, несмотря на горячую защиту выборов Лениным, ему не удалось убедить конференцию в правильности своей точки зрения. Партийная конференция громадным большинством приняла тактику бойкота. Конечно, все меньшевистские организации высказались за участие в выборах. Можно было опасаться, что на предстоящей 2-й всероссийской конференции большевики, которые до сего времени всегда выступали сплоченными рядами, могут теперь выступить в разброд и, таким образом, дать большинство оппортунистам. Поэтому в Гельсингфорсе перед оффициальным открытием обще-партийной конференции, было устроено совещание делегатов революционного крыла (большевиков, поляков и латышей). На этом совещании поляки присоединились к точке зрения Ленина. После долгих дебатов было решено, что во всей тактике революционной социал-демократии дума не может играть такой выдающейся роли, чтобы из-за нее раскалывать прочную большевистскую фракцию. Тем более, что между сторонниками выборов и сторонниками бойкота не было никаких разногласий по вопросу о внедумской деятельности, об оценки текущего момента, о необходимости продолжать работу среди рабочих, в крестьянстве и войсках в том же революционном духе. Была принята компромиссная резолюция и было решено голосовать за участие в выборах, подчеркивая при этом, что главной задачей партии—сосредоточить силы на нелегальную деятельность и добиться полного подчинения думской с.-д. фракции директивам Ц. К. партии. Эту резолюцию революционное крыло партии провело на обще-партийной конференции, против меньшевиков и бундовцев, которые были убеждены, что благодаря расхождению среди большевиков, им удастся провести свою резолюцию, в которой ясно сквозил отказ от нелегальной работы, приспособление всей партии к думской работе, фактическое подчинение партии думской фракции,—этому, по их мнению, самому авторитетному органу партии.

Очень неохотно и при почти полном отсутствии избирательной агитации прошли среди рабочих выборы в III думу. И тем

не менее по рабочей курии всюду прошли большевики. Меньшевики провели, при помощи всяких соглашений, с десяток депутатов, большинство которых ничего общего с партией не имело. На 3-й обще-партийной конференции, в ноябре 1907 г., большинством 10 большевиков, 5 поляков и 3 латышей против 4 меньшевиков и 5 бундовцев была выработана директива думской фракции, стоящая вполне на революционной точке зрения. Но было ясно, что меньшевистское большинство думской фракции проводить эту директиву в жизнь не будет. Среди меньшевиков царило самое ликвидаторское настроение по отношению к революции. Один из вожаков меньшевиков, Дан, договаривался до того, что революция в России наступит только тогда, когда Гучков станет революционером. Беречь думу во что бы то ни стало, не обострять в ней разногласий с правительством, чтобы не дать повод правительству разогнать думу. Этот кадетский лозунг был целиком принят и проводился в жизнь думскими меньшевиками. Именно, чтобы уберечь думу от разгона, они прятали свое социалистическое лицо и тщательно избегали непосредственного обращения к массам. Сохранить думу, как оплот против реакции, хотя бы сама дума мало-по-малу превращалась в вернейшего проводника реакционного наступления и буржуазии и правительства. Особенно опасно было то, что меньшевики пытались всячески освободить думскую фракцию от контроля партии. При невозможности иметь постоянную легальную печать и вести систематическую легальную работу в легально существующих организациях (профсоюзах, клубах и т. п.), при развале, во время революции, нелегальных организаций, думская трибуна фактически становилась единственным проводником социал-демократических идей и лозунгов в массе. Урезанные, искаженные, страха ради иудейского, эти лозунги создавали в массах совершенно неправильное представление о задачах партии, фактически стиралась резкая грань между партией революционной социал-демократии и другими половинчатыми, мелкобуржуазными партиями. Ту же линию, которую меньшевики проводили по отношению к думе, они применяли также и ко всем легальным возможностям; (профсоюзам, кооперативам, клубам). Беречь их во что бы то ни стало, а потому не вести там никакой политической работы, чтобы не дать основания полиции придраться и прихлопнуть эти учреждения. В то время, как партийные большевики главное свое внимание направили на возрождение нелегальной организации, меньшевистская интеллигенция стремительно убегала из нелегальных организаций и оседала во всех этих легальных учреждениях. Вообще, в это время интеллигенция начинает усиленно отходить от революции, она окончательно разочаровалась в ней. В болоте реакции, среди этих разочаровавшихся интеллигентов пышно начинают расцветать всякие мистические богоискания, богостроительства и не менее пышно развивается настоящий культ личного наслаждения. На-ряду с богоискательством, часто переплетаясь с ним,

развивается порнография, принимающая порой самую грубую, отвратительную форму. Все об'едки, обожравшейся и разлагающейся французской буржуазии преподносятся „новейшей“ русской литературой и художеством, как последнее искание и нахождение в области изящных искусств, и со всем этим мусором, кающиеся в своем революционном прошлом интеллигенты лезли в рабочие клубы, просветительные общества. Эта реакция была страшнее политической реакции. К последней социал-демократы привыкли, и она их не пугала. Они снова вернулись в привычное для них подполье, из которого они было вышли на широкий простор в 1905—1907 г.г. Вернулись они не без боя. Нелегальный центральный орган партии „Пролетарий“, издававшийся вначале в Финляндии, переносится в декабре 1907 г. в Женеву, куда вынуждены переехать и члены редакции во главе с Лениным. Но, на-ряду с этим, большевики всячески пытаются сохранить завоеванные ими в годы революции легальные позиции. Одна за другой появляются и последовательно закрываются полицией следующие петербургские газеты резко-большевистского направления: „Тернии Труда“, „Зренне“, „Новый Луч“, „Рабочая Молва“, „Новое Эхо“, „Голос Жизни“, „Зарницы“. Все это за один 1907 год. Некоторым газетам удавалось выпустить несколько номеров, другим—только один. Почти каждый номер конфисковывался, но чаще всего удавалось надуть полицию, и конфискация не удавалась. Рабочие из районов уже с ночи караулили у типографии, и немедленно, после выпуска номера из машин, расхватывали его и разносили по фабрикам и заводам. Выход почти каждого номера стоил партии одного редактора, который за этот номер расплачивался крепостью или тюрьмой. Потом начали арестовывать и судить не только редактора, но и владельца типографии и даже наборщиков и всех сотрудников. Только тогда пришлось прекратить на-время попытки издания легальной газеты. Но никогда ни одному сотруднику большевистской газеты не приходило в голову, для сохранения газеты от конфискации, отказаться от своих революционных убеждений, писать „применительно к подлости“. Дело ограничивалось только тем, что был изобретен особый, эзоповский язык, очень легко усваиваемый читателями для легального выражения революционных лозунгов. Той же тактики держались большевики и по отношению к другим легальным возможностям. Они шли в профессиональные союзы не для того, чтобы беречь их и тем обрекать их на полное бездействие, а для того, чтобы через эти профсоюзы проводить идеи партии в массы, пробуждать их сознание, организовывать их для борьбы. Большевики шли в просветительные учреждения и рабочие клубы, чтобы там бороться с разлагающим влиянием сеющих разврат и мистицизм интеллигентов и проводить истинно-научную марксистскую точку зрения, хотя бы за это клубу грозило закрытие. По всему фронту легальных возможностей разгорается борьба между ликвидаторами-меньшевиками, действующими бок-о-бок со всей остальной интеллигенцией,

и большевиками. В период кризиса и почти полной невозможности вести экономическую борьбу, победителями на этом фронте оказались меньшевики. К их услугам была вся легальная печать, все кадетские „беспартийные" буржуазные газеты, в роде „Биржевки", „Копейки", „Руси" и „Русского Слова". При помощи вот этой желтой печати ликвидаторы боролись с большевиками, и все более и более разлагали рабочих. Несмотря на запрещение партийным литераторам участвовать в либеральной и либерально-демократической печати (запрещение принято на Гельсингфорской обще-партийной конференции в ноябре 1907 года),— меньшевистские литераторы широко использовали гостеприимство буржуазных издательств для борьбы с большевиками.

Реакция росла все больше и больше. Обессиленные революцией, локаутами и безработицей, рабочие начинают тоже массами уходить из организаций. Начинается усиленная эксплоатация рабочих при помощи сверхурочных и сдельных работ. Почти все завоеванное во время революции 1905—1907 г.г., все более человеческие условия труда рабочих идут на-смарку. Капитал, при поддержке III думы, по всей линии переходит в наступление. Уже к концу 1908 г. окончательно ликвидированы почти все профессиональные союзы, рабочие клубы. В местные организации партии все больше проникают провокаторы, которые делают почти невозможной какую бы то ни было систематическую партийную работу. Тюрьмы переполнены. За принадлежность к партии суды присуждают к каторге.

В декабре 1908 г. Ц. К. созывает в Париже обще-русскую конференцию. Главная задача конференции—начать борьбу с ликвидаторскими упадочными настроениями, разлагающими партийную работу. На конференции были представлены все крупнейшие партийные организации. От петербургской организации прибыло 2 представителя, московская и центрально-промышленная организации, в которые в то время входили 16 комитетов, выбрали на областной, состоявшейся в Москве, нелегальной конференции—5 делегатов. Но из них в Париж прибыло лишь двое, остальные были арестованы в пути. Затем был один делегат от Урала, 3 от Кавказа, 5 от Польши, 3 от Бунда, 1 от Северо-Западного края и 1 от Южных организаций. Выбранный на конференцию от Волжских комитетов делегат—тоже был арестован. Лазутчин, благодаря полицейским преследованиям, выборов произвести не могли. На конференции присутствовали большинство членов Ц. К. Перед началом конференции в большевистской фракции наметились довольно сильные расхождения. Бойкотистское настроение, которое господствовало среди большевиков перед выборами в III думу, было далеко не изжито. Поведение думской фракции, ее упорное нежелание подчиняться партийным решениям и руководству Ц. К., ее стремление беречь думу вызвало среди многих большевиков предложение отозвать фракцию из думы или предъявить ей ультиматум. На местах это настроение было господствующим. За границей эту точку зрения

особенно отстаивали: Богданов, Алексинский и Луначарский. Областная конференция Центрально-Промышленного района дала наказ в том же смысле своим делегатам: Станиславу Вольскому и Лядову. Но ни заграничные, ни московские „отзовисты" не считали этот вопрос принципиальным и когда на совещании революционного крыла в Париже выяснилось, что большинство большевиков (вместе с поляками) отвергло эту точку зрения, отзовисты на пленуме конференции дружно голосовали с Лениным за предложенную им резолюцию, направленную против ликвидаторского настроения меньшевиков. В резолюции о современном моменте и задачах партии конференция дала исчерпывающую картину переживаемого периода. Этот период характеризуется бешенной атакой блока царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии против социалистического пролетариата и демократического крестьянства. Буржуазный характер проводимой Столыпиным аграрной политики неизбежно ускорит разделение деревни на ничтожное меньшинство реакционеров и революционную пролетарскую и полупролетарскую массу. Либеральная буржуазия, с партией кадетов во главе, давно уже встала на контр-революционный путь, все более сближаясь с октябристами, фактически прислуживает царизму и крепостникам-помещикам. Более, чем когда-либо, пролетариат остается единственным классом, способным последовательно руководить новой революционной борьбой. Задачи, поставленные начавшейся в 1905 г. революцией,—остаются не решенными. Все обостряющийся в России экономический кризис углубляет классовые противоречия и новый революционный под'ем является неизбежным. Тем более, что общее мировое положение с резким обострением конкуренции на мировом рынке и длительным экономическим застоем, с одной стороны, и пробуждением национально-буржуазного движения на Востоке—с другой, создает условие, благоприятствующее международным осложнениям и наростанию революционного настроения международного пролетариата. В виду всего этого, основной задачей партии должно быть правильное освещение перед массами значения новейшей политики самодержавия и исторической роли социалистического пролетариата, который, ведя самостоятельную классовую политику, в то же время должен руководить демократическим крестьянством. Ближайшею целью борьбы пролетариата является свержение самодержавия и захват, при поддержке революционного крестьянства, власти, для созыва всенародного учредительного собрания и создания демократической республики. Партия далее должна популяризировать опыт массовой борьбы 1905—1907 г. г., подтвердивший правильность революционной с.-д. тактики. Необходимо также всячески укреплять партию для борьбы с царизмом и реакционными классами, а также и для борьбы со всеми искажениями революционного марксизма и укорачивания революционных лозунгов. Необходимо содействовать и фактически

руководить экономической борьбой рабочих. Дума должна быть использована, как трибуна, для революционной с.-д. пропаганды и агитации. Партия должна особенное внимание обратить на революционное воспитание и организацию масс пролетариата. Не отвлекаясь от этой основной задачи, партия должна также распространить свою работу и на пролетарское и полупролетарское крестьянство и армию. В связи с оценкой момента и намеченными задачами партии, конференция выработала также и подробную инструкцию для думской фракции, которая, кстати сказать, не сочла нужным послать на общепартийную конференцию, своего оффициального представителя. От большевиков-думцев частным образом приехал член думы от Петербурга—Полетаев.

После окончания конференции разногласия большевистской фракции за границей, несмотря на отсутствие крупных принципиальных расхождений, приняли довольно обостренную форму. Особенно способствовал обострению разногласий философский спор между Лениным и Богдановым и Луначарским. Богданов уже давно, в теоретическом отношении, довольно значительно уклонился от научного марксизма в сторону идеализма Маха. Созданный им эмпириомонизм с его идеалистическим налетом, служил уже давно мишенью для нападок со стороны Плеханова. Еще больше доставалось Луначарскому, ушедшему еще дальше Богданова в идеализм и пытавшемуся примирить непримиримое: Авенариуса с Марксом. Кроме того, Луначарский довольно основательно погрешил и в области богостроительства. В вышедшей в мае 1909 года книге „Марксизм и Эмпириокритицизм“ Ленин обрушился с жестокой критикой на Богданова и Луначарского. В дальнейшей полемике он связал махизм Богданова и богостроительство Луначарского с отзовизмом и ультиматизмом. Он предпринял бешенную атаку против них и против организованной Богдановым и Горьким партийной школы на острове Капри.

Школа эта возникла с исключительною целью дать выдвинувшимся во время революции партийным рабочим солидную теоретическую и практическую подготовку в условиях спокойной и безопасной, со стороны полиции, обстановки и вдали от эмигрантской заграничной склоки. Мысль о школе возникла прежде всего у Максима Горького под влиянием уральского рабочего Вилонова. Эта мысль была предложена и с радостью подхвачена всеми местными организациями. За массовым уходом партийной интеллигенции, на местах особенно резко чувствовался недостаток в опытных, теоретически подготовленных, руководителях. Немедленно же все организации выбрали и послали на Капри слушателей, исключительно рабочих, с более продолжительным партийным стажем. Горький через своих приятелей добыл нужные для школы средства. В качестве лекторов участвовали: Горький, Богданов, Луначарский, Алексинский, Станислав Вольский, Покровский, Менжинский и Лядов. Школа прозанималась 9 месяцев. Как среди лекторов, так и среди слушателей, далеко

не все были отзовистами и почти все отрицательно относились к эмпириомонизму, а тем паче к богоискательству. Устроители школы, а тем более слушатели, не имели в виду создать особую фракцию и раскалывать большевизм. Единственно, что об'единяло всех—это глубокая уверенность в неизбежности нового революционного под'ема и необходимости, именно в виду этого под'ема, подготовлять кадры руководителей массового движения среди самих рабочих. Роза Люксембург, ознакомившись с программой школы и постановкой в ней обучения, в письме к слушателям и руководителям заявила, что эта школа может послужить образцом для германских партийных школ, сильно отклонившихся в узкий практицизм.

После первого выпуска опыт школы был продолжен и на следующий год на тех же условиях была создана школа в Болонии, Кроме названных лекторов, прочли курсы: Маслов, Коллонтай, Троцкий, Павлович и Мартов. В обе эти школы в число слушателей попало несколько провокаторов, и, благодаря этому, большинство слушателей было немедленно арестовано по возвращении в Россию. Но все они, после отбытия ссылки, или бежав из ссылки, играли и играют еще сейчас выдающуюся роль среди партийных работников. Что идея школы была действительно насущно зрелой доказало то, что и Ц. К. организовал такую же школу в Лянжумо, недалеко от Парижа.

В ходе полемики с большевистским центром, оставаясь целиком на платформе большевизма, установленной на последних обще-партийных конференциях, часть лекторов и слушателей Каприйской школы образовала литературную группу „Вперед". Группа эта одно время пользовалась довольно большим успехом среди работающих в России большевиков, в особенности в дни самой темной реакции 1910—1911 г.г. Но с началом под'ема группа эта очень скоро распалась, фактически она представляла из себя смесь самых разнородных элементов. Горький отошел от политики совсем, Богданов ушел целиком в науку, Станислав Вольский увлекся анархо-синдикализмом, а Алексинский метался долгое время между всеми группировками, какие складывались в это время за границей, пока не докатился до самой черной белогвардейщины. Большинство остальных очень скоро вернулось к правоверному большевизму. Только в удушливой атмосфере заграничной эмигрантской склоки был вообще возможным отход группы „Вперед" от большевистского центра.

Борьбе с отзовизмом и богостроительством посвящено было совещание расширенной редакции „Пролетарий", с участием, кроме 4 редакторов (Ленина, Зиновьева, Каменева и Богданова) и 3 представителей от Петербурга, Урала (Накоряков) и Московской области (Шулятиков) и пяти членов Ц. К. (Мешковский-Гольденберг, Марат-Шанцер, Красин, Рыков и Таратута). Расширенная редакция решительно отмежевалась от отзовизма и ультиматизма. Признала необходимость бороться с богостроительными тенденциями в социал-демократической среде, вредными

для всей работы партии. Кроме того, совещание приняло подробную резолюцию об отношении к думской деятельности в ряду других отраслей партийной работы и определило задачи большевиков внутри партии, которые должны, решительно борясь с ликвидаторством и ревизионизмом части меньшевиков, искать сближения с теми меньшевиками и бундовцами, которые остались на марксистской и партийной точке зрения. Именно поэтому совещание высказалось против предложенной Богдановым и Красиным агитации за созыв специального большевистского с'езда. Богданов вышел из редакции „Пролетарий".

Большевистский центр счел своей самой важной задачей—сплотить воедино всех социал-демократов, без различия фракционных взглядов, которые признавали необходимость сохранения нелегальной, выдержанной в марксистском духе партии. Среди меньшевиков в этом отношении резко выделился Плеханов, выступивший в поход против своих товарищей по фракции, которые, увлекшись работой в легальных организациях, начали совершенно отрицать необходимость партии. Для осуществления сближения с меньшевиками партийцами был созван пленум Ц. К., который собрался в январе 1910 года в Париже. На нем участвовало 14 членов Ц. К. с решающим голосом, вся редакция „Пролетария" и редактор, выходящей в Вене, популярной газеты „Правда"—Троцкий. Всего на пленуме было 8 большевиков, 6 меньшевиков, 3 поляка, 2 бундиста и 1 латыш. На пленуме было решено распустить большевистский центр, закрыть „Пролетарий", и меньшевистский „Голос Социал-Демократа", вместо них выпускать цептральный орган „Социал-Демократ" и дискуссионный листок, в котором вести дискуссию по всем партийным вопросам. Решено также созвать в ближайшее время общепартийную конференцию для обсуждения всех назревших тактических вопросов. Далее пленум реорганизовал Ц. К., причем главные силы его должны были жить в России, где образуется Бюро Ц. К. со всеми правами всего Ц. К. В состав Бюро были назначены: Мешковский, Ногин, два меньшевика и по одному латышу, поляку и бундовцу. В заграничное Бюро Ц. К. вошли: Дубровинский, Гольдман, Тышко, Попов и латыш Павел Васильевич. В редакцию Ц. О.—Ленин, Зиновьев, Варшавский, Мартов и Дан. Представителями на международный конгресо в Копенгагене выбраны: Ленин и Плеханов. Группа „Вперед" утверждена, как литературная группа.

Несмотря на единогласно принятую резолюцию о положении партии и на общее решение, с которыми согласились представители всех фракций, фактически об'единение не состоялось. Меньшевики в русское Бюро Ц. К. войти отказались, а большевики: Ногин и Мешковский были арестованы немедленно по приезде в Россию. Провокация проникла уже в центр. Ничего не вышло и с изданием „Социал-Демократа". Меньшевики свою фракционную газету, вопреки постановлению пленума Ц. К., продолжали выпускать и не соглашались отмежеваться от лик-

видаторов. Группа „Вперед“ обратилась с протестом ко всем русским организациям по поводу самовольного роспуска большевистской фракции без ведома большевистских местных организаций. При глубокой реакции в России, при страшной провокации, проникшей буквально во все организации, начиная от центральных, кончая местными ячейками, среди эмигрантов, массой живущих за границей и большею частью ничем не занятых, начала создаваться удушливая атмосфера личного недоверия, заподазревания друг друга в самых неблаговидных поступках. Лучшие партийные работники предпочитали жить в России, но там им не удавалось развернуть работу, они быстро оказывались арестованными и начатое ими дело приостанавливалось. С другой стороны, меньшевики-литераторы, писавшие в буржуазных газетах, только по недоразумению продолжали называть себя социал-демократами, фактически они вели чисто либеральную рабочую политику и окончательно разлагали настроение масс. При таких условиях, конечно, никакие соглашения и постановления не могли создать единства партии.

Но самая жестокая реакция не в состоянии была вытравить у большинства рабочих урок, вынесенный ими в 1905—07 г.г. Несмотря на то, что во всех легальных организациях,—профсоюзах, клубах, просветительных обществах, меньшевики могли беспрепятственно проводить свою точку зрения, иногда пользуясь при этом содействием администрации, между тем, как большевикам почти за каждое выступление приходилось расплачиваться тюрьмой или ссылкой, тем не менее каждый раз, когда рабочим приходилось проявить себя активно, они всегда принимали испытанную большевистскую тактику. В большинстве профессиональных союзов в мирное время укреплялись в правлениях меньшевики. Они сидят и оберегают союз, как бы его не прикрыли за какое-нибудь выступление. Они решительно высказываются против забастовок, против использования союза для партийной пропаганды, против раздачи в союзе нелегальной литературы. Все это грозит закрытием союзов. Тоже самое в клубах, в народных университетах, там охотно приглашают лекторов—кадетов и очень неохотно дают возможность выступить последовательному марксисту. Чтоб сохранить клуб, предпочитали пичкать рабочих буржуазной идеалистической трухой. Но вот с 1911 г. наступает резкий перелом в экономической жизни России, промышленность начинает оживать, усиливается приток заграничных капиталов в русские предприятия, быстро растет также и дороговизна жизни. Рабочие начинают переходить в наступление. И при этом не помогают все уговоры меньшевиков, убеждающие, что нельзя забастовкой рисковать закрытием союза. Рабочие вступают в забастовку и очень часто выигрывают ее, хотя, действительно, почти после каждой забастовки, профессиональный союз, руководивший забастовкой закрывается администрацией. За пять лет полицией было закрыто 497 профессиональных союзов, не считая 604, которым по тем, либо другим причинам

было отказано в регистрации. Свыше 200 клубов и других культурно-просветительных обществ подверглись той же участи.

Особенно резко проявилось классовое самосознание рабочих на тех легальных с'ездах, на которых рабочие добились права участвовать в них. Вот, например, созывает правительство в Петербурге „противо-алкогольный с'езд". В громадном зале дворянского собрания налицо весь цвет „приличного общества": профессоров, попов, врачей, генералов, представителей разных благотворительных обществ, а главным образом „обществ трезвости". Среди прочих приглашенных имеется небольшая, но сплоченная кучка рабочих, представителей культурно-просветительных обществ. Среди чинной болтовни казенных „благотворителей" вдруг раздается властный голос рабочего—металлиста Чиркина. Он излагает декларацию рабочей фракции. Он подошел к вопросу о борьбе с алкоголем с чисто классовой точки зрения, разоблачая при этом тот экономический и политический строй, который гонит рабочего в кабак. Высмеивает все мероприятия, которые предлагались господами благотворителями. Эффект получился колоссальный, речь эта была напечатана во всех газетах и вся рабочая масса могла с ней познакомиться. Правда, рабочие за свое выступление и за демонстративный уход со с'езда поплатились тюрьмой. Арестованы были: Чиркин, Пинус, Полобов, Романов, Глебов и др. Такие же эффектные, чисто классовые выступления удалось провести и на с'езде фабричных врачей, на с'езде борьбы с проституцией, в особенности на ремесленном с'езде. На этом последнем рабочая группа в 38 человек, делегатов от 14 городов, представляет на с'езде 40.000 организованных рабочих. Здесь им удалось развернуть полностью всю революционную социал-демократическую программу. Их выступления отмечались всей буржуазной печатью и делались достоянием широких масс. Массы чувствовали, что жив курилка, что он лишь до поры до времени притаился, придет время и он снова проявит себя. Именно эти выступления служили живым опровержением всем ликвидаторским настроениям. Чем чаще проявляли себя рабочие революционеры, тем все более злобными против партий становились статьи ликвидаторов Дановых и Потресовых в их ежемесячнике «Наша Заря».

Лишь в декабре в 1910 г. удалось революционной социал-демократии создать легальную еженедельную газету «Звезду». Первое время «Звезда», выходившая под редакцией Бонч-Бруевича, Н. Иорданского и И. Покровского, не пользовалась большим успехом, несмотря на то, что в ней писали Ленин и Плеханов. Она не с'умела близко связаться с массами, стать настоящей рабочей газетой. Но с осени дело резко изменилось. «Звезда» возобновилась в другой, чисто большевистской редакции. Ее официальным издателем стал старейший социал-демократ рабочий В. А. Шелгунов. В редакцию вошли: депутат думы Полетаев, Батурин, Гладнев и Еремеев. Кроме заграничных большевиков Ленина, Зиновьева и Каменева, вокруг редакции собрался штаб

постоянных сотрудников: Ольминский, Раскольников, Михайлов (Политикус), Скрябин, Демьян Бедный, Елизарова, Невский и др. «Звезда» быстро завоевывает симпатии среди широкой массы рабочих. Лучшим доказательством этому служит рабочая хроника, переполненная корреспонденциями с мест. Быстро завоевывается рабочий читатель, он научился читать между строк то, о чем нельзя было писать открыто. Между читателями и редакцией устанавливается полное понимание. Когда Ленин писал «последовательный демократизм», всякий читатель понимал, что это означает «революционный социализм». Понимали это и враги-ликвидаторы, для которых слово «последовательный» стало худшим ругательством.

Несомненно, 1911 год был переломным годом. Число забастовок поднялось сразу с 222 в 1910 г.—до 422 в 1911 г. За этот же год число бастующих рабочих дошло до 98.054, вместо 46.623, а число пропущенных дней достигло до 785.356, вместо 256.368. И при этом 70% всех забастовок носили наступательный характер, а 57% всех забастовок кончились полной или частичной победой рабочих. Уже во время этого усиленного забастовочного движения пришло известие, что такая же чисто экономическая забастовка на Ленских золотых приисках в Якутской области 4 апреля 1912 г. привела к расстрелу безоружных рабочих, причем было убито 270 человек и 250 раненых. Из раненых более ста человек умерло, т. к. они свыше суток оставались лежать на снегу без всякой помощи. К числу главных пайщиков Ленского товарищества принадлежали министры (Манухин, Тимирязев, придворные, кадетские профессора (Озеров), редакторы кадетских газет (Гессен). Вот из-за их дивидентов и пролилась рабочая кровь. На запрос с.-д. фракции в думе, как предполагает действовать по этому поводу правительство, тогдашний министр Макаров ответил: «Так было, так и будет». Грандиозными забастовками протеста, демонстрациями с красными флагами и революционными лозунгами и митингами, широкой волной прошедшими по всей России, пролетариат ответил: „Что так было, но так больше не будет“. Среди рабочих в самых далеких уголках России, переживалось настроение, сильно напоминающее настроение масс после 9 января 1905 г. Редакция «Звезды» не успевает печатать все протесты, присылаемые со всех фабрик и заводов России, протесты, полные самой жгучей ненависти к самодержавию и ко всему капиталистическому строю.

Во время разгара ленских протестов и забастовок—12 апреля 1912 г. появилось об'явление о предполагаемом выходе ежедневной рабочей газеты „Правда“, а 22-го апреля вышел первый номер „Правды“. Еще в 1911 г. среди петербургских профессиональных союзов, назревала мысль построить большой рабочий дворец на собранные рабочими деньги, чтобы во дворце в этом разместить все рабочие организации и иметь большие аудитории для рабочих собраний. В некоторых союзах открыта была запись на паи товарищества „Рабочий Дом“, которое должно

было приступить к постройке этого дворца. За эту идею, особенно рьяно ухватились ликвидаторы, работающие в союзах печатников, металлистов и др. Создать рабочий дворец, построить его на средства самих рабочих, тогда, конечно, рабочие будут его беречь, будут бояться его закрытия, и не дадут внедриться в нем революционерам-большевикам. Одним словом это лучшее средство отвлечь массы от всякой нелегальной работы. Но вот „Звезда“ в статье Германова ставит на обсуждение своих читателей вопрос, что пожалуй целесообразнее, вместо постройки дворца, раньше всего подумать о создании своей рабочей газеты. Со всей России посыпались письма рабочих, в которых все корреспонденты высказывались за необходимость направить всю энергию на создание ежедневной рабочей газеты. И очень скоро начали от слов переходить к делу. В клубе рабочих—большевиков, имени Стасюлевича, на митинге в день нового года было положено основание фонда рабочей газеты. Далее посыпались пожертвования от отдельных лиц, и что самое главное—от целых групп рабочих. Ликвидаторы забили тревогу, они тоже заговорили о создании рабочей газеты, которая, по их мнению, должна быть не фракционной и беспартийной газетой. „Звезда“ в статье Батурина предлагает рабочим высказаться, желают ли они беспартийной, т. е. фактически ликвидаторской, полукадетской газеты, или же выдержанной марксистской партийной газеты. Затем должна ли эта быть газета „для рабочих“, или настоящая рабочая газета, в которой главными сотрудниками должны быть сами рабочие. Опять в целой массе писем рабочие требуют, чтобы газета была обязательно м а р к с и с т с к о й, последовательно демократической, партийной, стоящей на строго классовой позиции. В таком же духе выносят резолюции и целый ряд профессиональных союзов и отдельных фабрик и заводов. Ликвидаторский еженедельник, в противовес большевитской агитации за газету, созывает „Инициативную группу“, во главе с Ермолаевым, Гвоздевым и Романовым. Группа эта собирает тайное совещание из представителей рабочих клубов и союзов и добивается там постановления о создании беспартийной газеты. Это совещание было искусственно подобрано и тем не менее на нем представители союза кожевников, булочников, строителей и портных, рабочий клуб „Наука“, общество „Знание“, клуб Стасюлевича—решительно протестуют против принятия этой резолюции. Вопрос переносится на широкую аудиторию. Начинаются дискуссии по этому поводу на всех фабриках и заводах. Всюду ведутся горячие споры, развиваются доводы за и против партийной газеты. До ленского расстрела, ликвидаторы находили еще сочувствующих, но после 4-го апреля, настроение у всех рабочих круто изменяется, и большинство рабочих решительно высказывается за партийную газету.

Если „Правда“ была до сих пор нужна, то после 4-го апреля она стала безусловно необходима. 22-го апреля она появилась и с тех пор она стала, действительно идейным вождем, не

только петербургского, но и всероссийского рабочего движения. „Правда“ создана самими рабочими. Рабочие собрали основной денежный фонд, для ее издания, причем эти деньги собирались со всей России, в сборах участвовали—1022 группы рабочих. За один первый год „Правда“ поместила 11.114 рабочих корреспонденций, 200 статей, написанных рабочими. За первый год своего существования „Правда“ была конфискована 41 раз. Три ее редактора были арестованы, она была закрыта на 440 день своего существования. Но, немедленно же возродилась под названием „Рабочая Правда“ (вышло 17 номеров), „Северная Правда“ (31 номер), „Правда Труда“ (20 номеров), „За Правду“ (57 номеров), „Пролетарская Правда“ (34 номера), „Путь Правды“ (91 номер), „Рабочий“ (6 номеров) и, наконец, „Трудовая Правда“, которая была окончательно закрыта 8 июля 1914 года на 35 номере. Кто вел „Правду“? Идейно направлял ее—Ленин, вместе с Зиновьевым и Каменевым. Всю основную работу вели сначала думцы И. Покровский и Полетаев, а кроме них в разное время входили в редакцию: Данилов, Еремеев, Ильин, Ольминский, Скрябин, Самойлова, Васильевский и Малышев. Много писали: Скрыпник, Демьян Бедный, Иванов, Буров. В последнее время много работала в редакции М. И. Ульянова. Здесь названы самые видные работники, но кроме них сотрудничала почти вся передовая рабочая масса, которая присылала в свою газету коллективные заявления, массовые протесты, резолюции целых фабрик и заводов. В эту коллективную работу было в конце концов втянуто и крестьянство. На ряду с рабочими корреспонденциями, начали все чаще попадаться корреспонденции крестьян.

„Правда“ неуклонно будила сознание, решительно боролась со всяким отклонением в сторону ликвидаторства, отстаивала старую форму организации, т. е. подпольную партию и всячески популяризировала „неурезанные лозунги“, (по выражению меньшевиков—три кита), т. е. демократическую республику, конфискацию всех помещичьих земель и 8-ми часовой рабочий день. „Правда“ фактически проводила в массы все директивы партии и ее Ц. К., руководила быстрым под'емом рабочего движения, подготовляла рабочую революцию. Несомненно, под ее влиянием образовалось нелегальное „Центральное Бюро Профессиональных Союзов“, которому подчинились все профессиональные союзы, за исключением меньшевистских союзов металлистов и печатников. Центральное Бюро это входит в самую тесную связь с партийной организацией. Конечно, как и в каждой организации, дело не обошлось без провокатора. В редакцию „Правды“ проник провокатор Черномазов, благодаря ему последовательно проваливались все сотрудники и друзья „Правды“.

И, несмотря на все провалы, на безчисленные аресты, черные списки на фабриках и заводах, временно, приумолкшее рабочее движение, под громом ленского расстрела, быстро оживает. Уже в 1913 году в годовщину „Лены“ и первого мая по

России бастует 570.000 рабочих. В протесте против суда, над взбунтовавшимися севастопольскими матросами, участвует забастовкой 250.000, во время выборов в думу, в разных политических забастовках участвует—75.000 рабочих, в демонстративной забастовке по поводу открытия IV думы—50.000, в связи с страховой кампанией—60.000, 9-го января—150.000 и 4-го апреля—135.000, всего с 1-го мая 1913 года по 1-е мая 1914 года в политических забастовках участвует—1.290.000 рабочих. Все эти политические забастовки сопровождались массовыми демонстрациями, с ярко-революционными лозунгами, столкновением с полицией и арестами без конца.

В январе 1912 года ЦК созывает обще-партийную конференцию. Предварительно, благодаря энергичной работе, главным образом Семена Шварца, Ордженикидзе и Бреслава, удается восстановить распавшиеся было организации во всех важнейших центрах. На конференции присутствуют: от Петербурга—Залуцкий и Ануфриев, от Москвы—Голощекин, Малиновский и Зиновьев, от Киева—Ордынский, от Саратова—Боровский, от Николаева—Серебряков, от Баку—Спандарьян, от Тифлиса—Ордженикидзе, от Вильно—Гуревич, от Центрально-Промышленной области—Романов, от Казани—Догадов. Кроме того присутствовали: Ленин, Каменев, Семашко, Крупская и Пятницкий. С большим опозданием приехали думцы: Полетаев и Чхеидзе. За исключением двух меньшевиков от Киева и Екатеринослава, все остальные члены конференции были большевиками. Не прибыли представители национальных с.-д. партий, не приехали также и оффициальные представители меньшевиков партийцев всех оттенков, начиная от Троцкого, кончая Плехановым и редакции „Голоса Социал-Демократа". Не было и представителей от впередовцев, но они фактически уже не существовали, как группа. Но зато присутствовали два провокатора (Малиновский и Романов). Один из них—Малиновский, был выбран даже в ЦК и намечен кандидатом от партии в IV-ю государственную думу. Кроме Малиновского в ЦК были выбраны: т. Ленин, Зиновьев, Ордженикидзе, Сталин, Ордынский и Голощекин. В кандидаты ЦК были выбраны: Бубнов, Смирнов, Калинин, Спасская и Спандарьян. Конференция констатировала несомненный подъем революционного настроения широких масс, поэтому она сочла необходимым полностью подтвердить политическую резолюцию, принятую на Парижской конференции в 1908 году. Далее были выработаны директивы и платформа избирательной кампании к выборам в IV-ю думу. Кампания должна вестись под флагом неурезанных лозунгов, в рабочей курии не должно быть никаких соглашений с другими партиями. Соглашения возможны лишь во вторых стадиях перед перебалтировкой. Намечен и характер, и организационные формы партийной работы, соответственно с текущим моментом. Подчеркнута необходимость участия партийных организаций в руководстве экономической борьбой рабочих. Для этого необходимо, чтобы в каждом про-

фессиональном союзе должна быть обязательна партийная ячейка. Необходимо больше инициативы проявлять к клубной работе, необходимо втягивать через пропагандистские кружки и общие заводские собрания новых членов в партийные ячейки. В резолюции о государственном страховании дается подробная критика думского законопроекта. Партия призывает развить широкую агитацию против этого проекта, используя при этом широко думские прения, которые так ясно проявили всю классовую подоплеку этого проекта. Необходимо во время агитации особенно подчеркивать, что без нового революционного под'ема, невозможно никакое действительное улучшение положения рабочих. Если же этот закон будет принят, надо широко использовать страховые организации. Конференция высказалась против попытки ликвидаторов поднять среди рабочих кампанию за подачу петиций в думу о расширении права коалиций. Нельзя из всех политических требований рабочего класса вырывать отдельное требование и на нем сосредотачивать все внимание рабочих, и этим отодвигать из области агитации основные неуязвимые лозунги. Решительно высказалась конференция против антипартийной позиции ликвидаторов, которые всей своей деятельностью фактически поставили себя вне партии. В заключение конференция выразила сочувствие персидскому народу, по поводу разбойничьего нападения русского правительства на Персию и заклеймила позором русских либералов, подстрекавших правительство использовать китайскую революцию для захвата части китайских территорий.

В декабре того же 1912 года, в виду ясно обозначившегося под'ема революционного настроения рабочих, ЦК делает попытку снова созвать обще-партийную конференцию, но это не удается сделать. Вместо конференции, состоялось лишь совещание ЦК с партийными работниками, приехавшими из России. Совещание это началось 28 декабря в Кракове. На нем присутствовали: Ленин, Зиновьев, Крупская, Сталин, члены IV-й думы: Малиновский, Бадаев и Петровский и приехавшие из России работники: Лобова, Трояновский, Медведев и Розмирович. Прежде всего совещание констатировало сильный под'ем забастовочного движения, как экономического, так и политического. В 1912 г. насчитывают больше миллиона участников в одних только политических стачках. На ряду с этим, в целом ряде случаев, наблюдались восстания матросов и солдат. Россия, несомненно, вступает в полосу открытой революционной борьбы масс. Безразличие и усталость рабочих масс, наблюдавшиеся в 1909—10 г.г. уже изжиты. Необходимо поэтому принять все меры для вовлечения крестьян в политическую борьбу, уже возобновленную рабочими. Надо усилить популяризацию революционных лозунгов, в особенности среди крестьян. Надо организовать борьбу против локаутов, устраиваемых капиталистами, в ответ на политические забастовки, надо решительно бороться с той агитацией, которая началась в легальных буржуазных и ликви-

даторских газетах (в „Речи“ и „Луче“), против политических выступлений рабочих. Надо усилить нелегальный партийный аппарат и приблизить его к массам. Поэтому необходимо на каждом заводе создавать партийную, нелегальную ячейку и партийный комитет, из самых энергичных и сознательных рабочих. Надо всеми силами пытаться восстановить все местные партийные организации и руководящие комитеты, сочетая выборное представительство с кооптацией. Для связи между местными комитетами, необходимо создать областные центры. Из среды партийных рабочих, необходимо выдвинуть доверенных лиц для постоянной связи путем личных сношений местных организаций с ЦК и областными центрами. В резолюции о думской с.-д. фракции—совещание констатирует, что несмотря на черносотенно-либеральный блок, направленный против РСДРП, партия на выборах одержала большую победу. Во второй городской курии, число голосов поданных за партию, повсюду выросло за счет либералов. По рабочей курии прошли исключительно одни большевики. С.-д. фракция, согласно установленной традиции, должна быть в полном подчинении у партии. Меньшевистское большинство с.-д. фракции успело уже сделать ряд очень важных ошибок. Фракция приняла в свой состав: Ягелло, кандидата польской социалистической партии, который прошел в думу, против голосов польских с.-д. Депутат-меньшевик Чхенкели, вопреки программе партии, защищал в думе культурно-национальную автономию. Фракция не противопоставила министерской декларации своей с.-д. декларации, в которой она могла бы широко развить перед массами революционные лозунги, а вместо этого голосовала за прогрессистскую декларацию. В заключение совещание поручило 6 большевикам, входящим в думскую фракцию: Р. В. Малиновскому, Г. И. Петровскому, А. Е. Бадаеву, Муранову, Н. Р. Шагову и Н. Ф. Самойлову—не замыкаться исключительно в думской работе, где им не дадут развернуться и проводить свою точку зрения семь депутатов меньшевиков. Они должны близко связаться с нелегальной партийной организацией, постоянно общаться с рабочими массами. В резолюции о страховой кампании, совещание высказалось против бойкота выборов уполномоченных за необходимость широкого использования избирательной кампании, устройством явочным порядком митингов, на которых можно было бы составлять списки и проводить заранее намеченных, выдержанных в партийном отношении кандидатов из рабочих. Страховую кампанию необходимо обязательно связать с общим положением страны и с социалистической агитацией. В резолюции о ликвидаторах совещание отмечает, что революционное крыло своей правильной тактикой сумело вытеснить ликвидаторов из всех доступных легальных организаций. Состоявшаяся конференция меньшевистских организаций в августе 1912 года доказала, что громадное большинство меньшевиков заражены ликвидаторскими настроениями, их легальные журналы: „Наша

Заря" и „Луч"—выступают открыто против партии, против партийной программы и против массовых политических выступлений рабочих, они выступают за реформистскую, исключительно легальную тактику. Их последние выступления против якобы раскольничьей деятельности большевиков и за единство рабочего движения имеют несомненной целью отвлечь рабочих от революционного пути, отколоть их от нелегальных организаций. Об'единение, возможно лишь с теми оттенками партии, которые не отрицают саму партию, т. е. ее нелегальную работу и которые принимают непосредственное участие в партийных организациях.

Лучшим признаком политического пробуждения у рабочих революционного настроения—служит рост все учащающихся политических стачек и демонстраций. В 1911 году первое Мая по всей России прошло, совершенно, незаметно. В 1912 году „Правда" уже призывает к празднованию. Нелегальные организации усиленно готовятся к ним. Несмотря на то, что усиленно готовилась к празднику и полиция, производя безчисленные аресты накануне первого Мая и выводя на улицу в день 1-го Мая казаков и войска. 1-е Мая в Питере проходит с давно небывалым под'емом. Бастует гораздо больше 200.000 человек. Несмотря на сквернейшую погоду, все бастующие на Невском. Манифестантов разгоняют, немедленно собирается новая толпа, в другом месте, выкидывается красный флаг, поется Марсельеза, толпа снова разгоняется и снова собирается и так весь день до позднего вечера. Также дружно бастуют и демонстрируют Москва, Рига, Киев, Одесса, Харьков, Саратов, Томск, Архангельск, Херсон, Варшава, Люблин и прочие. В 1913 году, опять, несмотря на все репрессии со стороны властей и угрозы локаутом, со стороны предпринимателей в первомайской демонстрации и забастовках участвует весь Петербургский пролетариат, т. е. до 250.000 человек. Также демонстративно проходят и все другие, знаменательные для пролетариата, дни, как 9-е января и 4-е апреля.

Не менее эфектно развернулась по всей России и страховая кампания. Развернулась в большинстве случаев, именно, так, как предложили большевики. Закон 23-го июня 1912 года принят был черносотенной думой, именно, под влиянием развивающегося рабочего движения. Правительство вместе с думой надеялось этой подачкой успокоить рабочие массы. Все должно было итти, как по нотам. Фабричным инспекторам, специалистам по страховым делам с Литвиновым-Фалинским во главе—было поручено растолковать рабочим все блага закона. Эти же фабричные инспектора должны были по соглашению с охранкой „выбрать" представителей рабочих. И вот эти „назначенцы" рабочие должны были в „Страховых Присутствиях" и „Страховом Совете" представлять интересы рабочих, т. е. безропотно проводить все, что необходимо предпринимателям.

На одном заводе за другим рабочие соглашались проводить выборы лишь после выслушания доклада своего докладчика, а не фабричного инспектора или другого чиновника. Без предварительных докладов, ни на одном заводе к выборам не приступали. В большинстве выступали партийные докладчики и они широко использовали свой доклад, чтобы выяснить не только все отрицательные стороны принятого закона, но и все отрицательные стороны всего царского режима и капиталистического строя, противопоставляли и выясняли настоящий рабочий проэкт государственного страхования. Во многих местах пришлось право на такие собрания отвоевывать забастовками. Многие докладчики, а также кандидаты в уполномоченные арестовывались и подвергались высылке. Но кампания прошла замечательно дружно, в Страховой Совет и в большинство присутствий прошли исключительно сознательные революционные рабочие. Всюду принимался предложенный партией наказ с большевистскими лозунгами. Всей страховой кампанией руководила вначале „Правда", которая завела у себя специальный «Страховой Отдел». В октябре 1913 года, по инициативе 6 депутатов большевиков, основался большевистский журнал «Вопросы Страхования», вокруг которого сгруппировался сперва кружок сотрудников: Винокуров, Гладнев, Фаберкевич, Данилов Крестинский, Стучка и Скрыпник.

Забастовками в память 9-го января начали рабочие 1914 г. В Питере, Москве, Риге, Николаеве, Твери и Варшаве—бастовало в этот день более 300.000 человек. И весь год, вплоть до самого об'явления войны, забастовки не прекращались. Перекидывались с завода на завод, из одного города в другой. Вот типичные случаи, по которым видно, как чутко начали относиться рабочие к таким вопросам, которые в доброе старое время проходили незаметно. На заводе «Новый Лесснер» мастер Лауль обвинил рабочего Строгина в краже гаек. Строгин, не стерпев напрасного обвинения, повесился, оставив письмо к товарищам. Это случилось 24 апреля. На следующий день завод забастовал, требуя увольнения Лауля. Весь завод участвовал в демонстративных похоронах Строгина. Стачка эта при дружной поддержке всего Петербургского пролетариата—продолжалась свыше 100 дней. 13-го мая к «Новому Лесснеру» из солидарности примкнул и „Старый Лесснер". 23-го февраля партия решила открыто отпраздновать международный день работниц. «Путь Правды» в этот день переполнен сообщениями о тяжелой жизни русских работниц. Свыше 20 сообщений о невыносимых условиях женской работы на разных фабриках и заводах Петербурга. И чтобы яснее подчеркнуть действительно, невероятные условия работы, очень скоро после женского дня на многих петербургских и рижских фабриках началась настоящая эпидемия отравлений. Уже 7-го марта об отравлении ядовитыми газами одновременно сообщалось из рижской фабрики «Проводник» и из петербургской «Треугольник». 12-го марта на «Треугольнике» пришлось

вынести в обморочном состоянии свыше 200 работниц галошниц. На следующий день снова массовые отравления. 15-го «Треугольник» забастовал. Затем такие же отравления массового характера произошли с 15-го по 22-е марта на табачных фабриках Богданова, Шапошникова и Лаферма, в хромолитографии Кибеля, на второй ниточной мануфактуре, на джутовой мануфактуре Лебедева, на Мало-Охтенской ткацкой, в снарядной «Новый Айваз», на картонажной Кана, на заводе Барановского, на Воронинской мануфактуре и на бумаго-прядильне.

Буржуазная печать пустила слух, о каком-то таинственном революционном комитете, который нарочно отравляет женщин, чтобы заставить их прекратить работу. «Путь Правды» разоблачает, что таинственный комитет состоит из владельцев фабрик, которые, вместо специально изготовляемого для производства бензина, ради дешевизны, приобрели искусственную ядовитую смесь. С.-д. фракция проводит в думе срочный запрос по поводу массовых отравлений. Правительство пытается сначала сослаться на массовую истерию, на массовый психоз, охвативший яко бы работниц, а в конце-концов вынуждено было признать, что на фабриках произошло отравление низкосортным бензином и никотином на табачных фабриках. 13-го марта начались забастовки, демонстрации, столкновения с полицией, они длились, перекатываясь с завода на завод, до 20-го марта. 19-го принимало участие в забастовке свыше 115.000 человек. 20-го марта союз промышленников об'явил локаут, от которого пострадали главным образом металлисты. Полиция закрыла профсоюз металлистов. По совету партии волнения временно прекратились. Но с новой силой начались они 1-го мая. И начались они вопреки «дружеским советам» ликвидаторов, которые убеждали, что массовая стачка может сыграть в значительной мере дезорганизаторскую роль и отвлечь рабочих от организаторской работы и что «забастовка» укрепит желание капиталистов дать рабочим отпор, а поэтому «теперь не время вести борьбу за свои права такими средствами». «Путь Правды» самым решительным образом разоблачал ликвидаторов и доказал, что они играют на руку буржуазии и пытаются в ее интересах сорвать политическое движение рабочих.

В мае начинается забастовка на бакинских нефтяных промыслах. Там царят невероятные жилищные условия, рабочие, добывая жидкое золото, создавая своим трудом миллионы для нефтяных королей, в буквальном смысле этого слова вымирают в квартирах, подобных которым, по выражению профессора Заболотнова, нет даже в Китае и Индии. Уже в 80-х годах один из нефтепромышленников—Бенкендорф забил по этому поводу тревогу. Нефтепромышленники выхлопотали от казны специальную землю на постройку рабочего поселка. Но затем об этом забыли. Пожар бакинских промыслов в 1905 году еще более ухудшил положение рабочих. Последовавшие затем забастовки 1905—7 г.г. заставили нефтепромышленников снова

задуматься над квартирным вопросом, снова начали составлять проэкты, снова получили субсидию от правительства. Но наступили годы реакции, решили, что и так проживут. В конце апреля в бакинском районе обнаружено несколько случаев чумы. Забастовали Биби-Эйбатские рабочие, они потребовали участия в санитарном обследовании и немедленного разрешения их жилищного вопроса. Под руководством Бакинского комитета и большевистского «Союза рабочих нефтяной промышленности и подсобных предприятий», забастовка быстро распространяется по всем промыслам, захватывает и Черногородские заводы. Союз закрыт полицией, его секретарь Валиков арестован, арестованы и многие выдающиеся рабочие. Бастующих рабочих начинают выселять, по приговору специально присланного мирового судьи, из промысловых квартир, выбрасывают на улицу женщин и детей со всем их скарбом, часть рабочих высылают по этапу на родину. И тем не менее забастовка все разрастается, становится все упорнее. Нефтепромышленники, которые в это время усиленно взвинчивали цены на нефть, начинают спекулировать на топливном голоде, отказываются от каких бы то ни было соглашений с рабочими. Забастовка принесла им громадные барыши, что резко отразилось на быстром повышении акций всех нефтепромышленных фирм. Еще бы, за время забастовки, они выгоднейшим образом сбывают все свои запасы и подымают цены нефти чуть-ли не вдвое. До 20.000 человек промысловых рабочих участвует 20-го июня в демонстрации, отбиваются от казаков, избивают полицеймейстера. Об'является военное положение, промысла заполнены специально присланными астраханскими и терскими казаками. Казаки размещены по рабочим казармам и быстро поддаются агитации рабочих. Уверяют, что стрелять в рабочих не будут и действительно свое слово сдержали. К нефтепромышленным рабочим присоединяются и рабочие других отраслей. Бастуют моряки нефтяного флота, вывоз запроданной нефти становится невозможным. И эта борьба непрерывно тянется вплоть до начала империалистической войны.

Все детали бакинской забастовки подробно описываются в „Трудовой Правде“. Уже 1-го июля на петербургских заводах устраиваются летучие митинги протеста против бакинских зверств. Был митинг и на Путиловском заводе, он был разогнан полицией. 3-го июля Путиловцы вновь, за час до шабаша, устраивают митинг. Без предупреждения, конная и пешая полиция напала на безоружную толпу. Началось с нагаек, а затем заперев ворота, начали в упор расстреливать толпу. Двое убитых и 50 раненых, так значилось в оффициальном сообщении. Как убедились думские депутаты большевики, арестованных и раненых жестоко избили в участках. Ночью забастовала ночная смена Путиловского завода. Уже 4-го июля на 83-х предприятиях, на летучих митингах, было принято решение начать бастовать. Петербургский комитет партии провозгласил трехдневную заба-

стовку протеста. Всюду начинаются стычки с полицией, кой-где рабочие отбивают арестованных. На фабрике „Скороход“ тяжело ранен рабочий Сухоруков. 5-го бастуют в Питере—90.000 челов. В Москве целый ряд заводов присоединяется к забастовке. 7-го в Питере бастуют уже 130.000 ч., рабочие останавливают трамваи, заставляют закрывать магазины и винные лавки. На улицах всюду демонстрации, 8-го число забастовавших доходит уже до 150.000, на улицах настоящие бои с казаками, валят телеграфные столбы, строят баррикады из трамвайных вагонов, из окон осыпают полицию камнями. 8-го июля окончательно закрывается „Трудовая Правда“, вся редакция, все сотрудники, все посетители арестованы.

IV. ВОЙНА И ПАРТИЯ.

В то время как на Петербургских улицах рабочие дрались с полицией и войсками, Николай кровавый, во главе всей своей верноподданной буржуазии, принимал дорогого гостя, главу французской буржуазии—Пуанкаре. Как раз в эти дни он окончательно продал французским банкирам своих русских солдат и русских рабочих. Именно в этом свидании была окончательно установлена цена за кровь и жизнь миллионов русских граждан. Царь должен был получить за них Галицию и Дарданеллы. Рабочие волнения внушили Пуанкарэ некоторые сомнения сможет ли царь выполнить договорное обязательство. Но не успел дорогой гость уехать, как 15-го июля уже началась мировая бойня. Правительство в первую очередь мобилизует всех передовых рабочих, всех возрастов. Этим правительство лишает уже начавшуюся рабочую революцию ее руководителей. Их первыми жертвами отправили на бойню.

Всюду на Западе первые выстрелы, раздавшиеся на границах, привели к краху все социал-демократические партии. Вслед за германской С. Д. партией, голосовавшей для спасения родины, единогласно, за исключением Либкнехта и Рюлле, за предоставление кредитов для ведения войны и французские, и австрийские, и бельгийские социал-демократы—забывают все постановления международных конгрессов, забывают все социалистические традиции и сразу превращаются в ура-патриотов. II-й интернационал распался.

Не только бернштейновцы, ревизионисты и оппортунисты, в роде самого Бернштейна, Шейдемана, австрийских Виктора Адлера и Отто Бауэра, голландского—Трульстра, итальянских—Биссолати и Турати, бельгийского—Вандервельде, американского—Хилькуит, английских—Макдональда и Снаутэн, но и правоверные, непреклонные марксисты, в роде Геда, Марсель Самба, немцев—Каутского и Гаазе, быстро скатываются в пропасть шовинизма. Совершенно отказываются от какой бы то ни

было попытки бороться против войны, от какой бы ни было вообще борьбы, во время войны, со своей буржуазией. Буржуазия весьма охотно предоставляет этим изменникам рабочего движения местечки министров. Разве придет в голову французскому рабочему протестовать против войны, если он видит, что самый непримиримый, самый последовательный вождь социализма Гед, заседает вместе с Клемансо Брианом, Мильераном и Пуанкарэ и другими лакеями французской биржи в правительстве национальной обороны. Или если услышит, что тот самый Эрве, который столько раз сидел в тюрьме, за свою антимилитаристскую агитацию, теперь громче всех желтых газетчиков, кричит о необходимости в конец разорить проклятую Германию и бок о бок с царем-вешателем, освобождать угнетенные народы от германского ига.

Наша думская С.-Д. фракция, несмотря на большинство в ней меньшевиков, не опозорила себя голосованием кредитов на ведение войны и прочла с. д. декларацию против империалистической войны. Уже до войны, думская фракция оформила раскол на две фракции „семерку“ меньшевиков и „шестерку“ большевиков. Раскол этот был санкционирован совещанием Ц. К. с партийными работниками в октябре 1913 года. На этом совещании участвовали: Ленин, Зиновьев. Каменев, Крупская, члены думы: Бадаев, Малиновский, Петровский, Муранов и Шагов и работники с мест: Трояновский' Шотман, Инесса Арманд, Балашов, Новожилов, Лобов, Розмирович, Дерябина, Кривобоков, Ганецкий и Каменский. Раскол фракции широко обсуждался и был вполне одобрен партийными рабочими, резолюции которых печатались в „Правде“. Меньшевики пожаловались по этому поводу Международному Социалистическому Бюро 2-го интернационала. Ровно за месяц, до полного краха 2-го интернационала 18-го июня 1914 года, в Брюсселе Вандервельде, Каутский, Гюйсманс, Люксембург и Плеханов возмущались большевиками, которые основываясь на том, что $^{4}/_{5}$ всей партии стоит на большевистской точке зрения, не захотели подчиниться маленьким группам, которые стояли за спиной Плеханова, Мартова и Алексинского. Основатель русского марксизма обессмертил себя заявлением, что Ленин нарочно создал этот раскол, чтобы воспользоваться партийными деньгами. Даже Вандервельде счел нужным пристыдить Плеханова и лишить его за это слова. Брюссельский суд, конечно, ни к чему не привел. А ровно через месяц все судившие Ленина за раскол в Российской партии, члены Международного Бюро, не только произвели сами окончательный раскол в интернациональном масштабе, но и погнали пролетариев одной страны травить и убивать пролетариев, говорящих на другом языке. Из всей компании, выступивших жалобщиками на раскол, созданный якобы Лениным, и судивших большевистскую фракцию за это, только Роза Люксембург и Троцкий не окровенили своих рук содействием буржуазии—организовать империалистическую бойню.

В России, в начале войны, партия была разгромлена, лучшие, наиболее активные и революционно настроенные рабочие, вынесшие на своем хребте всю тяжесть руководства рабочим движением в годы реакции и последовавшего затем революционного под'ема, все либо сидели уже в тюрьмах, отбывали каторгу или поселение в Сибири, либо попали в первую очередь, как запасные, в солдаты. Так, например, свыше 25% всех работающих в страховом деле рабочих были мобилизованы в первую мобилизацию и отправлены на фронт. Громадную работу проделали члены думской фракции большевиков, знаменитая „шестерка". Еще до войны они были всюду, где волновались рабочие, где выступали рабочие массы. Они широко выполняли большевистский наказ—главное внимание уделять революционной, внедумской работе. И вдруг им и большевистскому ЦК наносится сильный удар. Обнаруживается, что один из деятельнейших членов „шестерки" и ЦК—Малиновский неожиданно слагает свои депутатские полномочия и исчезает, а затем распространяется жуткая новость, что Малиновский провокатор. Он был уже провокатором, когда его кандидатуру выставили в депутаты думы. Он оставался провокатором, заседая в думе, состоя членом ЦК. И лишь по требованию нового министра—Джунковского, во избежание крупного скандала, ушел с поста, получив, в виде отступного, по 5-ти тысяч рублей жалованья. Это был сильный удар, но он не ослабил энергию большевиков, не внес того разложения в их ряды, которое оказалось в рядах эс-эров, после разоблачения провокаторства Азефа. Делается попытка уже в России, а не за границей, от которой, благодаря войне, партийные работники отрезаны, устроить совещание уцелевших руководителей партии. Первое совещание происходит 30-го октября 1914 года в Мустамяках, оно проходит благополучно, несмотря на то, что департамент полиции был хорошо осведомлен об этом совещании, через провокатора Романова. Здесь вырабатывается окончательно ответ на известное письмо бельгийского министра Вандервельде, бывшего лидера 2-го интернационала, который предлагал приехать в Россию, чтобы примирить русский пролетариат с царем и буржуазией. Здесь же был единогласно подтвержден манифест ЦК РСДРП, присланный для обсуждения Лениным из за границы и принят лозунг „война—войне". Принята также резолюция, что лозунгом социал-демократии в настоящее время должна быть всесторонняя, распространяющаяся на войска и на театр военных действий пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев-наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств. 4-го ноября все участники этого совещания были арестованы на даче близ Озерков. На совещании участвовали и были арестованы: член думы Григорий Иванович Петровский, Алексей Егорович Бодаев, Матвей Константинович Муранов, Федор Никитич Самойлов, Николай Романович Шагов, делегаты от Риги: Ф. В. Линде, от Харькова: В. Н. Яковлев, от

Иваново-Вознесенска: И. А. Воронин, от Петербурга: Н. К. Антипов и Н. Я. Козлов и член ЦК Л. Б. Каменев. 13-го февраля 1915 г. приговором Петербургской Судебной Палаты все депутаты думы —большевики, а также Каменев, Линде, Яковлев и Воронин приговорены к ссылке на поселение, с лишением всех прав, Антипов и хозяйка квартиры Гаврилова получили крепость, а Козлов оправдан.

С арестом членов думы, легальная работа партии на время была прервана. В начале войны казалось, что и у нас в России вся рабочая масса, подобно западно-европейской, заразилась патриотизмом и готова прекратить на все время войны классовую борьбу. Казалось, что она готова пойти за Плехановым на путь создания у нас гражданского мира. Но это только казалось. Страшно обессиленная массовой мобилизацией, закрытием всех легальных организаций, закрытием легальных газет и арестом всех партийных работников, партия довольно быстро начинает снова выправляться. Снова появляется прокламационная литература. Кой-где, вместо закрытых легальных, появляются нелегальные профессиональные союзы. Уцелевшие большевики пропагандисты, после закрытия рабочих клубов, проникают в народные университеты и используют их аудитории для выяснения совершающихся событий. Используют понемногу и кооперативное движение, которое в связи с быстро развивающимися продовольственными затруднениями, начинает играть все большую роль в жизни рабочих масс. Конечно о глубоком внедрении в толщу рабочей массы долго не приходится и думать. По мере того, как война затягивалась и поглощала все большее и большее количество пушечного мяса, все больше настоящие рабочие, попадающие в солдаты, начинают заменяться „самооборонцами“ проникшими в рабочую среду из самых различных слоев общества. Вчерашний студент, купеческий сынок, лавочник, лакей, мельник, кулачек, спасаясь от мобилизации, начинают поступать на фабрики и заводы, работающие на оборону. Целой массой нахлынули эти непролетарские элементы в рабочую среду, как только правительство убедилось, что воевать, при разваливающейся промышленности—нельзя и забронировало за каждым работающим на оборону, предприятием, определенное количество рабочих, освобожденных от мобилизации. Эта непролетарская публика разлагала извнутри рабочий класс, вносила в него чисто мещанскую идеологию. Только их присутствием в среде рабочих можно об'яснить сравнительно долгое затишье экономической борьбы.

Но даже при таком резко наметившемся уже в 1915 году изменении личного состава крупно-промышленных рабочих, обнаружилось, что партия не утратила еще своего влияния на массы. В России сделана была попытка, по примеру Западной Европы, втянуть видных руководителей рабочих в дело организации обороны страны, но тут рабочие доказали, что они остались верны старым революционным традициям. После крупного пора-

жения, понесенного русской армией, и вынужденной эвакуацией Галиции, Польши и Прибалтийских губерний, октябрист Гучков, стоявший во главе крупно-промышленного капитала, организует вместе с другими крупными тузами—паевое товарищество, которое имело целью, под флагом патриотической обороны страны, организованно грабить отечество. Товарищество это называлось Центральным Военно-Промышленным Комитетом. Чтобы замаскировать чисто грабительскую сущность фирмы, решено было придать ей общественный характер и заинтересовать в ней рабочих. Конечно представительство рабочих имело целью, главным образом, обеспечить „гражданский мир", т. е., другими словами, застраховать фирму от возможных стачек на ее предприятиях. Услужливые лакеи буржуазии, русские социал-патриоты, мобилизовали все свои силы, чтобы убедить рабочих, что их гражданский и революционный долг, не только до изнеможения работать на фабриках и заводах, изготовляя все необходимое для войны, не только безропотно умирать на полях сражения, не только жертвовать богу войны свое тело, но и при всем этом делать все это с энтузиазмом, с любовью, отдавать всю свою душу. Надо помнить говорили они, что у русского рабочего есть родина и эта родина в большой опасности. А поэтому, во имя великой идеи спасения родины, ликвидаторы, ставшие, конечно, все самыми ярыми патриотами и шовинистами, звали рабочих итти и помогать Гучковым, Рябушинским и Нобелям наживать миллионы во имя спасения этой родины. На защиту идеи участия рабочих в Военно-Промышленных комитетах были мобилизованы все силы, как желтой печати: „Биржевки", „Русского Слова", „Утра России", всех „Копеек", так и в первую голову все ликвидаторские литературные силы. Меньшевистская газета: „Наша Заря" в цинизме этой проповеди, значительно превзошла желтую печать. В ряде статей Череванина, Маслова, Бибика, Маевского, Кубика, Веры Засулич и прочих ренегатов с.-д.— убеждают рабочих, что все спасение России в полной победе над Германией, а для этого надо стряхнуть с себя обанкротившийся интернационализм и войти в лоно Гучковых, Пуришкевичей, Милюковых и прочей национальной братии.

Несмотря на то, что большевики, оставшиеся во время войны верными старому революционному и интернационалистическому знамени, не имели в это время легальной печати и даже, в большинстве случаев, не имели оформленных нелегальных организаций и поэтому, казалось, должны были быть бессильными против всей этой питающейся буржуазным золотом печати. Но тем не менее лозунг, данный Петербургским Комитетом, о том, чтобы не итти в военно-промышленные комитеты, но широко использовать избирательную кампанию для выборов членов этих комитетов и широко развить на выборах агитацию лозунга „Долой войну", был сразу подхвачен всей широкой массой рабочих. Уполномоченными для выборов „рабочей группы" прошли преимущественно большевики, убежденные противники войны, кото-

рые видели спасение рабочей России в поражении царской России. Они, конечно, вместо выборов „рабочей группы“ выносили соответствующую своим взглядам резолюцию. Гучков, с помощью „рабочего“—Гвоздева доказал, что собрание выборщиков было незаконно, потому что на нем участвовали нелегальные революционеры. Было собрано 2-е собрание, после предварительного ареста большинства участников 1-го, т. е. ареста всех тех, кто высказывался против организации рабочей группы, при Военно-Промышленном Комитете. И это уже собрание большинством двух голосов послушно приняло, предложенный Гучковым, список, во главе с Гвоздевым. Но даже и на этом втором собрании очень значительная группа высказалась против выборов. Картина выборов стала широко известна рабочим и, конечно, эти гучковские назначенцы никаким влиянием в массах не пользовались, их просто считали его хозяйскими приказчиками. Недаром, после этого, меньшевик Потресов с грустью восклицал „в России все еще нет патриотизма, как массового явления“. Ему поддакивал Маслов, который ставил русским рабочим в пример Германию, „где не только германская промышленная буржуазия, но и руководители германского рабочего класса встали на путь завоевательной политики“. Другой видный лидер меньшевиков ставит в пример русским рабочим русских эмигрантов, из которых огромное большинство находившихся в Бельгии и Франции пошло, по его словам, добровольцами под ружье. Наконец, богородица российских меньшевиков В. Засулич—пишет: „самый факт преобладания интернационализма—именно среди русских рабочих, совершенно невероятен, после всего того, что произошло среди рабочих запада“.

Конечно, этого явления меньшевистские литераторы понять не могли. Русский забитый, малограмотный или совершенно неграмотный рабочий, в эту годину испытания классового самосознания международного пролетариата, оказался почти единственным, выдержавшим это испытание. В то время, как громадные массы его западно-европейских товарищей слепо шли за своими вожаками в омут империализма и шовинизма, русский рабочий, в лице своих передовых элементов, остался верен старому интернациональному знамени. Меньшевики, которые всегда подходили к рабочему классу с чисто либеральной точки зрения, совершенно не с'умели учесть то классовое воспитание, которое получили русские рабочие за весь период их сознательной политической борьбы, т. е. с конца 90-х годов XIX столетия. „Царское спасибо“ молодцам Фаногорийцам, расстрелявшим мирных забастовщиков в Ярославле в 1895 году; первая массовая забастовка в Петербурге во время коронации 1896 года,—это были первые политические уроки, полученные широкими массами рабочих России. Эти уроки сразу определили путь, по которому должно было пойти развитие русского рабочего движения. Для русских рабочих, уже после этих забастовок, борьба с эксплоататором хозяином сразу слилась с борьбой с государственным строем.

И каждый раз, когда массы эти уроки забывали, жизнь преподносила им новые показательные уроки, в виде бойни в Никополе-Мариуполе (1898 г.), на Уральских заводах (1899 г.), на Обуховском заводе (1901 г.), в Тихорецких мастерских и в Ростове (1902 г.), и, наконец, массовый всероссийский урок 9-го января 1905 года на Дворцовой площади Петербурга и 4-го апреля 1912 года в далекой Ленской тайге. После этих уроков, каждый раз, точно, ясно зафиксированных и запечетленных и раз'ясненных массовой агитацией революционного крыла с.-д. партии, русский рабочий класс был уже раз навсегда застрахован от какого-либо массового заражения идеей защиты своей отечественной буржуазии или своего самодержавного государства. За исключением очень немногих изменников, попедших вслед за Плехановыми, Потресовыми и Данами на открытую службу, на защиту отечества Николая, Гучкова, Распутина и Милюкова, вся рабочая масса „гражданского мира“ не признала, а молча, с озлоблением накапливала силы, чтобы решительно разделаться и с Николаем, и с Гучковым, и с их лакеями и приказчиками.

Правительство, погнав передовых рабочих первыми на бойню, дало впервые возможность сознательному авангарду рабочих близко соприкоснуться с крестьянской массой. В 15-миллионную армию, набранную из крестьян и рабочих, рабочие внесли весь свой революционный опыт, весь свой революционный пыл, еще не остывший после революционной борьбы последних двух лет перед войной. И здесь в окопах и в казармах они заражали этим пылом, этим опытом своих товарищей по серым шинелям, выпедших из крестьянских рядов. Здесь они просвещали серую крестьянскую массу, пропагандировали и раз'ясняли им „неуре-занные лозунги“, здесь об'ясняли, что враг не там за проволочными заграждениями, а по эту сторону окопов—в царской ставке, в дворцах и палатах помещиков и фабрикантов. Здесь в окопах они учили крестьян, что их заветная мечта избавиться от помещиков и отобрать помещичью землю не может осуществиться раньше, чем когда они избавятся от царского режима. Без этой широкой, повседневной пропаганды передовых революционных рабочих среди солдат, навербованных из крестьян, конечно, никогда не могла бы осуществиться революция 1917 года. Из окопов эти „неурезанные лозунги“ просачивались в широкие крестьянские массы. Каждый раненый, каждый отпускной разносил их в самые глухие деревушки и революционизировал оставшихся в деревне крестьян. И именно в этой широко проведенной пропаганде, в которой приняли участие все более или менее сознательные рабочие, проявилась вся предшествующая 20-тилетняя работа революционного крыла с.-д. партии, которая всегда учила рабочих не ждать, подобно германским рабочим, чудес от легальной работы парламента, профсоюзов и кооперативов, не ждать, подобно английским рабочим спасения от одной мирной экономической борьбы, от раздоров между господствующими классами, а исключительно надеяться только на свои революционные

силы, на свое классовое самосознание и на свою революционную борьбу с политическим и экономическим гнетом.

Среди русских революционных эмигрантов за границей, с самого начала войны сразу наметились три основных группировки. Плеханов, подобно всем творцам и лидерам 2-го Интернационала, сразу забыл про социализм и интернационализм. в нем сразу проснулся тамбовский дворянин и он вместе с бельгийским богачем Вандервельде, немецкими кабатчиками социал-демократами, французскими и итальянскими адвокатами-социалистами, завопил о спасении родины, о необходимости окончательно уничтожить противника. Под стяг издаваемой им газеты „Призыв", издаваемой при содействии французского правительства, сразу стали собираться все примазавшиеся к движению рабочих, когда то расчитывавшие на их плечах сделать свою политическую карьеру, вроде Алексинского и Дана, пошли все ликвидаторы революции, пошло и большинство эсеров во главе с бывшими людьми: Брешко-Брешковской, Аксентьева, Бунакова, Савинкова. Им удалось своим именем, своим революционным прошлым, увлечь часть неопытной и незрелой эмигрантской молодежи и погнать их, как баранов, добровольцами на убой во французские легионы. Совратив русских эмигрантов, Плеханов в архибуржуазных „Русских Ведомостях" пытается использовать свой бывший авторитет, чтобы убедить русских рабочих, во имя их интересов и для спасения родины, совершенно прекратить борьбу с самодержавием, прекратить всякую борьбу с капиталистами и помочь царю окончательно разбить Германию, ту самую Германию, в которой накануне войны насчитывалось до 4-х миллионов социал-демократов, т. е. фактически из каждых двух солдат, по крайней мере один хранил в своем ранце партийную книжку, которая свидетельствовала о его принадлежности к тому самому интернационалу, который еще недавно возглавлялся Плехановым.

Часть меньшевиков партийцев, впередовцев, большевиков, оторвавшихся от Ц. К., в противовес Плеханову, создали в Париже свою газету „Голос". Эту газету начали издавать Мануильский и Антонов-Овсеенко. По приезде в Париж Троцкого, он стал во главе ее. А после ее закрытия французским правительством, он руководил и заменившим ее „Нашим Словом". Сотрудниками этих газет, кроме названных уже, были: Артем, Балабанова, Бронский, Владимиров, Дивильковский, Залевский, Колонтай, Лозовский, Луначарский, Мартов, Мещеряков, Покровский, Павлович, Полянский, Радек, Рапопорт, Рязанов, Раковский, Ротштейн, Сокольников, Урицкий, Чичерин и Чудновский. Эта группа сразу заняла определенную позицию по отношению к войне. Она сохранила верность революционному прошлому и идеям Интернационала, ее не заразило повальное увлечение патриотизмом. Но вначале группа „Голоса" не заняла определенной позиции ко всем изменникам социал-шовинистам, она долго не решалась окончательно отмежеваться от них, резко порвать с ними. Она была против войны, но все еще расчитывала, что

временное заблуждение социал-предателей пройдет, они одумаются и могут благополучно вернуться в лоно Интернационала, и тогда продолжение войны станет невозможным. Кроме этого, „Наше Слово“ полагало, что революция в России будет возможной и без поражения России на фронте, поэтому они не принадлежали к числу „пораженцев“. Долгое время определенному характеру этой группы мешало сотрудничество с ними Мартова. Мартов, как всегда, шатался между двумя равнодействующими. Он был в одинаковой степени и интернационалистом и ликвидатором, и поэтому, всячески пытался в своем лице соединить несоединимое: оборончество меньшевиков с интернационализмом революционного крыла. В 1916 году он стал уже окончательно невозможным в „Нашем Слове“ и откатился далеко вправо, вместе с Аксельродом в чисто буржуазный пацифизм. Его уход значительно облегчил сближение группы „Нашего Слова“ с правоверно большевистским „Социал-Демократом“, издававшимся Лениным в Женеве.

В противоположность шатаниям и колебаниям во всех слоях русской эмиграции, большевистский Ц. К., во главе с Лениным и Зиновьевым, сразу заняли ярко определенную точку зрения, как по отношению к войне, так и по отношению ко всем изменникам социал-демократам. Ц. К. сразу решительно и бесповоротно признал полное банкротство 2-го Интернационала, заклеймил настоящим именем предателей, поведение не только господ Плехановых, Вандервельде, Гедов и Шейдеманов и всех тех, кто занял оборонческую позицию и вступил в ряды буржуазных правительств,—но и всех, колеблющихся, пытающихся примирить и оправдать это предательство. Ц. К. дал также сразу определенный, ясный лозунг борьбы: „Чтоб покончить войну, надо не проповедывать мир, не убеждать, а стараться превратить эту мировую империалистическую войну, в мировую гражданскую войну“. Надо определенно направить пролетариев всех стран против своей буржуазии, против своего классового правительства. Только восстанием можно покончить эту бойню. Ленин уже в сентябре 1914 года составил манифест, который после одобрения его русскими членами Ц. К., был отпечатан и распространен, как за границей, так и в России. Ниже мы приводим его в существенных выдержках:

МАНИФЕСТ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

„Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж его богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих

и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата,—таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и „патриотические“ фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. И для этой благородной цели „передовые“ демократические нации помогают дикому царизму еще более душить Польшу, Украину и т. д., еще более давить революцию в России.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий—в особенности немецкой—граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирной исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889—1914), социалистического Интернационала пытается подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не противопоставляли себя преступному поведению правительств, а призвали рабочий класс слить свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди Интернационала совершили измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические („патриотические“) лозунги буржуазии „своих“ стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д. и т. п. Влиятельнейшие социалистические вожди и влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистически-буржуазной и либеральной, отнюдь не на социалистической точке зрения. Ответственность за

это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких соц.-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединялась с Бисмарком для подавления Коммуны.

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д. заявляем, что такое оправдание считаем софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики. Не далее, как накануне войны президент французской республики Пуанкаре во время своего визита Николаю II сам мог видет на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих. Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечесто от позора царской монархии. Но мы должны сказать, что если, что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешная война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской соц.-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистская печать в России.

Наша партия, Российская С.-Д. Рабочая партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыто, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство—Российская с.-д. рабочая фракция в государственной думе—сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть залу заседания думы для еще более энергичного выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистскую. И, несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, товарищи рабочие в России уже издают первые нелегальные воззвания против войны исполняя долг перед демократией и Интернационалом.

Оппортунисты сорвали решения Штуттгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленной проповедью гражданской войны и социальной революции. Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который вырацивался на почве особенностей,

миновавшей (т. наз. „мирной“) исторической эпохи, и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; — отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну, и проповедуя сотрудничество классов, — проповедуя буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в Коммунистическом Манифесте, что рабочие не имеют отечества.

Задачей соц.-демократии каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны. В России этот шовинизм всецело охватил буржуазный либерализм („кадеты“) и частью народников вплоть до с.-р. и „правых“ с.-д.

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских соц.-демократов, не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

В России задачами соц.-демократии ввиду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть попрежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-ми-часовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного „патриотического“ варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма.

Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации и организации. Пусть оппортунисты „берегут“ легальные организации ценой измены своим убеждениям, революционные соц.-демократы используют организационные навыки и связи рабочего класса для создания соответствующих эпохе кризиса нелегальных форм борьбы за социализм и сплочения рабочих не с шовинистской буржуазией своей страны, а с рабочими всех стран. Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма не долговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу

со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны.

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающей из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма"!

2-й Интернационал обанкротился. Погиб безвозвратно. Ц. К. принимает все меры к тому, чтобы связаться с теми частицами бывших социал-демократических партий, которые решительно отмежевались от своих, перешедших в шовинистический лагерь товарищей. В Германии Карл Либкнехт, Роза Люксембург и Тышко, окончательно порвали с шейдемановцами и создали нелегальную организацию „Спартак". Итальянские социалисты во главе с Серрати и Моргари, остались верными Интернационалу. В Швеции, в Голландии. во Франции, в Англии—тоже кой кто остались на интернационалистической точке зрения. Под сильным давлением большевистского Ц. К., итальянская социалистическая партия собрала международную конференцию социалистов-интернационалистов, но вопреки настояниям Ц. К., на ряду с действительными интернационалистами, были приглашены такие сомнительные, как Каутский и Аксельрод, которые примиряли в своем лице интернационализм с оборончеством. Конференция собралась в Циммервальде 9-го сентября 1915 года. На ней были представлены: Германия, Франция, Италия, Россия, Польша, Балканская федерация, Швеция, Норвегия, Голландия, и Швейцария. Россию представляли Ленин и Зиновьев от Ц. К. большевиков, Мартынов, Аксельрод и Мартов от меньшевиков, Чернов и Натансон от эсеров. На конференции мнения резко разошлись. Большинство не пошло за Лениным, который предлагал конференции призвать пролетариат к решительной борьбе за социальную революцию, за превращение империалистической войны в гражданскую. Большинство выработало манифест ко всем рабочим Европы, с призывом бороться за прекращение войны и за мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределений наций. Конференция избрала интернациональную комиссию, в которую вошли: Моргари, Шарль Нэн, Роберт Гримм и Анжелика Балабанова.

Ленин собрал вокруг себя всю левую оппозицию Циммервальдовской конференции и от имени „Циммервальдовской левой“ выпустил особый манифест с ясными лозунгами с призывом к революционной борьбе. Этот манифест резко отличался от ничего не говорящей половинчатой резолюции большинства Циммервальда, в которой ясно сквозит боязнь революции. Манифест „Левой Циммервальда“ широко распространился по обоим сторонам окопов и не мало содействовал разложению армии. Манифест этот послужил основой, вокруг которой все тесней сплачивались действительно революционные, действительно пролетарские части партий, резко отмежевавшиеся от всяких соглашательских и шовинистических элементов, бывших марксистов, бывших социалистов, и бывших революционеров, которые и тепер единым фронтом прислуживают капитализму.

Маленькая кучка настоящих революционеров, ушедшая с Лениным в Левую Циммервальда, родила 3-й Коммунистический Интернационал.

V. ПАРТИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ.

9-го января 1917 года, впервые, после долгого перерыва, рабочие вспомнили про кровь убитых 12 лет тому назад и рядом забастовок и демонстраций, с лозунгом „Долой войну“, показали что они уже готовятся к бою. Еще накануне Петербургский комитет широко распространил листовку с лозунгами: „Долой войну“, „Да здравствует учредительное собрание и демократическая республика“. И этот лозунг был вынесен массами 9-го на улицу. В далеком Баку дело началось с экономической забастовки на заводе бр. Нобель. Эта забастовка, благодаря аресту и посылки на фронт руководителей, принимает сразу резко политический характер, быстро распространяется по другим заводам и начинает переходит на промысла. В 1914 году империалистическая война прервала, быстро развивающийся революционный под'ем, как раз на бакинских и петербургских забастовках. После 3-летняго перерыва Российская революция начинается с тех же забастовок, в тех же городах. Забастовками руководят те же большевистские организации. 6-го февраля Петербургский комитет большевиков выпускает листовку с призывом к всеобщей забастовке и к демонстрации в день годовщины суда над „шестеркой“ думцев. Несмотря на угрозы генерала Хабалова, несмотря на увещания Милюкова оставаться спокойными, 10-го февраля, на всех заводах, происходят революционные митинги и всеобщая забастовка, начинает медленно, и упорно распространяться по всем заводам. 15-го начинаются уличные демонстрации, 18-го останавливается Путиловский завод, 19-го толпа голодных женщин громит продовольственные лавки, 23-го празднуют женский день, бастуют уже 50 заводов, разгромы с'естных лавок продолжаются. 24-го 200.000 забастовщиков, все на улице, все демонстрируют, требуют свержения самодержавия, прекращения войны. На улицах, кой где появляются баррикады. 25-го бастует

все и все, на улицах непрерывная стрельба. Рабочие громят „Новое Время“. Под давлением ворвавшихся в городскую думу рабочих, перепуганные гласные постановляют организовать избранную всем народом Продовольственную Управу. 26-го партия большевиков выпускает манифест о призывом организовать временное революционное правительство. Все улицы Петербурга превратились в одно сплошное поле битвы, всюду баррикады, проволочные заграждения, пулеметы. Начинает бастовать и Москва. Царь издает приказ о роспуске думы. Октябристско-кадетская дума постановляет не расходиться. В Москве всеобщая забастовка и уличные демонстрации. 27-го образуется Совет Рабочих Депутатов в Петербурге. К восставшим рабочим присоединяются Преображенский, Волынский и Литовский—полки. Толпа громит тюрьмы, освобождает арестованных, всюду идут бои. Дума выделяет Исполнительный Комитет государственной думы. Совет рабочих депутатов выбирает свой Исполнительный Комитет. 1-го марта, на соединенном заседании Исполнительного Комитета государственной думы с представителями рабочих депутатов, родилось временное революционное правительство. Так совершилась революция, которая уничтожила 300-летний трон Романовых. В эти дни в Питере было убито 1382 человека. Этой ценой Россия купила свободу.

Общее ликование распространилось по всей России по мере того, как на местах получены были телеграммы об отречении Николая и назначении временного революционного правительства. И всюду одновременно весь рабочий класс организовывался в Советы Рабочих Депутатов, вся буржуазия организовывалась под флагом Исполнительных Комитетов общественных организаций. Кто правил в первые дни революции? И в Петербурге, и в провинции, и на фронте вся власть сразу перешла в руки Советов Рабочих Депутатов. Старая власть без боя отстранилась. Весь государственный аппарат, вся исполнительная сила перешла в руки рабочего класса. И, несмотря на то, что вся громада крестьян, одетых в солдатские мундиры, по примеру питерских солдат, сразу и бесповоротно признала фактическую власть Петербургского Совета и ждала от него распоряжений и указаний, а временное революционное правительство, созданное буржуазией, ни на какую материальную силу не опиралось, тем не менее уже очень скоро Петербургский Совет Рабочих Депутатов сам устраняется от власти и начинает закреплять власть буржуазного правительства.

Как и по всей России, накануне революции, болшевистская организация Петербурга была слаба. Самые активные работники отсутствовали, они были либо в тюрьме, либо в ссылке, либо на фронте. Меньшевики-ликвидаторы, а также ликвидаторы эсеры были все на местах. У них был свой легальный центр—думская фракция, которая сразу сосредоточила на себе все внимание рабочих и солдат. И их сразу и бесспорно признали, когда они встали во главе Петербургского Совета. Три депутата: Чхеидзе, Скобелев и Керенский, из них два меньшевика, а третий бывший трудовик, бывший эсер, а теперь после 1-го марта снова эсер,

составляли президиум Совета. В первый Исполком Совета входило всего три большевика: Шляпников, Залуцкий и Молотов. Их, конечно, подавляли там. Приблизительно так же обстояло дело и по всей провинции. Во главе всех советов оказались меньшевики, эсеры, не потому, что они выбирались благодаря их убеждениям, а потому, что они оказывались налицо, потому, что в течение всех годов реакции они берегли себя исключительно на легальной работе. Получив неожиданно власть в свои руки, они верные всем своим прежним традициям, поторопились передать ее в руки буржуазии для скорейшей ликвидации революции.

Удовлетворились ли массы восставшего народа достигнутыми 28-го февраля результатами? Конечно нет. Народ шел на уличные бои под старыми большевистскими лозунгами: „учредительное собрание", „8-ми часовой рабочий день", „конфискация всей земли", и, прежде всего под лозунгом: „за мир, хлеб и свободу". Под этими лозунгами шли все рабочие. Для солдат и крестьян самыми важными лозунгами были: „земля" и „долой войну". Ни одно из этих требований пока еще не было достигнуто и не могло быть достигнуто при передаче власти буржуазному правительству. Не даром все союзнические посольства сразу фактически признали и приветствовали совершившуюся революцию. Для антанты переход власти от Протопоповых, Маклаковых, Алисы Гессенской и Николая—в руки Гучкова и Милюкова, означал действительную возможность доведения мировой войны до победного конца. Царская клика была черезчур ненадежным союзником. И уже начиная с 1915 года, антанта хорошо понимала, что помещичий царский режим воюет с Германией против воли и ищет только подходящего случая пойти на сепаратное соглашение с Вильгельмом, готов перебросить свое пушечное мясо на его сторону, против своих вчерашних союзников. Конечно и французский и английский послы, вместе с Родзянко и Гучковым, подготовляли дворцовый переворот и на революцию не расчитывали и, конечно, они предпочли бы, чтобы власть перешла в руки Гучковых и Милюковых, не при помощи уличной массовой революции. Но ни они, ни конспирирующие против самодержавия представители буржуазии не учли голода, не учли настроения солдат и крестьян. Нежелательная революция вспыхнула. Но все складывалось наилучшим образом. Победивший народ, в лице своих представителей, добровольно уступил буржуазии власть, для доведения не революции, а войны до победного конца. Временное Революционное Правительство, получив власть в свои руки, прежде всего пыталось восстановить самоустранившийся царский государственный аппарат, заменив кой-где старых администраторов своими ставленниками. Она поспешила прежде всего водворить всюду порядок, а главным образом восстановить дисциплину в армии.

Партийные организации начинают быстро налаживаться, раскрытые тюрьмы выпустили лучших работников. Уже 5-го марта выходит центральный орган Ц. К. большевиков „Правда". В ее редакцию входят: Сталин, М. И. Ульянова, Сокольников, Вардин и Шумятский. 7-го начинает выходить газета Московско-

го Бюро Ц. К. „Социал-Демократ", редактируемая Ольминским, Степановым, Бухариным и Сольцем. Разрозненные большевистские мнения начинают оформливаться. В первые дни революции, как будто забыты были фракции, как будто не было ни каких разногласий. Но уже первые шаги меньшевистского Исполкома ребром поставили целую массу вопросов, по которым не могло быть единого мнения у революционного и меньшевистского крыла. 8-го марта Петербургский комитет большевиков предлагает Исполкому немедленно ввести 8-ми часовой рабочий день, немедленно обратиться с призывом к демократии и пролетариату, воюющих стран, сейчас же приступить к совместному обсуждению условий прекращения войны. Такая же резолюция 10-го марта выносится Ц. К. большевиков. 11-го рабочие Москвы на массовой демонстрации поддерживают большевистские требования. 14-го марта Петербургский Совет протягивает руку международному пролетариату и призывает его к выступлению в пользу мира, без аннексий и контрибуций. Милюков уже 16-го торопится успокоить союзных послов, что главная задача русской революции состоит в том, чтобы довести войну до победного конца.

Карты раскрыты, их не хотят видеть господа, возглавляющие в Советах „обще-национальную революцию", все эти Чхеидзе, Керенские и Даны, их еще не видят широкие рабочие и солдатские массы, которые еще верят словам и терпеливо ждут фактов. Их уже начинают чувствовать те крестьяне, которые, как например, в Казанской губернии поняли революцию по своему и ничего не ожидая, приступили к революционному захвату помещичьих земель. Правительство пытается вразумить крестьян мерами строгости. Петербургская конференция эсеров (16-го марта) тоже осуждает крестьян и стремится оберечь помещичьи земли, увещевая крестьян ожидать терпеливо решения учредительного собрания. Начинают понимать и солдаты на фронте, когда царские генералы, именем временного правительства, восстанавливают палочную дисциплину. Ясно расшифровывает эти раскрытые карты, в „Письме издалека"—Ленин. Он говорит, что первый этап революции закончен, буржуазия стала у власти, теперь надо готовиться ко второму этапу, к свержению власти буржуазии, которая не может и не хочет дать ни мира, ни свободы, ни хлеба. т. е. всего того, что нужно всем рабочим, всем крестьянам. Этот второй этап революции уже не будет иметь обще-национальный характер. Его проделает пролетариат с двумя единственно-мыслимыми союзниками. т. е. всей мелко-крестьянской и полупролетарской крестьянской массой и с международным пролетариатом, который также неизбежно, несмотря на всю свою забитость, должен выступить в бой со своей буржуазией.

Меньшевики ничего не понимают, они считают революцию законченной. Для поднятия авторитета временного правительства, организуют „контактную комиссию" (Скобелев, Стеклов, Суханов, Филипповский и Чхеидзе). Они все еще уверены, что между народом и буржуазным правительством может быть какой нибудь контакт. Они все еще не хотят видеть, что у временно-

го правительства создался контакт, но не с народом, а с сознательной империалистической буржуазией, которой до зарезу нужно для ее спасения русское пушечное мясо, которое правительство Гучковых и Милюковых обещается доставить им в неограниченном количестве.

1-го апреля на Всероссийском совещании Советов, на котором представлено свыше 20.000.000 рабочих и солдат, Каменев от имени Бюро ЦК. большевиков, оглашает резолюцию с предложением осуществлять бдительный контроль над действиями временного правительства в центре и на местах, побуждать его к самой энергичной борьбе за полную ликвидацию старого режима. Далее он предлагает всем сплотиться вокруг Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, как зачатков революционной власти, единственно способной отразить попытки царистской и буржуазной контр-революции и упрочить и расширить завоевания революционного движения.

3-го апреля приехал из за-границы Ленин, и уже 4-го он огласил на широком собрании свои тезисы, сразу поставившие всюду работу большевиков на определенные, хорошо отточенные рельсы. Ленин предлагает: 1) Признать, что при новом правительстве, империалистическая война сохраняет свой грабительский характер. При ней революционное оборончество не допустимо, оно станет возможным только тогда, когда власть из рук буржуазии перейдет полностью в руки пролетариев и примыкающих к нему бѣднейших частей крестьянства, при полном отказе, не на словах, а на деле, от всяких аннексий; при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала. Мир не возможен без свержения капитала. Для мира нужна широкая пропаганда братания в армии. 2) Своеобразие текущего момента в России—состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата—ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства. 3) Никакой поддержки временному правительству, раз'яснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение невозможности для него перестать быть правительством капиталистов, империалистическим правительством. 4) Признать факт, что в большинстве Советов Рабочих Депутатов наша партия в меньшинстве и пока в слабом меньшинстве, перед блоком всех партий мелкобуржуазных, оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат. Раз'яснять массам, что Советы Рабочих Депутатов есть единственно возможная форма революционного правительства. Наша задача, пока мы в меньшинстве, критиковать и выяснять ошибки теперешнего состава Советов и широкой пропагандой подготовлять сознание масс к необходимости перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов. 5) Не парламентарная республика—возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране снизу до верху. Устране-

ние полиции, постоянной армии и чиновничества. Плата всем чиновникам при выборности и сменяемости их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего. 6) В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы Батрацких Депутатов. Конфискация всех помещичьих земель. Национализация всех земель в стране, распоряжение землей местными Советами Батрацких и Крестьянских Депутатов. Выделение Советов Депутатов от беднейших крестьян. 7) Слияние немедленное всех банков страны в один общий национальный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д. 8) Не введение социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов. 9) Партийные задачи: а) немедленный с'езд партии, б) перемена программы партии, главное: об империализме и империалистической войне, об отношении к государству и наше требование государства-коммуны и исправление отсталой программы-минимум, в) перемена названия партии. Вместо социал-демократии, официальные вожди, которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии, надо называться Коммунистической Партией. 10) Взять инициативу создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против центра.

Этими тезисами намечена устойчивая и определенная тактика партии, которая, после систематической и планомерной работы, была фактически осуществлена через 9 месяцев после начала февральской революции. Терпеливым и настойчивым разъяснением доверчиво-бессознательным массам действительного положения вещей всей подноготной капиталистического временного правительства и соглашательского и антиреволюционного характера меньшевистских и эсеровских вождей, большевики начали все глубже проникать в толщу масс. Жизнь широко иллюстрировала правильность диагноза, поставленного Лениным. Партия вначале была в сильном меньшинстве во всех выборных учреждениях. Массы рабочих еще идут за меньшевиками, масса крестьян и обывателей еще верит эсерам. За их списки охотно голосуют. Ведь они обещают без бою дать все: и мир, и свободу, и хлеб, и землю. А большевики, наоборот, говорят, что надо еще бороться, все это еще должно быть завоевано, даром ничего не дадут. За большевиками идут вначале почти исключительно старые выдержанные борцы, закаленные в дни реакции и первой революции. На апрельской конференции большевиков в 1917 году они насчитывали всего 79.000 членов по всей России. Меньше, чем их было на последнем общепартийном с'езде в Лондоне,—в 1907 году, когда за большевиков было подано до 150.000 голосов. Но уже к концу июля того же 1917 года, после начала наступления на фронте, предпринятого Керенским, когда широкие массы должны были убедиться на деле, что все разговоры о мире являются пустой болтовней, что на деле правительство Керенского, при поддержке меньшевиков и эсеров, продолжает ту же империалистическую политику, под диктовку антанты, которую до них вели и капиталистическое и

царское правительства, тогда ряды большевиков начинают быстро пополняться. И это несмотря на то, что в то время, в особенности после июльской демонстрации, было уже не безопасно называться большевиком, когда и временное правительство и все предатели „социалисты“ распространяли и против большевиков, и против вождя их—Ленина самые гнусные сплетни, когда Ленин и Зиновьев снова были вынуждены скрываться и жить нелегально. И вот именно тогда на VI-м с'езде партии, собравшемся в конце июля, его делегаты уже представляли до 177.000 организованных членов. Июльская демонстрация, в которой участвовало в Петербурге свыше 500.000 человек, прошла исключительно под большевистскими лозунгами: „Вся власть советам“, „Долой министров-капиталистов“, „Прекратить наступление“, „Контроль над производством“, „Земля—государственная собственность“. После июльских дней совершенно исчезают колеблющиеся элементы, все настоящие революционеры резко отмежевываются от оборонцев-соглашателей и бесповоротно примыкают к большевикам. В июле 1917 года влилась в большевистскую партию междуроайнная организация, состоявшая из троцкистов, впередовцев и некоторых меньшевиков-партийцев. Во главе этой организации пришли к большевикам: Троцкий, Юренев, Луначарский, Володарский и Урицкий. Тогда же примыкает к партии и группа меньшевиков—интернационалистов, во главе с Лариным, который, наконец, решился порвать с Мартовым и другими. Начинает ясно намечаться. что тот кто стоит за доведение революции до конца, тот шел к большевикам, кто стоял за сохранение власти буржуазии, тот оказывался по ту сторону баррикады, сливался в один белогвардейский блок из Гучковых, Милюковых, Мартовых, Черновых, Алексинских, Бурцевых, генералов Алексеевых, Калединых и Деникиных.

Первый руководящий большевистский центр был избран на апрельской конференции, в него вошли: Ленин, Сталин, Зиновьев, Свердлов, Каменев, Ногин, Милютин, Федоров и Смилга. На VI-м с'езде Ц. К. был переизбран, в него вошли: Ленин, Свердлов, Троцкий, Зиновьев, Сталин, Каменев, Ногин, Рыков, Бухарин, Артем, Колонтай, Урицкий, Милютин и Ломов. Вот этот то штаб партии произвел величайшую в мире революцию. Он твердо взял руководство в свои руки и решительно повел партию и пролетариат к победе над всеми контр-революционными силами.

Ровно 20-ть лет, после первого с'езда партии, завещавшего, как основную задачу партии направлять борьбу рабочего класса России к тому, чтобы самостоятельно сбросить ярмо самодержавия, и с большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией, до полной победы социализма, партия собравшись на свой VII-й с'езд в марте 1918 года могла констатировать, что самодержавие в России окончательно свергнуто, свергнута и власть русской буржуазии и что партия теперь вступает в борьбу со всей мировой буржуазией. Мировой капитал напрягает теперь все усилия, чтобы задушить первую рабоче-крестьянскую советскую республику. На этом же с'езде партия отказалась от своего старого, установленного 20 лет тому назад на

первом с'езде, имени. Очень уж много грязи прилипло к этому имени, связанному с изменой 2-го Интернационала. Под этим же именем, по ту стороны баррикады сражаются с пролетарской революцией все изменники рабочего класса. Отныне партия приняла старое Марксовское название партии, освещенное героями и заветами Парижской Коммуны, истинным завершителем которых является наша партия после Октябрьской революции.

Пять лет партия находится у власти, укрепляет власть пролетариата и беднейшего крестьянства, строит на новых началах—новую жизнь. Партия за это время гигантски выросла, уже X-й с'езд насчитывал 703.000 членов. За эти пять лет и России и партии пришлось очень много пережить. Наблюдались иногда колебания у того или иного из вождей партии, создавались те или иные группировки, но партия в целом никогда никаких колебаний и сомнений не знала, она последовательно проводила в жизнь раз намеченную задачу. Часть руководителей партии поколебалась накануне самой Октябрьской революции, когда пришлось решительно порвать со всеми прошлыми представлениями о ходе революции, когда надо было решительно действовать не только против явных агентов буржуазии и старого режима, но и против тех, кого обыкновенно считают по сю сторону баррикады, т. е. против меньшевиков эс-эров. Но властный голос лидера партии Владимира Ильича Ленина, опирающегося на активное большинство партии, резко прервал всякие сомнения и повел партию на Октябрьскую революцию, на беспощадную борьбу с Красновым и Калединым, на жестокое подавление эс-эровских и меньшевистских восстаний и на действительное прекращение войны. Снова заколебались ряды вождей партии, когда Россия встала перед вопросом, подчиниться ли грубому насилию, продиктованному германским империализмом в Бресте. Сильно возмущала кой-кого из товарищей необходимость признать свое бессилие и подписать „похабный" Брестский мир. Надо итти на все, говорили они, организовать революционную оборону, биться до конца, но не уступать. Была одно время опасность, что по этому вопросу единая партия расколется, отойдут от нее „левые" коммунисты, но опять та-же могучая воля сохранила единство партии, единство тактики. Мир был подписан, Россия получила благодаря этому передышку, во время которой, она бросив свои лучшие силы на дело организации новой красной классовой армии, вместо разложившейся царской армии. И эта красная армия, во главе со своими вождями: Троцким, Фрунзе, Буденным. Ворошиловым, Мураловым и многими другими, не только свела на нет все обязательства, навязанные Брестским миром, но и пресекла всякую попытку видеть в России побежденную страну, в которой можно хозяйничать, как угодно. При помощи этой армии, в состав которой партия вливала всех своих лучших членов, были ликвидированы все фронты, вся территория России восстановлена, освобождена от внутренних и внешних врагов. Партия в ходе этой титанической борьбы изжила все „детские болезни левизны" и спаялась в одну твердую, стойкую. дисциплинированную, точно литую, массу. И она суме-

ла сознательно маневрировать, в неслыханно тяжелых условиях, страшного наследия 300-летнего царствования Романовых, хищнического хозяйничанья грабительской отсталой буржуазии, при условиях полной разрухи и обнищанья созданных за время 8-ми лет империалистической и гражданской войны. Перебрасывая партийные силы с одного фронта на другой, превращая мирного гражданина в воина и полководца, превращая воина в хозяйственника, хозяйственника в партийного работника или администратора, партия сначала все свое внимание обращала на ликвидацию всех военных попыток победить революционную Республику. „Все для фронта"—этот лозунг проводился партией с жестокой последовательностью. Жизнь всей Республики была подчинена интересам фронта. Но как только военные фронты были ликвидированы, все силы партии были направлены на восстановление и возрождение хозяйства и здесь, только благодаря стойкости и энергии, проявленной партией, Республика была спасена от страшной опасности, угрожавшей ей в связи с голодом 1921 г., который грозил свести на нет все завоевания революции, все победы, одержанные красной армией. Не будь у русского пролетариата и крестьянства в эту тяжкую годину, такого вождя, каким была коммунистическая партия большевиков, Республика была бы растерзана на клочки, старый порядок был бы восстановлен, помещики вернулись бы на свои земли, капиталисты на свои фабрики и заводы, а всю Республику также насиловали бы армии империалистов, как они насилуют сейчас Германию, управляемую сейчас блоком меньшевиков и капиталистов. Партия, во время учтя всю опасность момента, круто повернула руль от военного коммунизма на новую экономическую политику и этим своевременным поворотом оказала пролетарско-крестьянской России не меньшую услугу, чем своими победами на военных фронтах. И тут, вопреки преждевременной радости всех заклятых врагов советской власти, она не сошла с завоеванных позиций, вся главная крупная промышленность, вся добыча и переработка топлива, весь транспорт, т. е. весь основной нерв экономической жизни страны остался в распоряжении пролетарско-крестьянской власти.

Партия никогда не действовала наобум, не действовала под первым впечатлением событий сегодняшнего дня. Она всегда умела по-марксистки, диалектически поставить правильный диагноз всей сложной, запутанной окружающей обстановки. И на основе правильного определения текущего момента перестраивать свои ряды, направлять все внимание членов партии и всей рабоче-крестьянской массы на определенную, самую важную в данный момент—задачу и, организовав коллективные усилия, блестяще разрешать эту задачу. Партия понимала, что судьба русской революции не зависит только от одного русского народа и поэтому она с самого начала Российской революции уделяла колоссальное внимание на создание в мировом масштабе такого же мощного, революционно и марксистски мыслящего штаба, каким она была сама в российском масштабе. Из всего мусора, оставшегося после крушения 2-го Интернационала, она тщатель-

но выкапывала отдельные жизнедеятельные ячейки и помогала им превращаться в могучие коммунистические партии. При этом освещала работу этих новых партий своим революционным и марксистским опытом, помогала им окончательно очиститься от всех колеблющихся, от всех сомнительных элементов, приставших к ним, как наследие старой партии. К 5-й годовщине Октябрьской революции партия могла с гордостью констатировать, что и эта работа ее увенчалась блестящим успехом. На IV-м конгрессе Коминтерна, уже создался единый, руководящий боевой центр мирового пролетариата. И этот центр опирается сейчас на массовые идейно единые партии во всех, почти странах. На ряду с этим пробуждением классового коммунистического самосознания пролетариата капиталистических стран, партия проделала также колоссальную работу по пробуждению национального движения угнетенных восточных народов, хищнически эксплоатируемых европейским капиталом. И теперь можно смело сказать, что быстро растущее движение в этих угнетенных странах гигантскими шагами приближает окончательный крах буржуазного общества, которое не может существовать без колоний, без угнетений целых народов. Национальное пробуждение и освобождение востока есть конец буржуазной Европы и Америки, есть начало торжества коммунизма в мировом масштабе.

На IV-м конгрессе Коминтерна вождь венгерских коммунистов Белла-Кун, сравнивая победу Российской революции с поражением венгерской и баварской советских республик, говорил, что они погибли, потому что у них не было такой выдержанной, дисциплинированной и спаянной воедино партии, какая была в России, в ходе русской революции в лице Российской Коммунистической партии (большевиков). И все представители международного пролетариата бурными аплодисментами подтвердили правильность слов Белла-Куна. Но на ряду с этим, еще более бурными и восторженными овациями, которыми встретил конгресс т. Ленина, представители всех партий заявили, что ни у одной партии не было и нет такого вождя, какой есть у Российской партии в лице Ильича.

Пробегая бегло историю Российской Коммунистической партии большевиков за минувшие 25 лет, необходимо сказать, что если партия стала тем железным легионом, который ведет все вперед и вперед от одной победы к другой, российскую и мировую революцию, то главная заслуга, несомненно должна быть приписана вождю партии В. И. Ленину. С первых же своих выступлений в спорах с народниками и с легальными марксистами он обнаружил свой основной талант уметь правильно оценить момент, уметь предвидеть далеко вперед дальнейший ход событий и не поддаваясь настроению и впечатлению сегодняшнего дня, правильно намечать тенденцию развития и уже в связи с этим определять тактику партии. Определив тактику, вести ее неуклонно, без компромиссов, без колебаний. И этот свой талант он уже блестяще проявил, когда организовывал в 1895 году в Петербурге первый „Союз борьбы за освобождение

рабочего класса". Этот талант Ленина обнаружился в полной мере, когда он вышел на более широкую арену, став фактически во главе первой политической революционной газеты «Искры», когда он, последовательно проводя лозунг, сначала отмежеваться от всяких инако мыслящих, от всяких непоследовательных элементов, начал вокруг газеты спаивать боевую партию, когда он на с'ездах и конференциях, намечал и проводил тактику революционной социал-демократии, в противовес расплывчатой, приспособляющейся к сегодняшнему дню, оппортунистической тактике противников. Но во всю ширь развернулся этот его талант, когда он от борьбы и разрушения старого, перешел к созданию новой жизни, к проведению в жизнь всего, о чем так много поколений революционеров рабочих мечтало, к осуществлению того, что так ярко 75 лет тому назад предсказал учитель Ленина—Карл Маркс.

За 25 лет наша партия, из маленьких ячеек, разбросанных по всей России и ищущих пути, живущих только чужим опытом, выросла в громадную армию, сознательно строющую новую жизнь из обломков все более и более разваливающегося буржуазного мира. Работа Ленина не пропала даром. Он с'умел свой основной талант передать своим сотрудникам и ученикам, воспитать из них настоящих руководителей, создать из них основные кадры партии, которые, не отрываясь от массы партийных работников, от массы всех рабочих и крестьян, впитывают в себя все их жизненные интересы, всю их нужду, все их чаяния, офармливают их в коллективном творчестве, ищут и находят верные пути дальнейшего движения—«все вперед и выше».

Еще много работы впереди: побороть разруху, побороть неграмотность, некультурность, изжить все пережитки старого, сохранившиеся в каждом из нас, наладить на новый лад все хозяйство страны, втянуть всю толщу рабоче-крестьянской массы в активное строительство новой жизни, втянуть весь мировой пролетариат в последний бой с капиталистическим строем. Еще громадная необ'ятная работа впереди, но железный легион—Российская Коммунистическая Партия (большевиков)—составная часть Коммунистического Интернационала, этой необ'ятной работы не боится. И она справится с ней. Порукой тому ее 25-летняя история борьбы, порукой—ее уменье выделять из массы все новые и новые кадры вождей, порукой те традиции и методы борьбы, в которых воспитал и воспитывает партию В. И. Ленин. Партия не боится борьбы, не боится опасности, в ней жива вера в победу и она победит, доведет коммунизм до мирового торжества.

М. Лядов.

20 февраля 1923 г.
Нижний-Новгород.